

270

ПОДСИЪЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 6. ІЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСНЪЖНКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕЙ ВОЗРАСТА

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 6. І Ю Н Ъ .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ПОДСУЖЕНІЯ

ЖАРНАЛЪ

ДЛЯ ВЪСТАВЛЕНІЯ ВЪ ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 26 іюля 1860 года.

Ценсоръ С. Лебедевъ.

ГОДЪ ТРЕТИЙ

№ 6. ІЮНЬ.

САНКТИПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ
СТАТЕЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ
ШЕСТИ КНИЖКАХЪ
ПОДСНѢЖНИКА

1860 года.

1860.

ЯНВАРЬ.

Лиса-Патрікѣвна (*русская народная сказка*) *А. Витте.*

Сонъ Негра, *стихотвореніе А. Майкова.*

Русскій въ плѣну у Коканцевъ.

Египтяне (*по Максу Дункеру*), *В. Милланта:*

1. Страна и народъ. — 2. Древнее Мемфисское царство. — Гиксосы. Возстановленіе и цвѣтущее состояніе Египетскаго царства.

II

Народныя преданія древнихъ грековъ:

Преданія о Троянской войнѣ.

Событія, предшествовавшія началу войны:

1. Построеніе Трои. — 2. Пріамъ, Гекуба и Парисъ. — 3. Похищеніе Елены. — 4. Греки.

Животныя Новой Голландіи (съ 3-мя рисунками).

ФЕВРАЛЬ.

Утиное болото (съ французскаго):

Что за мальчикъ былъ Жанъ Беренъ? — Какою дорогою ходилъ Жанъ въ школу? — Утиное болото. — Жанъ опять услыхалъ голосъ Феи. — Опять голосъ Феи.

Картины сѣверной Скандинавіи, статья первая:

Глава I. Кораблекрушеніе. — II. Въ лѣсу.

Народныя преданія древнихъ грековъ:

Преданія о Троянской войнѣ.

Событія, предшествовавшія началу войны:

5. Посольство грековъ къ Пріаму. — 6. Агамемнонь и Ифигенія. — 7. Отплытіе грековъ изъ Авлиды; они покидаютъ Филоктета. — 8. Греки въ Мизіи; Телефъ. — 9. Возвращеніе Париса.
10. Греки подъ Троею.

III

Египтяне (по Максу Дункеру), окончаніе, **В. Миле-анта:**

4. Египетъ при послѣднихъ фараонахъ. —

5. Религія о просвѣщеніе Египтянъ. — 6.

Государственное устройство, нравы и обы-
чай Египтянъ.

МАРТЪ.

Утиное болото (съ французскаго) окончаніе:

Мертвый утенокъ. — Что изъ этого вышло? —

Г. Томасъ не слишкомъ вѣрить въ утиную
волшебницу. — Опять утиное болото. — Глава
изъ которой видно, что волшебница не была
волшебницею.

Изъ записокъ путешественника по Европѣ **Д. Гри-
горовича.**

I. Датчане и Давія. — II. Уборка хмѣля и
рабочій народъ въ Англіи.

Картины сѣверной Скандинавіи (окончаніе).

III. Эмтландъ. — IV. Бѣгство. — V. Въ пу-
стынѣ. — VI. Городъ и водопадъ.

Чтеніе изъ русской исторіи.

I. Россія при Царѣ Алексѣѣ.

Животныя Новой Голландіи (съ 2мя рисунками), окончаніе.

А П Р Ъ Л Ъ .

Чтеніе изъ русской исторіи (продолженіе).

Россія при Царѣ Θεодорѣ. — Царствованіе Петра: I. Первый Стрѣлецкій бунтъ.

Сказанія древнихъ Германцевъ, *Н. Авенаріуса*:

Введеніе.

Миѳическія сказанія:

I. О томъ, какъ Торъ воротилъ свой молотъ. — II. О томъ, какъ азы выкупились изъ плѣна.

Сказаніе о Зигфридѣ:

I. Зигфридъ дома. — II. Зигфридъ въ дорогѣ. — III. Зигфридъ при бургундскомъ дворѣ. — IV. Смерть Зигфрида. — V. Местъ Кримгильды.

Янтарь, съ 5-ю рисунками.

Квентинъ Дорвардъ (историческій романъ Вальтера Скотта, въ сокращеніи):

I. Противуположность. — II. Странникъ. — III. Замокъ. — IV. Завтракъ. — V. Воинъ.

М А Й.

Чтеніе изъ русской исторіи (*продолженіе*):

II. Волненіе раскольниковъ. — III. Второй
Стрѣлецкій бунтъ.

Изъ записокъ путешественника по Европѣ, *Д. Григоровича*:

III. Голландія и Голландцы.

Мнимый шпионъ (изъ воспоминаній о Севастополѣ),
Н. Берга.

Русская старинная рукопись, *Н. С—на*.

Водолазное искусство (*съ 5-ю рисунками*).

Квентинъ Дорвардъ (*историческій романъ Вальтера Скотта, въ сокращеніи*):

VI. Цыгане. — VII. Определеніе на службу.

І Ю Н Ъ.

Бѣлка, *А. Ризникова*.

Прусскій король Фридрихъ Великій:

- I) Происхожденіе прусскаго государства. —
- Характеръ короля Фридриха Вильгельма I. —
- Воспитаніе Фридриха. — Суровость отца. —

VI

Бѣгство. — Судь. — Жизнь въ Рейнсбергѣ. —
Смерть Фридриха Вильгельма. — II) Начало
правленія Фридриха II. — Первая Силез-
ская война. — Вторая силезская война. —
III) Частная жизнь Фридриха II-го. — Его
обыкновенія, склонности, занятія. — Его
путешествія. — Анекдоты.

Языкѣ животныхъ.

Квентинъ Дорвардъ (*историческій романъ Вальтера Скот-
та, въ сокращеніи*):

VIII. Посоль. — IX. Кабанья трапля. —

X. Часовой. — XI. Роландовая зала. —

XII. Политикъ.

И О Н Р

ВЪ КОНТОРАХЪ И РЕДАКЦИИ

ЖУРНАЛА

ПОДСНѢЖНИКЪ

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА:

1) «ПОДСНѢЖНИКЪ» за 1858 и 1859 годы (до 2000 страницъ въ каждомъ году, съ рисунками), съ пересылкою *двѣнадцать* руб., вмѣсто прежнихъ *пятнадцати*; выписывающіе за одинъ который либо годъ, платятъ съ пересылкою *шесть* руб. *пятьдесятъ* коп. (вмѣсто 7 р. 50 к.).

2) «Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскихъ писателей» (412 стран.), два выпуска.

Цѣна «СБОРНИКУ», за каждый выпускъ отдѣльно, въ бумажкѣ *семдесятъ пять* коп., въ изящномъ парижскомъ переплетѣ, съ золотомъ — *одинъ* руб.; на пересылку прилагается 25 к.; за оба выпуска, въ бумажкѣ 1 р. 20 к., въ парижскомъ переплетѣ 1 р. 50 к.; за оба выпуска прилагается на пересылку 50 коп.

3) **Собрание чудесъ**, дѣтскія повѣсти, заимствованныя изъ мифологіи, соч. Американскаго писателя НАТАНІЭЛЯ ГОТОРНА, съ *тридцатью семью* отдѣльными отъ текста рисунками французскаго рисовальщика БЕРТАЛЯ (въ книгѣ 492 стран.).

Цѣна: въ бумажкѣ *одинъ* руб. *семьдесятъ пять* коп., въ изящномъ французскомъ переплетѣ, съ золотомъ и серебромъ — *два* руб. *пятьдесятъ* коп., на пересылку прилагается 50 коп.

Г. г. иногородные и книгопродавцы благоволятъ обращаться съ требованіями въ Редакцію «ПОДСНѢЖНИКА», въ С. Петербургѣ, по Лиговкѣ, въ домѣ Зуева.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

БЪЛКА посвящается <i>Мих. Кар. Шмикову А. РИЗ-</i> <i>НИКОВА</i>	1
ПРУССКІЙ Король, <i>Фридрихъ Великій</i>	19
ЯЗЫКЪ ЖИВОТНЫХЪ.....	47
КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ (<i>историческій романъ Вальтера</i> <i>Скотта, въ сокращеніи</i>):	
VIII. <i>Посоль.</i> — IX. <i>Кабанья травля.</i> —	
X. <i>Часовой</i>	111—203

Содержание
Содержание

Содержание

Введение	1
Часть I. Общие сведения	10
Часть II. Описание	47
Часть III. Заключение	100

Содержание

X. Заключение 111—208

VIII. Заключение IX. Заключение 111—208

Б Ъ Л К А.

(посвящается *Мих. Кар. Шишкову*).

Въ одномъ изъ тихихъ уголковъ шумнаго Петербурга, въ Спаскомъ переулкѣ, куда рѣдко, бывало, забредеть разнощикъ съ какими нибудь диковинками, рѣдкими птицами, звѣрьками и проч., — товаръ, который всегда сбывается скорѣе на Невскомъ проспектѣ или у гостинаго двора, — появился какъ-то мужичокъ, продававшій молоденькую бѣлочку, въ красивой клѣткѣ, сдѣланной на подобіе домика, съ огромнымъ съ боку колесомъ, сообщавшимся съ клѣткой посредствомъ дырочки въ стѣнкѣ и въ кружкѣ колеса.

Раза три прошелъ улицу мужикъ изъ конца въ конецъ, кричалъ, кричалъ, расхваливая бѣлку, поднимая клѣтку выше головы и выставляя свою диковинку предъ всеми окнами. Никто не подзывалъ мужика, никто не хотѣлъ бѣлки. Потерявъ всякую надежду на сбытъ, онъ рѣшился было выйти въ другую улицу, но остановился еще въ раздумьѣ на мостовой, почесалъ затылокъ, обвелъ глазами по всемъ окнамъ домовъ — и вдругъ встрепенулся и пошелъ скорымъ шагомъ къ одному каменному дому.

«Купите, милый баринъ,» почти умоляющимъ голосомъ сказалъ мужикъ, показывая бѣлку мальчику лѣтъ четырнадцати, сидѣвшему у окна въ нижнемъ этажѣ дома.

Мальчикъ этотъ читалъ какую-то французскую книгу, часто посматривалъ въ лексиконъ и какъ будто училъ что-то наизусть: онъ часто поднималъ голову вверхъ и что-то шепталъ, повременамъ закрывая глаза. Услышавъ предложеніе мужика, онъ приподнялъ свою кудрявую голову, посмотрѣлъ на клѣтку, улыбнулся на бѣгавшую въ колесѣ красивую бѣлку, и спросилъ: — А дорого ли просишь?

«Нѣтъ, милый баринъ, не дорого. Возьмите; сегодня только поймалъ, — эво какъ скачетъ, милашка!»

— А сколько же? спросилъ мальчикъ, положивъ голову на лодонь лѣвой руки, упертой въ подоконникъ, и не вставая съ мѣста.

«Да надо бы взять за нее рублей 14 ас. — рѣдкій звѣрь!»

Тогда считали деньги на ассигнаціи, хоть серебра въ ходу было больше, чѣмъ теперь.

— Ой, ой, ой!... что ты! куда мнѣ!... сходилъ бы ты лучше на верхъ: тамъ живетъ богатый портной...

«Куда ему!... купите, я уступлю.»

— А за сколько?

«Да дайте, батюшка, 10 рубликовъ — и возьмите ее съ Богомъ.»

— Нѣтъ, нѣтъ — не надо, — сказалъ мальчикъ, больше и больше впиваясь глазами въ бѣлку.

«Не жалѣйте, баринъ, денегъ: куда вамъ ихъ дѣ-
вать, ваше высокоблагородіе!..»

Послѣднія слова, не спроста сказанныя лука-
вымъ мужичкомъ, щекотнули тщеславіе мальчика, —
тѣмъ болѣе, что онъ и въ самомъ дѣлѣ въ этотъ день
считалъ себя чуть не Крезомъ: онъ только что полу-
чилъ съ почты пятьдесятъ рублей, присланные ему
отъ родныхъ.

— Покажи ка мнѣ ее поближе сказалъ онъ, вста-
вая.

«Извольте» торопливо подскочивъ къ самому окну
сказалъ мужикъ, передалъ клѣтку въ комнату, и,
снявъ шапку прибавилъ: «купите, ваше сіятельство:
эво какая вѣдь живность-то потѣшная!»

— Ну, хорошо, хорошо, балагуръ; дорого, да ужъ
нечего съ тобой дѣлать — возьми.

Не успѣлъ онъ отдать деньги, какъ въ комнату
вошли трое его товарищей, почти его ровесники.

«Посмотрите, господа, что у меня есть» радостно
воскликнулъ онъ.

— Ну, вотъ потѣха! теперь хозяйскимъ крыскамъ
будетъ веселѣй! сказалъ одинъ изъ вошедшихъ.

— У насъ будетъ настоящій звѣринецъ! — при-
бавилъ другой.

— Да, теперь и палкой любопытныхъ отъ окна
не отгонишь, замѣтилъ третій.

И всѣ они, полюбовавшись вертѣвшееся въ колесѣ
бѣлкой, отправились въ спальню, переодѣться въ до-
машній костюмъ и принятыя готовить уроки француз-

скому учителю, который въ скоромъ времени долженъ былъ придти.

Квартиру эту нанималъ отъ хозяина дома небогатый холостой человѣкъ, Горемыкинъ, и держалъ у себя на хлѣбахъ этихъ четырехъ юношей, пріѣхавшихъ въ столицу для поступленія въ учебное заведеніе.

Горемыкинъ, тоже не Петербургскій уроженецъ, когда-то, въ молодыхъ лѣтахъ, прибылъ съ юга Россіи въ столицу искать счастья; но увы!... счастье капризно... Не суждено было тогда Горемыкину уловить его.

Родители его умерли отъ свирѣпствовавшей тогда холеры, имѣніе ихъ поступило въ опеку — и только и слуху было объ немъ! куда дѣвалось оставшееся послѣ нихъ добро, кто управлялъ имѣніемъ и сколько собиралось съ него дохода; куда поступалъ этотъ доходъ, даже кто были опекуны — ничего не зналъ Горемыкинъ! дошелъ только наконецъ до него слухъ, что перебивалось множество опекуновъ, и что они такъ управляли деревнею, что у Горемыкина не осталось на конецъ, какъ говорится, ни кола, ни двора. Безъ отца, безъ матери, безъ копѣйки денегъ, онъ уже не могъ думать о счастья кончить полный курсъ въ университетѣ и, оставивъ его, принужденъ былъ поступить на службу, чтобы имѣть насущный хлѣбъ. Какой-то добрый человѣкъ помогъ ему въ этомъ, а въ послѣдствіи доставилъ ему и нахлѣбниковъ — четырехъ юношей, съ которыми мы познакомились.

Завидное житье было бѣлкъ у своего молодого

покровителя: онъ ухаживалъ за ней съ любовію, и ужь чѣмъ только не кормилъ ее: давалъ ей и булки моченой въ сливкахъ, давалъ и кедровыхъ, и всякихъ другихъ орѣховъ, и чищенныхъ, и нечищенныхъ. А все таки бѣлка не могла свыкнуться съ жизнью въ клѣткѣ, все ей хотѣлось вырваться на свободу. Неволя, какъ ее не услаждай, все-таки неволя. Первый день бѣлка и пищи не принимала: то и дѣло металась въ клѣткѣ, какъ съумасшедшая. То пыталась она прорваться между желѣзныхъ прутьевъ, не жалѣла головки своей, которую избивала до крови, даже мѣстами кожу содрала; то шмыгнетъ на чердачекъ клѣтки, то опять вернется внизъ, то, увидавъ дырочку, ведущую въ колесо, бросится туда — и, обрадованная, побѣжитъ, понесется; бѣжитъ, бѣжитъ, что есть духу перебираетъ лапками — и рысцой и вскачь; визжитъ колесо; бѣдная плѣнница думаетъ, что далеко убѣжала, — оставается, посмотреть вокругъ себя — все на томъ же мѣстѣ. Понять не могла бѣдная, отчего это она, какъ ни трудится, а ни на шагъ отъ прежняго мѣста не можетъ отбѣжать; отдохнетъ — и снова пустится бѣжать: на родину, на свободу — въ лѣсъ ей хотѣлось; Такъ прошло дня три или четыре въ мучительныхъ хлопотахъ, въ бесполезныхъ попыткахъ: увидѣла она несбыточность своихъ надеждъ, — умаялась, стала смириѣе, доступнѣе, и хоть въ колесѣ бѣгала по прежнему, но не металась съ прежнимъ страхомъ, не дичилась: какъ будто поняла, что она не между злыми, что ее никто не обижаютъ. Въ этомъ почти спокойномъ состояніи духа, она стала по временамъ болѣ-

присматриваться къ окружающимъ предметамъ. Болѣе всего, казалось, интересовали ее двѣ маленькія, бѣленькія, съ красными, коралловыми глазками, мышки — ея сосѣдки. Мыши эти жили въ такомъ же, какъ у бѣлки, домикѣ, только поменьше, и также съ колесомъ. Въ домикѣ своемъ, въ которомъ онѣ уже давно обжились, онѣ мирно проводили дни свои въ невинныхъ удовольствіяхъ. Казалось, любо было бѣлкѣ смотрѣть на эту согласную парочку; завидно было ей, одинокой, смотрѣть на счастливую жизнь ихъ вдвоемъ: куда одна мышка сунется, туда и другая, — одна прыгнетъ на чердачекъ, и другая за нею, оттуда внизъ и опять вмѣстѣ: которая нибудь изъ нихъ проскочитъ въ колесо — и другая слѣдомъ ворвется туда — и пойдутъ онѣ бѣгать въ немъ вмѣстѣ, рядышкомъ, въ ногу; и ѣли-то онѣ вмѣстѣ, въ одно время, и мордочки свои мыли лапками въ одно время, и хвостики свои чистили и управляли въ одно время.

Эти рѣдкія мыши занимали не одну бѣлку: всѣ, кто ни проходилъ мимо окна, на которомъ стояла ихъ клѣточка, всѣ останавливались посмотреть на эту диковинку. Выбѣжить ли, бывало, изъ дому золотошвейка на фабрику за канителями, — непременно остановится у окна поглазѣть, полюбоваться на мышекъ; посмотреть, посмотреть, расхохочется и побѣжить сама, какъ крысенокъ, прытче прежняго, чтобъ не досталось ей отъ хозяйки, что долго отлучалась отъ работы. Проходить ли мимо увалистый мужикъ, и тотъ остановится, — посмотреть умильно, полюбуется, ухмыльнется — и отойдетъ, почесывая затылокъ, разводя

руками и ворча себѣ подъ носъ: «Господи! какихъ только нѣтъ на свѣтѣ облезлянъ!...»

Съ появленіемъ бѣлки на окнѣ, стало останавливаться еще больше народа.

Скоро у мышей явились пять маленькихъ мышенятъ, величиной съ наперстокъ. Нельзя было довольно насмотрѣться на этихъ бѣленькихъ крошекъ, бѣгавшихъ въ клѣткѣ за своей маткой кормилицей; и какъ она берегла ихъ, съ какою любовью таскала ихъ въ зубахъ на чердачекъ и съ чердачка въ клѣтку, не причиняя имъ ни малѣйшей боли. Разъ какъ-то оказалось, что въ клѣткѣ не пять, а шесть мышенокъ, изъ которыхъ одинъ, такой же маленькій, былъ сѣренькій, цвѣта обыкновенныхъ нашихъ подпольныхъ мышей. Вотъ какъ случилось это увеличеніе семьи.

Хозяинъ бѣлки, выйдя однажды за чѣмъ-то въ сѣни, услышалъ мышиный пискъ. Онъ притаилъ дыханіе, сталъ прислушиваться — точно, пискъ и пискъ молодыхъ мышатъ; прислушался еще — пискъ этотъ шелъ изъ шкапа съ провизіей. Мальчикъ, который не пропускалъ ничего безъ вниманія, на цыпочкахъ, тихонько подкрался къ шкапу, и внезапно отворивъ дверь, напалъ тамъ на мышиное гнѣздо. Самка передъ глазами его успѣла ускользнуть, мышенокъ же онъ взялъ въ плѣнъ. Всѣхъ ихъ, какъ вредныхъ животныхъ, онъ истребилъ, кромѣ одного, котораго оставилъ для дальнѣйшихъ опытовъ: онъ подкинулъ его къ бѣлой мышкѣ — и та, не замѣчая прибыли въ своей семьѣ, не замѣчая, что одинъ изъ сосуновъ ея сѣренькій, продолжала его кормить, какъ свое соб-

ственное дѣтище. Она бы и выкормила его совершенно, но настало наконецъ время, когда ея собственныя дѣтеныши подросли и перестали сосать, а сѣраго, который, какъ изъ этаго видно, былъ моложе прочихъ сосуновъ, она не стала кормить и онъ умеръ отъ голода.

Молодое мышинное поколѣніе подросло въ родной своей клѣткѣ, а въ послѣдствіи, по достиженіи нѣкоторой самостоятельности, было переведено на другое жилье. На окно поставили огромную, изъ бѣлаго стекла банку, съ полъ аршина въ діаметрѣ и въ три четверти аршина вышины; на четверть аршина насыпали мелкаго песку, а въ самой серединѣ утвердили, вертикально, шестикъ, подымавшійся гораздо выше краевъ банки. Сюда-то и отдѣлялись молодые мышата, тутъ проводили они первые дни своей жизни: песочекъ былъ ихъ ареной, тутъ они и рѣзвились, и играли, и пили, и ѣли — все тутъ... а на шестикѣ онѣ выдѣлывали гимнастическія упражненія: по немъ они, одинъ за другимъ, взбирались на самый верхъ — на перекладинку; отсюда осматривали они, обнюхивали, каждый въ свою очередь, окрестности, и потомъ, скорчивъ нѣсколько ужимокъ и забавныхъ гримасъ, опять такимъ же порядкомъ, гуськомъ спускались по шесту внизъ.

Это лазанье мышенятъ по мачтѣ задѣвало, кажется, бѣлку за живое: казалось, это пробуждало въ ней самыя пріятныя воспоминанія о родинѣ ея, о тѣхъ высокихъ деревьяхъ, по которымъ она взбиралась до самыхъ верхушекъ, распуская свой пушистый хвостикъ,

прыгала, или, лучше сказать летала съ одного дерева на другое...

Между тѣмъ, время шло да шло, — бѣлка попри-
выкла къ своему хозяину, стала доступнѣе и нако-
нецъ сдѣлалась ручною, но не вдругъ. Однажды, про-
голодавшись порядочно, она рѣшилась, волей-неволей,
взять изъ рукъ своего воспитателя кедровый орѣшекъ,
а получивъ его, не много думала: отскочила съ нимъ
на средину клѣтки, присѣла на корточки, пустила
пушистый хвостикъ свой по спинкѣ вверхъ и, почти
прикрытая имъ, принялись за работу: вертя орѣшекъ
въ обѣихъ лапкахъ, она зубами обрѣзала кругомъ
скорлупу, пока не разлетѣлась она на двое, — что
дѣлалось чрезвычайно скоро. Съѣвъ вкусное ядрышко,
она тотчасъ же въ тревожномъ состоянїи бросилась
къ рѣшетчатой стѣнкѣ своего домика, уперлась лап-
ками въ прутьи, просовывала между ними свою
остренькую мордочку, ожидая новой подачи: какъ
видно, она смекнула выгоду не дичиться, не спѣси-
виться съ истинно добрыми людьми — и не ошиблась:
получила и другой орѣшекъ, а за третьимъ и сама
лапку просунула; съѣла и третій, а дальше стала ужъ
выказывать нетерпѣнїе и слегка ворчала, если ей не
скоро подавали новый орѣхъ. Работа шла чрезвычай-
но быстро: не успѣетъ лакомка выбросить изъ лапокъ
двѣ половинки скорлупы орѣшка, какъ ужъ другой
вертится въ ея лапкахъ и, какъ подѣ пилой, шумить
и журчить на ея зубахъ. Попадавшійся ей пустой
или гнилой орѣхъ она живо отбрасывала въ сторону,
какъ лавочникъ изъ кипы бумажекъ выкидываетъ

фальшивую, — и тотчасъ требовала другого. Подавая бѣлкѣ орѣшекъ за орѣшкомъ, воспитатель ея приговаривалъ: Маша, Маша. Бѣлочка, луца орѣшки, вслушалась въ это слово, какъ будто догадалась, что имя это — ея имя, — и съ тѣхъ поръ являлась на этотъ зовъ: она знала, что придетъ не даромъ, что ей дадутъ орѣшекъ, сбѣгала съ чердачка, хотя, можетъ быть, лежала тамъ уже закутавшись въ своей постелькѣ — въ клочкѣ пакли. Далѣе, всматриваясь все болѣе и болѣе въ своего кормильца, она замѣтила и его физиономію, и вслушалась даже въ походку его — и съ тѣхъ поръ не только немедленно являлась на его зовъ, но даже, заслышавъ въ комнатѣ шаги своего благодѣтеля, подбѣгала къ рѣшеточкѣ домика, становилась на дыбы и, держась обѣими лапками за прутьи, силилась просунуть свою головку; видя невозможность броситься къ нему на встрѣчу, она выказывала нетерпѣніе увидать его скорѣе около себя, а въ случаѣ еще большаго промедленія, обнаруживала негодованіе легкимъ, унылымъ ворчаньемъ.

Привадивъ такимъ образомъ къ себѣ бѣлочку въ клѣткѣ, воспитатель ея рѣшился попробовать выпустить ее оттуда въ комнату. Можно себѣ представить, каковы были изумленіе и радость, когда она увидѣла себя на просторѣ, на свободѣ! А хозяинъ ея и тутъ продолжалъ свои пріемы воспитанія, которые заключались въ ласкахъ и наградахъ — орѣшками, и этимъ путемъ дошелъ до того, что воспитанница любила его, а полюбивъ однажды, исполняла всѣ его желанія и приказы. Правда, сперва подошла она робко

и, взявъ орѣшекъ съ недовѣрчивостію, тотчасъ отбѣжала, чтобъ съѣсть его, какъ дѣлала это въ клѣткѣ, но потомъ не отбѣгала и, съѣвъ орѣшекъ, глядѣла въ глаза, ждала новой подачи; потомъ осмѣлилась вспрыгнуть ему на руку, на плечо, а наконецъ дѣлала это и безъ приглашенія и даже ворчала и царапала его, чтобъ вытребовать себѣ какого нибудь лакомства — орѣшковъ или сахару, который она въ послѣдствіи тоже очень любила.

Такъ какъ всѣ милости сыпались ей исключительно отъ ея юнаго воспитателя, то она была почти неразлучна съ нимъ. Къ чаю, къ обѣду, даже во время уроковъ она садилась около него; только въ послѣднемъ случаѣ, при первомъ жестѣ учителя вздрагивала, бывало, и опрометью взлетала на дверь комнаты — свою обсерваторію, или убѣгала въ клѣтку на чердачекъ и выглядывала оттуда, не гонится ли за ней сердитый учитель... Въ послѣдствіи бѣлка и этого не пугалась, замѣтивъ, что жесты учителя, какъ ни размашисты, не только ей, но и никому не причиняютъ вреда, — и досиживала спокойно до окончанія урока. Она, кажется, готова бы была слѣдовать и на улицу за своимъ хозяиномъ, когда тотъ, вмѣстѣ съ товарищами шелъ послѣ лекціи, провожать своего учителя; но это ей не дозволялось.

Этими проводами — поступкомъ, повидимому, очень простымъ — молодые люди ясно выражали свою любовь и привязанность къ наставнику, бесѣда котораго была всегда увлекательна для ихъ молодыхъ, пытли-

выхъ умовъ, и они не пропускали случая пользоваться ею до послѣдней минуты.

Оставаясь дома, бѣлка забиралась на свою обсерваторію: на дверь или на дверной карнизъ и ожидала оттуда возвращеніе своего благодѣтеля. Прогулка молодыхъ людей была непродолжительна. Проводивъ учителя, они пройдутъ, бывало, по Невскому проспекту и возвратятся домой не задолго до прихода Горемыкина изъ департамента. Они поджидали его съ нетерпѣніемъ, во-первыхъ, потому, что желудки ихъ уже давно били обѣденную тревогу, а во вторыхъ потому, что онъ приносилъ часто запасъ книжекъ, которыми дѣлился съ молодыми людьми и въ чтеніи которыхъ самъ проводилъ почти все свободное отъ службы время. Онъ былъ домохозяинъ.

— Баринъ у меня просто монахъ — говаривала въ мелочной лавочкѣ кухарка Марфа, единственная прислужница въ квартирѣ Горемыкина: — хоть бы куда! хоть бы себя показать, на людей посмотрѣть, — ни, ни!... Только изъ халата въ департаментъ, а изъ департамента опять въ халатъ! сидитъ — читаетъ, лежитъ — читаетъ... никуда ни ногой!... коротаетъ жизнь въ тихомолочку, знаете, день да ночь — и сутки прочь!

Марфа не совѣмъ была права.

Когда, съ весною, въ обогрѣтой теплымъ солнышкомъ природѣ все снова оживлялось, и Горемыкинъ веселѣе смотрѣлъ вокругъ себя; онъ чувствовалъ въ себѣ какія-то новыя силы, смутныя надежды рожда-

лись въ душѣ его на лучшую жизнь, на счастье. Съ весною онъ чаще выходилъ изъ своей квартиры или, какъ выражалась Марфа, изъ своего халата. Онъ любилъ уходить куда нибудь на просторъ, полной грудью дышать свѣжимъ, чистымъ весеннимъ воздухомъ... А лѣтомъ, когда жаръ, пыль и удушливая атмосфера петербургскихъ улицъ становились все несноснѣй и несноснѣй, когда большая часть жителей, оставивъ свои огромные, красивые и удобные дома, переселялись на дачи — тогда и Горемыкинъ, уже не довольствуясь Таврическимъ и Лѣтнимъ садами и прогулкою по гранитной набережной красивой Невы, устремлялся за городъ.

Узнавъ, что тамъ или въ другомъ мѣстѣ готовится гулянье, иллюминація, Горемыкинъ пѣшечкомъ, потихонько отправлялся туда, конечно въ праздникъ, послѣ обѣда, который по этому случаю подавался раньше обыкновеннаго.

Изъ департамента Горемыкинъ возвращался домой обыкновенно около пяти часовъ. Молодые люди, давно окончившіе свои занятія и нагулявшіеся, садились съ нимъ обѣдать. Бѣлка, только того и поджидавшая съ своей обсерваторіи, тотчасъ являлась къ своему воспитателю, садилась около него на столъ, возлѣ тарелки, а иногда ему на плечо или на голову. Такъ это было въ началѣ; въ послѣдствіи, для устранения неудобства имѣть у себя на головѣ животное, не совѣмъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, разумное, мальчикъ ставилъ около себя табуретъ и приучилъ свою бѣлку сидѣть на немъ смирно... сколько это было ей воз-

можно, и терпѣливо ждать своей доли лакомствъ; этотъ обычай, впрочемъ, очень не нравился кухаркѣ Марфѣ, которую молодежь называла Мелитрисой Кирбитьевной.

— Ишь, барыня какая! ворчала она, ставя на столъ кушанье: — лущить орѣшки, словно имянинница!

«А тебѣ завидно, Милитриса Кирбитьевна?» спросить, бывало, кто нибудь изъ мальчиковъ.

— Ъдала я и не такіе!.. наплевать! — огрызется она, круто повернувшись, и уйдетъ, отплевываясь, въ кухню, гдѣ еще долго слышится ея ворчанье. «Звѣря съ человѣкомъ ровнять, прости Господи!» говаривала она себѣ подъ носъ: «Гдѣ это видано! пакость, да и только!»

А бѣлка просидитъ такъ весь обѣдъ, выйдетъ изъ за стола вмѣстѣ съ прочими — и опять на свою обсерваторію. Такъ или почти такъ текла жизнь бѣлки бадовницы; и въ клѣтку свою, всегда растворенную, ходила она напиться или спать, а подъ конецъ отправлялась туда только для гимнастическихъ упражненій: расправить косточку — побѣгать въ колесѣ. Послѣ и это рѣдко дѣлала, и спать перестала ходить въ клѣтку, забыла свой чердачокъ съ любимой паклей: ей показалось гораздо удобнѣе и пріятнѣе проводить ночи въ настоящей постелѣ: съ своимъ другомъ — воспитателемъ.

Привычка эта чуть было не стоила ей жизни. Опоздавъ какъ-то однажды попасть въ спальню молодыхъ людей, которые заперлись тамъ въ этотъ вечеръ раньше обыкновеннаго, она пробралась къ Марфѣ, за-

билась ей на грудь подь одѣяло и — должно полагать — въ самую ту минуту, когда той снилось что-то недоброе... Испуганная Марфа, вскочивъ съ про- сонья, поймала бѣлку рукою и, одурѣвъ пуще преж- няго, бросила бѣдную о-земь, закричавъ страшнымъ голосомъ: — «Ой, батюшки! домовой! домовой!... по- помогите, батюшки, — домовой!» Молодые люди, спав- шіе въ сосѣдней комнатѣ, проснулись, вскочили съ постелей и, думая, что Богъ вѣсть что случилось въ домѣ, зажгли свѣчу и прибѣжали на продолжавшійся отчаянный крикъ испуганной Марфы.

— Что съ тобой, Милитриса Кирбитьевна? спро- силъ первый вошедшій, держа свѣчу надъ головой и сился разсмотрѣть Марфу: — что съ тобой?

— Ой, батюшки, опомнитесь не могу... такъ на- пужалъ, проклятый!...

«Кто?»

— Домовой... такъ сдвинулъ бы, что тутъ бы вотъ и духъ испустила: какъ медвѣдь взвалился на меня...

Молодые люди вдругъ расхохотались.

— Вамъ все смѣшки, все смѣшки!... озлясь за- кричала Марфа и плюнула на всѣ четыре стороны: — ахъ, вы озорники...

«Какъ же не смѣяться намъ, чудная ты этакая: гдѣ ты взяла домового, когда ихъ нѣтъ на свѣтѣ...»

— Ну, говорите тамъ!... нѣтъ! нѣтъ домовыхъ!... въ книгахъ вашихъ, стало быть, нѣтъ домовыхъ, а меня не увѣрите, коли я сама ущупала его, когда я схватила его за лапищу въ то самое время, какъ онъ

нарохтилъ облапить меня... Ахъ, ты Господи! задавилъ бы проклятый, право задавилъ бы.

«Уже ли задавилъ бы?» спросилъ еще кто-то, прикинувшись полуубѣжденнымъ.

— Хорошо, что я во-время очнулась, продолжала кухарка: — и успѣла отпихнуть его отъ себя, творя молитву: «да воскреснетъ Богъ...» и ништо взялъ!... только *оцаналъ* меня когтищами своими...

Трагическая поза только-что вскочившей съ постели Марфы, накинувшей на себя лоскутное одѣяло изъ всевозможныхъ разноцвѣтныхъ трехъ и четырехъ-угольниковъ, и освѣщенной огаркомъ, — была самая уморительная.

«Да вотъ твой домовой!» едва удерживаясь отъ смѣха, сказалъ вдругъ одинъ изъ молодыхъ людей, указавъ Марфѣ на бѣлку, вскочившую въ это время на плечо своему воспитателю.

— Вотъ!... дура я, чтоли? лѣшаго отъ бѣлки отличить не могу!... эхъ, вы, прости Господи... А я все-таки убью бѣлку, проклятую скотинку! Кромѣ того, что шныряетъ здѣсь да воруетъ у меня сахаръ... она еще... Тутъ Марфа закашлялась отъ гнѣва.

— Что еще? спросилъ кто-то.

— А то, что домовой къ ней, значить, ходить баловать повадился... она-то, стало быть, и заманила его ко мнѣ... я ее убью!

Молодые люди не могли больше терпѣть, ушли въ свою спальню и похохотавъ еще, легли и скоро заснули. Взволнованная Марфа тоже улеглась, но пока

не заснула, все что-то ворчала подъ одѣяломъ и только по временамъ, какъ будто привскакивая, покрикивала: «убью! непременно убью! сказала убью, такъ убью!»

Можетъ быть, она и исполнила бы свой злодѣйскій умыселъ, еслибъ сама судьба, единственная покровительница невинныхъ безсловесныхъ, не спасла бѣлочку отъ гибели. Вскорѣ послѣ ужасной ночи, въ которую былъ произнесенъ страшный приговоръ, воспитатель бѣлки долженъ былъ поступить въ учебное заведеніе. Такую замѣчательную эпоху въ своей жизни хотѣлъ онъ ознаменовать добрымъ дѣломъ: освобожденіемъ бѣлки, тѣмъ болѣе, что онъ ясно видѣлъ ея опасное положеніе и предчувствовалъ, что ей, еслибъ она осталась въ квартирѣ Горемыкина безъ покровителя, грозила неминуемая смерть отъ мощной руки злопамятной Милитрисы Кирбитьевны.

Наканунѣ своего отправленія въ казенное заведеніе, онъ нанялъ дрожки, далъ извозчику клѣтку съ бѣлкой и велѣлъ ѣхать къ Екатерингофу. Приѣхавъ туда, онъ слѣзъ съ дрожекъ, пошелъ съ клѣткой въ рукѣ къ лѣсу, остановился въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, поставилъ клѣтку на землю, растворилъ дверцы и выпустилъ бѣлку на волю, въ лѣсъ, на всѣ четыре стороны. Выскочивъ изъ клѣтки, бѣлка окинула окрестность, удивилась, даже присѣла, какъ будто отъ страха, потомъ побѣжала было, но скорѣе остановилась, какъ бы въ раздумѣ, и обернулась назадъ, присѣвъ на заднія лапки. «Прощай, Маша! будь счастлива!» сказалъ ей освободитель ея, махнувъ рукой. Услышавъ свое имя, она бросилась было назадъ,

но тотчасъ же остановилась: казалось, боролась въ выборѣ — куда бѣжать: въ клѣтку или въ лѣсъ? Наконецъ натура ея заговорила, взяла верхъ: прытко бросилась Маша къ лѣсу, взлетѣла на первое дерево — и скрылась.

Оставивъ тамъ клѣтку съ порядочнымъ запасомъ любимой бѣлкой провизии, юноша сѣлъ на дрожки, привсталъ на нихъ, окинулъ глазами лѣсъ и, еще разъ увидавъ бѣлочку, проговорилъ почти сквозь слезы: «Прощай! прощай!» и отправился домой.

А. Ризниковъ.

(Окончаніе въ слѣдующ. №.)

ПРУССКІЙ КОРОЛЬ

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ.

I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПРУССКАГО ГОСУДАРСТВА. — ХАРАКТЕРЪ КОРОЛЯ ФРИДРИХА
ВИЛЬГЕЛЬМА I. — ВОСПИТАНІЕ ФРИДРИХА. — БЪВСТВО. — СУДЬ. — ЖИЗНЬ
ВЪ РЕЙНСБЕРГЪ. — СМЕРТЬ ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА.

Одно изъ главныхъ европейскихъ государствъ, королевство Прусское, составилось изъ постепеннаго соединенія подъ властью одной династіи различныхъ областей, прежде независимыхъ другъ отъ друга.

Въ началѣ XV-го вѣка императоръ Сигизмундъ отдалъ маркграфство Бранденбургское въ ленное владѣніе бургграфу Фридриху фонъ-Гогенцоллерну, котораго родовое владѣніе, замокъ Гогенцоллернъ, находился на самомъ югѣ Швабіи, не далеко отъ Костницкаго озера, подлѣ истоковъ Дуная. вмѣстѣ съ тѣмъ Фридрихъ фонъ-Гогенцоллернъ получилъ званіе курфирста священной Римской имперіи. Въ XVI-омъ столѣтїи Гогенцоллерны приняли лютеранское исповѣданіе, а въ XVII-омъ къ курфиршеству Бранденбургскому присо-

единено было, какъ ленъ отъ польскаго короля, герцогство Пруссія; изъ этихъ-то двухъ частей главнымъ образомъ и составилось Прусское королевство.

Однако, даже послѣ приобрѣтенія собственной Пруссіи, главы Гогенцоллернскаго дома не могли стоять наравнѣ съ богатыми и сильными курфирстами саксонскими и баварскими. Почва Бранденбургіи была по большей части неплодородная; самыя окрестности Берлина, столицы курфиршества, и Потсдама, любимой резиденціи государей, представляли совершенную пустыню; только кое-гдѣ, на глубокихъ пескахъ, послѣ тщательной обработки, росли кое-какъ колосья ржи и овса. Въ другихъ мѣстахъ стояли первобытные лѣса, до которыхъ еще не дотрогивалась рука человѣческая. Только болотистыя мѣста были плодородны, но вредный ихъ климатъ столько же пугалъ земледѣльцевъ, сколько привлекали ихъ хорошіе урожаи. Одиннадцатый курфирстъ бранденбургскій, Фридрихъ Вильгельмъ, прозванный Великимъ (1640 — 1688), человѣкъ очень умный и дѣятельный, положилъ основаніе могуществу своихъ преемниковъ: при заключеніи Вестфальскаго мира, которымъ окончилась тридцатилѣтняя война, онъ увеличилъ предѣлы своего государства многими важными приобрѣтеніями, между прочимъ получилъ богатый городъ Магдебургъ, съ округомъ; онъ же освободилъ герцогство Прусское отъ ленной зависимости отъ Польши. Правленіе его совпадало съ царствованіемъ Людовика XIV, и «великій курфирстъ» принималъ участіе въ войнѣ Голландіи противъ Людовика XIV. Когда союзники Франціи, Шведы, втор-

глись въ Бранденбургъ , курфирстъ , союзникъ Голландской республики, одержалъ при Фербеллинѣ полную побѣду надъ Шведами и тѣмъ опровергъ общее тогда мнѣніе о непобѣдимости шведскихъ войскъ. Сыну своему Фридриху, Фридрихъ Вильгельмъ оставилъ такое значительное владѣніе, что съ нимъ не могло сравниться ни одно изъ европейскихъ государствъ, не носившихъ названіе королевства. Фридрихъ, небрежный и беззаботный въ управленіи государствомъ, тщеславный и расточительный, не увеличилъ, а, пожалуй, еще ослабилъ могущество Пруссіи, но ему удалось получить то, чего онъ такъ долго добивался: въ 1700 году, съ согласія императора, онъ сталъ *королемъ* прусскимъ. Коронація была отпразднована съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ. Но всѣ европейскіе дворы были очень недовольны возвышеніемъ Фридриха. Людовикъ XIV смотрѣлъ на него съ пренебреженіемъ, а курфирстъ Саксонскій просто отказался признать его королевское достоинство. Какъ бы ни было, но Пруссія стала королевствомъ, и преемники Фридриха I удачно воспользовались тѣмъ, чего онъ добивался изъ пустого каприза.

Фридриху I наследовалъ сынъ его Фридрихъ Вильгельмъ, большой чудакъ. Онъ не походилъ ни на одного изъ своихъ предшественниковъ или современниковъ государей. Онъ былъ суровъ, грубъ, малообразованъ и своенравенъ. Привычка къ самовластію сдѣлала его жестокимъ, гнѣвъ его часто доходилъ до ярости и выражался проклятiями и даже ударами. Оттого король внушалъ постоянный страхъ окружаю-

щимъ; во время его прогулокъ всѣ по возможности старались избѣгать встрѣчи съ нимъ, чтобы не подвергнуться порыву его гнѣва. Даже женщины не пользовались въ его глазахъ особенными правами на снисхожденіе. Не рѣдко, встрѣчая женщину на улицѣ, онъ давалъ ей толчокъ ногой, совѣтуя ей поскорѣе убраться домой и заняться своимъ дѣломъ. Онъ отличался твердостью характера и чрезвычайною дѣятельностью; самъ уплачивалъ свои издержки, самъ нанималъ свою прислугу, самъ присматривалъ за публичными работами, ревностно заботился о земледѣліи, но презиралъ науки, искусства и литературу. Развлеченія его состояли въ томъ, чтобы сидѣть въ облакахъ табачнаго дыму, хлебать шведское пиво, охотиться за дикими кабанами и тысячами стрѣлять куропатокъ; онъ терпѣть не могъ мягкихъ стульевъ, ѣлъ много и съ большимъ аппетитомъ, но только простые, народные блюда, и очень любилъ верховую ѣзду и военныя упражненія.

Онъ задумалъ посредствомъ военной силы доставить Пруссіи такое мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ, на какое она не могла имѣть притязанія ни по своему пространству, ни по населенію. Строгая бережливость дала ему возможность содержать всегда шестидесятитысячную армію, между тѣмъ какъ у его отца было только тридцать тысячъ войска. Армія Фридриха Вильгельма была отлично обучена его любимцемъ принцемъ Леопольдомъ Дессаускимъ. Въ любви своей къ военнымъ занятіямъ король доходилъ до большихъ странностей: онъ поставлялъ себѣ за честь собрать

полкъ великановъ, и въ каждой европейской странѣ его агенты отыскивали людей, которые были бы выше обыкновеннаго роста. Эти розыски не ограничивались Европой. Отъ наборщиковъ Фридриха Вильгельма не могла ускользнуть ни одна голова, выдававшаяся изъ толпы другихъ головъ на базарахъ Алеппо, Каира или Сурата. Одинъ Ирландецъ, ростомъ болѣе семи футовъ, былъ нанятъ за 7000 рублей серебромъ, что далеко превышало жалованіе прусскаго *посланника* въ Англии. Не забудьте, что вообще король былъ очень бережливъ, даже скупъ. Фридрихъ Вильгельмъ часто дѣлалъ своимъ войскамъ смотры и маневры, собиралъ своихъ солдатъ, пересчитывалъ ихъ, не могъ нарадоваться, что войско его все растетъ да растетъ, но никакъ не рѣшался истратить свое сокровище: онъ былъ самымъ миролюбивымъ государемъ; изъ значительныхъ войнъ принималъ онъ участіе только въ великой сѣверной и по мирному договору получилъ отъ Шведовъ Штетинъ, Померанію до рѣки Пѣны и острова Узедомъ и Воллинъ.

Въ семейной жизни Фридрихъ Вильгельмъ былъ очень строгъ и причудливъ. За то дѣти очень боялись его. Знаменитый старшій сынъ его — Фридрихъ родился въ Берлинѣ въ 1712 году; мать его была Софія Доротея, дочь Георга I, короля англійскаго. Еще будучи маленькимъ мальчикомъ, Фридрихъ обнаруживалъ отличныя способности. Первые его учителя были французскіе выходцы, которые рано развили въ немъ любовь къ французскому языку, французской литературѣ и французскому образованію. Это было тѣмъ

легче, что въ ту пору, нѣмецкій языкъ былъ еще очень грубъ, а французскій уже выравнивался и вмѣстѣ съ литературой французской господствовалъ въ Европѣ. Фридрихъ началъ учиться и латынѣ, но отецъ собственноручно палкой выгналъ учителя изъ дворца, потому что презиралъ латынь. Фридрихъ чувствовалъ влеченіе къ музыкѣ и, обладая необыкновеннымъ слухомъ, отлично игралъ на флейтѣ; но за то не любилъ ни военныхъ занятій, ни грубыхъ удовольствій своего отца. Король съ негодованіемъ смотрѣлъ на наклонности сына; но отцовскіе выговоры только усиливали ихъ. Книги, флейта и небольшой кругъ избранныхъ товарищей были пятнадцати-лѣтнему Фридриху гораздо пріятнѣе, чѣмъ смотры, маневры и воинскіе артикулы. Фридриха заставляли постоянно заниматься выправкой солдатъ. Это занятіе само по себѣ обременительное, сдѣлалось ему рѣшительно нестерпимо въ слѣдствіе жестокаго обращенія Фридриха Вильгельма и Леопольда Дессаускаго съ рекрутами, чему онъ былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ. Однажды, окончивши свои занятія, Фридрихъ вздумалъ поиграть на флейтѣ; вдругъ въ его комнату входитъ отецъ, видитъ сына не въ солдатскомъ неуклюжемъ парикѣ, а въ модной прическѣ и съ флейтой въ рукахъ. Прекрасный, шитый золотомъ, кафтанъ Фридриха, найденный отцомъ, полетѣлъ въ огонь, книги были возвращены книгопродавцу, флейту сломали и строгій отцовскій выговоръ длился цѣлый часъ. Знаменитый флейтистъ Кванцъ, учившій молодого Фридриха на флейтѣ, успѣлъ спрятаться до появленія суроваго отца и, дрожа всѣмъ тѣ-

ломъ, слушалъ выговоръ своему ученику. Въ другой разъ придворный хирургъ въ присутствіи короля долженъ былъ остричь молодого принца, но, тронутый горестью Фридриха, успѣлъ посредствомъ хитрости спасти часть прекрасныхъ волосъ принца. Часто за столомъ блюда летѣли ему въ голову, часто приходилось ему оставаться на хлѣбѣ и на водѣ, а иногда глотать такую дрянь, что потомъ дѣлалась съ нимъ рвота. Фридрихъ Вильгельмъ не любилъ Англію, сынъ же, напротивъ, любилъ, и отецъ, встрѣчаясь съ нимъ, ворчалъ сердито: «*canaille anglaise*» и даже прибилъ его тростью за открытое признаніе его въ расположеніи къ Англіи.

Огорченный юноша хотѣлъ лишить себя жизни, но потомъ болѣе сосредоточился и перемѣнилъ свое намѣреніе; когда отецъ захотѣлъ женить его противъ желанія, то принцъ рѣшился бѣжать въ Англію и тамъ, подъ защитой своего дяди Георга II, выжидать лучшихъ временъ. Все было уже притотовлено къ побѣгу; молодые офицеры, пріятели принца, фонъ Катте и фонъ Кейтъ посвящены были въ тайну. Путешествіе, предположенное королемъ по Швабіи, Саксоніи и по Рейнскимъ землямъ, доставляло случай къ бѣгству, Фридрихъ хотѣлъ бѣжать изъ Везеля. Но замыселъ былъ открытъ королю, который въ тихомолку взялъ предосторожности противъ бѣгства сына. Въ то время, какъ наслѣдный принцъ садился на лошадь, чтобы бѣжать, онъ былъ арестованъ. Когда его привели къ королю, то старикъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что схватилъ сына за волосы и набалдашникомъ своей

трости разбилъ ему носъ. Во второй разъ, когда король велѣлъ привести сына къ себѣ, то былъ все-таки еще въ такомъ страшномъ гнѣвѣ, что выхватилъ шпагу изъ ноженъ и убилъ бы его сына, еслибы генераль Мозель не остановилъ его. «Ваше Величество, сказалъ онъ королю, убейте меня, но пощадите вашего сына!» Лейтенантъ Катте былъ также арестованъ; но Кейта принцъ успѣлъ во-время предупредить объ угрожающей опасности. Онъ послалъ ему записку, въ которой было сказано: «спасайтесь, все открыто» и Кейтъ, не теряя ни минуты, бѣжалъ въ Голландію, а оттуда въ Англію.

Король очень гнѣвался на всѣхъ приближенныхъ сына. Молодой принцъ былъ заключенъ въ крѣпость Кюстринъ на хлѣбъ и на воду. Король, видѣвшій въ сынѣ дезертера, предалъ его военному суду, который и приговорилъ молодого Фридриха къ смертной казни. Однако когда король хотѣлъ подписать рѣшеніе суда, то многіе его приближенные возстали противъ него. Старый, генераль Будденсброкъ растегнулъ свой мундиръ и сказалъ королю: «если Ваше Величество жаждете крови, возьмите мою, но не видать вамъ крови сына до тѣхъ поръ, покамѣстъ я живъ!» Что-то подобное сказалъ и принцъ Дессаускій; за жизнь принца вступились и многіе иностранные дворы.

Между тѣмъ, друга Фридриха, молодого Катте, привезли въ Кюстринъ, чтобъ казнить его въ присутствіи Фридриха. Утромъ, часовъ въ семь или восемь приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Принцъ стоялъ у окна, когда несчастнаго вели на казнь. «Ми-

мый Катте, съ плачемъ кричалъ ему принцъ, — простите мнѣ, виновнику вашего несчастія.» «Не печальтесь, отвѣчалъ ему Катте: — еслибъ я имѣлъ десять жизней, то охотно положилъ бы ихъ всѣ за васъ!» Несмотря на королевское повелѣніе, Фридрихъ не въ состояніи былъ смотрѣть на эшафотъ, выдвинутый противъ его темницы, для казни Катте. Просьбы и убѣжденія вельможъ подѣйствовали наконецъ на короля, и онъ оставилъ намѣреніе казнить сына. Фридрихъ между тѣмъ все еще сидѣлъ въ Кюстринѣ. Единственнымъ его утѣшеніемъ были бесѣды съ пасторомъ Миллеромъ. Онъ читалъ съ нимъ библію и охотно предавался ученію церкви. Въ письмѣ къ отцу онъ призналъ себя виновнымъ и просилъ у него прощенія. Отецъ обѣщаль ему помилованіе, если онъ поклянется никому не мстить за этотъ случай и быть послушнымъ сыномъ. Фридрихъ принесъ клятву въ присутствіи министровъ и генераловъ и просилъ отца возвратить отнятыя у него ордена и шпагу. Король пришелъ въ восторгъ, когда услышалъ о просьбѣ сына. «Такъ мой Фрицъ — солдатъ въ душѣ!» воскликнулъ онъ и съ той поры началось примиреніе отца съ сыномъ. Однако онъ долженъ былъ еще нѣсколько времени служить въ Кюстринѣ, въ званіи военнаго совѣтника. Онъ ревностно отправлялъ свою службу и въ продолженіи ея собралъ богатый запасъ свѣденій по части управленія государствомъ.

Когда король праздновалъ бракосочетаніе своей дочери Вильгельмины, онъ велѣлъ сыну пріѣхать тайкомъ въ Берлинъ и въ этотъ торжественный день, въ

который онъ былъ очень въ духѣ, до самого оконча-
нія обѣденнаго стола никому его не показывалъ. Когда столъ кончился, онъ вдругъ привелъ его въ залу и, подойдя съ сыномъ къ королевѣ, — сказалъ: посмотрите-ка, вотъ и Фрицъ нашъ возвратилася. Мать и нѣжная сестра, много за него потерпѣвшія, заплакали отъ радости. Вскорѣ послѣ того Фридрихъ былъ принятъ снова въ военную службу, и король купилъ ему въ подарокъ замокъ Рейнсбергъ, лежавшій на границѣ Пруссіи съ герцогствомъ Мекленбургскимъ. Это самое плодородное и цвѣтущее мѣсто среди пещаной пустыни, составляющей ту страну. Замокъ оруженъ дубовыми и буковыми лѣсами, изъ оконъ его видно обширное озеро. Здѣсь Фридрихъ занимался разведе-
ніемъ садовъ и цвѣтоводствомъ, прокладывалъ прямыя алеи и скрытыя тропинки и строилъ обелиски, храмики и оранжереи. Въ своемъ уединеніи онъ развлекался съ немногими товарищами, окружалъ себя учеными и художниками, а иногда устраивалъ концерты, въ которыхъ самъ принималъ участіе. Однако литература была главнымъ его развлеченіемъ. Онъ много занимался ею и писалъ по французски, потому что не любилъ нѣмецкаго языка. Въ то время французскій языкъ и французская литература господствовали во всей Европѣ; на знаніе французскаго языка обращали больше вниманія, чѣмъ на знаніе языка своего отечества. По нѣмецки Фридрихъ говорилъ плохо, да и по французски звалъ только, какъ иностранецъ. Онъ писалъ плохіе французскіе стихи и давалъ ихъ исправлять своимъ гостямъ — французскимъ писателямъ. Фрид-

рихъ получилъ особенное уваженіе къ знаменитому французскому писателю Вольтеру, а изъ Рейнсберга вступилъ съ нимъ въ переписку; ему же подражалъ онъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Съ отцомъ своимъ Фридрихъ сохранялъ самыя хорошія отношенія; всѣ прежнія несогласія были забыты. Въ 1740 году, Фридрихъ Вильгельмъ опасно захворалъ, и королева вызвала сына изъ Рейнсберга въ Потсдамъ. Приѣхавъ, Фридрихъ засталъ отца въ саду и бросился ему въ объятія. Король, называвшій сына милымъ Фрицемъ, умеръ нѣсколько дней спустя, — спокойно, увѣренный, что оставляетъ въ Фридрихѣ достойнаго наслѣдника. Въ ночь, которая послѣдовала за кончиною стараго короля, Фридрихъ II приѣхалъ въ Берлинъ и былъ встрѣченъ восклицаніями народа. Легко понять, что онъ провелъ эту ночь не безъ тревожныхъ сновидѣній. Первымъ звукомъ, который привѣтствовалъ его пробужденіе, была клятва въ вѣрности полка, поставленнаго подъ окнами дворца. Фридрихъ вскочилъ съ постели въ страшномъ волненіи и началъ ходить по комнатѣ, не удерживая слезъ. Его приближенный Пельницъ, войдя въ пріемную, нашелъ его полуодѣтымъ, не причесаннымъ и почти внѣ себя отъ горя. «Это утро напоминаетъ мнѣ только о томъ, чего я лишился!» сказалъ новый король. «Онъ очень страдалъ,» произнесъ Пельницъ, намекая на тяжкую предсмертную болѣзнь старика: — теперь успокоился.» «Да, онъ страдалъ, возразилъ Фридрихъ, но былъ здѣсь, съ нами, а теперь...»

II.

Начало правления Фридриха II. — Первая сilesская война. — Вторая сilesская война.

Фридрихъ II вступилъ на престолъ двадцати восьми лѣтъ. Когда бодрый, молодой, умный и образованный король смѣнилъ суроваго и своенравнаго старика, многіе ожидали большихъ перемѣнъ между главными лицами въ правительствѣ. Но Фридрихъ не спѣшилъ такими преобразованіями. Большую часть ближайшихъ совѣтниковъ своего отца онъ оставилъ на ихъ мѣстахъ, но одному изъ нихъ, Леопольду Дессаускому сказалъ, что ожидаетъ отъ него такой же вѣрной службы, какъ прежде, и прибавилъ: «что же касается до вліянія и силы, то въ мое царствованіе никто, кромѣ меня и закона, не будетъ имѣть силы и вліянія на народъ.» Въ этихъ словахъ весь характеръ Фридриха, какъ государя: онъ былъ такого о себѣ высокаго мнѣнія, что никому изъ сановниковъ не позволялъ имѣть свое собственное мнѣніе о государственныхъ дѣлахъ, противное мыслямъ короля. Онъ съ глубокимъ вниманіемъ входилъ во всѣ важнѣйшія дѣла, съ своимъ собственнымъ казначеемъ, полководцемъ, министромъ торговли, юстиціи и проч., и въ тоже время вмѣшивался во всѣ мелочи управленія, напримѣръ, если путешественникъ желалъ имѣть хорошее мѣсто, чтобы видѣть смотръ королевскихъ войскъ, то долженъ былъ

писать къ самому королю и на другой день, черезъ королевскаго посла, получалъ отвѣтъ подписанный Фридрихомъ собственноручно. Такое безграничное вмѣшательство, происходящее отъ излишней увѣренности въ себя, такое стѣсненіе чужой воли простительно Фридриху только потому, что онъ обладалъ огромнымъ умомъ, рано пріобрѣлъ опытность въ дѣлахъ и потому былъ правитель мудрый и благоразумный. Немедленно по вступленіи на престолъ, онъ обнаружилъ свою неусыпную дѣятельность, удивлявшую его приближенныхъ. Такъ какъ зима, предшествовавшая его вступленію, была постоянно холодная и продолжалась болѣе полугода, то во многихъ провинціяхъ оказались неурожаи, дороговизна и даже голодъ. Немедленно велѣлъ онъ открыть казенные хлѣбные магазины и продавать хлѣбъ по дешевымъ цѣнамъ.

Учрежденные при его дѣдѣ ученые общества, въ царствованіе его отца пришли въ совершенный упадокъ. Фридрихъ возстановилъ ихъ съ новымъ блескомъ и назвалъ Берлинскою королевскою Академіею наукъ. Въ религіи онъ желалъ соблюдать полную терпимость.

Фридрихъ, прежде врагъ военныхъ занятій, теперь понималъ необходимость большихъ военныхъ силъ для Пруссіи, но старался избѣгать всего, что въ военномъ дѣлѣ есть не потребность, а роскошь; такъ онъ распустилъ отцовскій полкъ великановъ, бесполезный, но стоившій огромныхъ издержекъ. Скоро вздумалъ онъ попытать военныя силы Пруссіи въ бою.

Ему хотѣлось распространить предѣлы Пруссіи, и для этого онъ возобновилъ старинныя притязанія

дома Гогендоллерновъ на четыре княжества въ Силезіи, которая принадлежала тогда Австріи. Притязанія эти были нѣсколько натянутыя, и въ послѣдствіи самъ Фридрихъ признавался, что не законность ихъ, а честолюбіе, желаніе заставить Европу говорить о себѣ, побудили его начать войну.

Въ 1740 году скончался императоръ Карлъ VI, послѣдній государь Габсбургскаго дома. Онъ оставилъ послѣ себя дочь Марію Терезію, славившуюся умомъ и красотою. Карлъ VI, въ завѣщаніи своемъ, назначилъ ее наслѣдницей всѣхъ земель, составлявшихъ австрійскія владѣнія, и это завѣщаніе, которое извѣстно подъ именемъ Прагматической Санкціи, было признано всѣми государями Европы, въ томъ числѣ и Пруссіею. Марія Терезія, которая была замужемъ за Францискомъ, великимъ герцогомъ Тосканскимъ, послѣ смерти отца, вступила на престолъ Австріи, и въ эту-то минуту Фридрихъ неожиданно объявилъ свои притязанія. Въ то же время курфирстъ Баварскій Карлъ Альбрехтъ и король Польскій и курфирстъ Саксонскій Августъ III, какъ мужскіе потомки Габсбургскаго дома, объявили свои права на австрійскія владѣнія, несмотря на то, что давно уже признали завѣщаніе Карла VI. Ихъ сторону приняла Франція и Испанія. И такъ Марія Терезія была въ крайне затруднительномъ положеніи, и вотъ, пользуясь имъ, Фридрихъ предложилъ ей отдать ему четыре силезскія княжества, за это онъ обѣщаль съ своей стороны всѣми силами защищать ея права по завѣщанію и на германскомъ сеймѣ, при выборѣ императора, подать голосъ въ пользу ея мужа.

Марія Терезія отвергла это предложеніе, и война была рѣшена. Заранѣе собранныя войска Фридриха II направились въ Силезію въ началѣ декабря. 13 числа этого мѣсяца былъ большой маскарадъ въ берлинскомъ дворцѣ. Громкіе звуки музыки и танцы не прекращались. Самъ король былъ очень въ духѣ, шутилъ, танцевалъ, былъ очень любезенъ. Время незаметно приближалось къ полночи. Вдругъ въ залахъ хватились короля, но нигдѣ его не было. Можно представить себѣ всеобщее удивленіе, когда гофмаршалъ, выходя изъ внутреннихъ покоевъ, объявилъ, что король изволилъ оставить столицу и уѣхалъ въ дѣйствующую армію къ силезской границѣ.

Несмотря на невыносимый холодъ и болотистыя дороги, прусскія войска двинулись впередъ. Малочисленная, неприготовленная къ войнѣ австрійская армія, расположенная въ Силезіи, скоро очистила всю область или заперлась въ немногихъ крѣпостяхъ. Въ январѣ 1741 года Фридрихъ уже возвратился въ Берлинъ, гдѣ встрѣченъ былъ поздравленіями своихъ подданныхъ.

Въ слѣдующемъ году Марія Терезія приняла мѣры къ оборонѣ. Пруссаки, взявши крѣпость Глогау, встрѣтились съ Австрійцами при Мольвицѣ. Произошло кровопролитное сраженіе; долго побѣда была нерѣшительна; австрійская конница истребила прусскую пѣхоту, и австрійскія картечи вырывали изъ строя цѣлые ряды Пруссаковъ. Лѣвое крыло Пруссаковъ пять часовъ къ ряду было въ огнѣ; приближалась минута, когда эти храбрецы должны были сдаться неприятелю по недо-

статку зарядовъ. Не привыкнувъ къ шуму и рѣзвѣ, Фридрихъ потерялъ присутствіе духа и, по настоянію стараго фельдмаршала Шверина, удалившись съ поля битвы поскакалъ къ мѣстечку Оппельну, занятому Пруссакими. Ночью прибылъ онъ со своей свитой къ воротамъ Оппельна, но каково было его удивленіе, когда ему дано было знать, что изъ Оппельна его авангардъ встрѣтили ружейными выстрѣлами. Оказалось, что Оппельнъ за день передъ тѣмъ былъ занятъ Австрійцами. Король повернулъ коня и поскакалъ къ Лавену; прибылъ туда на зарѣ, онъ услышалъ радостную вѣсть о побѣдѣ надъ Австрійцами при Мольвицѣ. Виновникомъ ея былъ Шверинъ, храбрый полководецъ, сражавшійся нѣкогда подъ начальствомъ Марльборо и Карла XII. Фридрихъ немедленно отправился въ Мольвицъ и узналъ тамъ, что Шверинъ раненъ двумя пулями.

Эта побѣда все рѣшила въ пользу Фридриха: австрійцы совсѣмъ очистили Силезію. Но въ Европѣ поднялась тревога. Курфирстъ Баварскій вторгнулся въ австрійскія земли. Между тѣмъ, какъ онъ въ Прагѣ заставлялъ жителей дать ему присягу въ вѣрности, какъ королю Богеміи, Марія Терезія удалилась въ Пресбургъ и просила помощи у грубыхъ, безпокойныхъ, но храбрыхъ и правдивыхъ Венгерцевъ, ей подвластныхъ. Въ Пресбургѣ, на глазахъ безчисленнаго народа, на нее возложили корону и одѣяніе древняго короля венгерскаго, святого Стефана; но одинъ изъ зрителей не могъ удержаться отъ слезъ при видѣ молодой, красивой государыни, еще слабой послѣ не-

давней болѣзни, когда она, по древнему венгерскому обычаю, выѣхала верхомъ на королевскую гору, обнажила государственный мечъ и, съ мимолетнымъ румянцемъ на блѣдномъ лицѣ, махала имъ противъ сѣвера и юга, востока и запада, вызывая на бой всѣ четыре стороны свѣта для защиты правъ своего маленькаго сына Іосифа.

На первое засѣданіе сейма всѣхъ венгерскихъ сословій она явилась въ глубокомъ траурѣ по отцѣ своему и съ жаромъ и достоинствомъ призывала народъ на защиту праваго дѣла. Магнаты и депутаты поднялись съ мѣстъ, ударили по своимъ саблямъ и поклялись, съ неистовыми криками, — пожертвовать для королевы кровью и имуществомъ. Тронутая этимъ порывомъ народнаго усердія, Марія Терезія безсильно опустилась на стулъ и громко заплакала. Еще трогательнѣе было зрѣлище нѣскольکو дней спустя послѣ этого засѣданія: Марія Терезія снова явилась передъ венгерскими сословіями и показала сейму своего маленькаго сына. Тогда Венгерцы воскликнули: «*Moriatur pro rege nostro Maria Theresia* (*)!»

За клятвой вскорѣ послѣдовало и дѣло. Половина Венгріи стала подъ ружье. Пятнадцать тысячъ дворянъ соединили подъ свои знамена многочисленныя толпы кроатовъ и пандуровъ, дикихъ и неустрашимыхъ наѣздниковъ. Изъ нихъ составилось двѣ арміи. Одна пошла въ Богемію, другая—возвратила занятую Баварцами верхнюю Австрію и даже проникла въ

(*) Умремъ за нашего короля Марію Терезію!

самую Баварію. Въ январѣ 1742 года курфирстъ Баварскій былъ избранъ во Франкфуртъ германскимъ императоромъ, подъ именемъ Карла VII, а въ февралѣ Мюнхенъ долженъ былъ сдаться Австрійцамъ, черезъ нѣсколько недѣль и вся Баварія была уже въ рукахъ Австрійцевъ.

Между тѣмъ, Фридрихъ предпринялъ походъ въ Богемію. Въ то же время принцъ Карлъ Лотарингскій, смѣлый и дѣятельный полководецъ, приближался къ ней съ австрійскимъ войскомъ и напалъ на Пруссаковъ при Хотузицѣ; Пруссаки, благодаря превосходству своей артиллеріи, одержали побѣду надъ непріателемъ. Съ самага поля битвы Фридрихъ отправилъ къ своимъ союзникамъ извѣстія о побѣдѣ; къ королю Французскому, который тоже держалъ его сторону, онъ написалъ слѣдующія строки:

«Ваше величество! Принцъ Лотарингскій на меня напалъ и я — разбилъ его.»

Это сраженіе повлекло за собою миръ, который былъ заключенъ въ Бреславлѣ; имъ окончилась первая силезская война. Фридрихъ получилъ почти всю Силезію съ графствомъ Галацъ.

Марія Терезія, освободившись отъ главнаго врага, легче стала бороться съ другими своими соперниками. Баварскій курфирстъ, избранный въ императоры, былъ разбитъ. Французская армія, тоже потерпѣвшая поражение, оставила Богемію и отступила на берега Рейна.

Счастіе австрійскаго оружія подало Фридриху II поводъ думать, что Марія Терезія, управившись съ своими врагами, захочетъ отнять у него Силезію; онъ

рѣшился опять соединиться съ Франціей и Баваріей и началъ вторую Силезскую войну (1744—1745). Съ 80,000 войскомъ Фридрихъ вторгнулся было въ Богемію и взялъ Прагу, послѣ жестокой бомбардировки; но Карлъ Лотарингскій заставилъ его отступить въ Силезію.

Карлъ VII тоже успѣлъ было возвратиться въ Мюнхенъ, но вскорѣ смерть прекратила злополучную жизнь его. Часто говорилъ онъ своимъ приближеннымъ, хотѣвшимъ его утѣшать: «Несчастіе до тѣхъ поръ меня не оставитъ, покамѣстъ я его не оставлю.»

Сынъ его заключилъ съ Маріей Терезіей миръ, по которому оставилъ всѣ притязанія на австрійское наслѣдство и за это удержалъ за собою курфиршество. Онъ также обѣщалъ подать свой голосъ при избраніи императора въ пользу супруга Маріи Терезіи, великаго герцога Тосканскаго, который и былъ коронованъ въ томъ же году подъ именемъ Франца I-го (1745—1765).

Пруссаки лишились при Прагѣ всей тяжелой артиллеріи; финансовыя средства Фридриха такъ истощились, что онъ принужденъ былъ перелить въ деньги свою серебряную посуду, — для покупки военныхъ матеріаловъ. Притомъ Французы оказались вѣроломными союзниками. При такихъ обстоятельствахъ Пруссаки не могли воспрепятствовать Австрійцамъ занять Силезію. Фридрихъ показалъ видъ, что отступаетъ, и занялъ твердую позицію при деревнѣ Гогенфридбергѣ, неподалеку отъ Штригау.

Ничего не подозрѣвая, непріятель двинулся туда.

Но на разсвѣтѣ слѣдующаго для Австрійцы увидѣли Пруссаковъ, стоящихъ въ отличномъ боевомъ порядкѣ, на высотахъ Штригау, и прежде чѣмъ Австрійцы успѣли стать въ ряды, часа въ четыре утра горы огласились страшнымъ гуломъ прусскихъ выстрѣловъ. Прусская конница сдѣлала бѣшеную атаку, и съ самаго начала сраженія побѣда была на сторонѣ Фридриха. Правое крыло перешло въ бродъ болота и воду и пошло въ штыки на непріятеля. Въ девять часовъ дѣло было кончено; 5000 непріятелей легло на мѣстѣ, 7000 взято въ плѣнъ; кромѣ того шестьдесятъ шесть пушекъ, шестнадцать литавръ, семь штандартовъ и болѣе семидесяти знаменъ достались въ руки побѣдителей.

Разбитые Австрійцы отступили въ Богемію, куда послѣдовалъ за ними и Фридрихъ.

Здѣсь между обѣими сторонами не было рѣшительнаго сраженія; велась только малая война; между тѣмъ шли переговоры о мирѣ и англійскій король Георгъ II желалъ быть посредникомъ. Но Марія Терезія объявила, что она готова лучше отдать съ себя послѣднюю юбку, чѣмъ лишиться Силезіи, и настаивала, чтобъ принцъ Лотарингскій далъ сраженіе. Обстоятельства были въ пользу Австрійцевъ, потому что войско ихъ простиралось до 40000, между тѣмъ какъ у Фридриха было только 18000. Совершенно неожиданно король получилъ извѣстіе, что непріятель въ боевомъ порядкѣ приближается къ нему. Пруссаки принуждены были строиться подъ непріятельскими выстрѣлами и первые приступы къ австрійскимъ бата-

реямъ стояли Фридриху много храбрыхъ. Но Прусская конница съ быстротой смяла цѣлые ряды смущеннаго непріятеля и храбрымъ гренадерамъ удалось взять одну изъ страшныхъ батарей. Послѣ пяти часовой битвы Пруссаки торжествовали побѣду, а непріятель бѣжалъ въ горы. Это была знаменитая битва при Соррѣ, о которой Фридрихъ самъ говорилъ, что счастливымъ окончаніемъ ея обязанъ единственно счастію и храбрости своихъ войскъ. Трофеи Пруссаковъ заключались въ двадцати двухъ пушкахъ, десяти знаменахъ и 1700 плѣнныхъ.

Послѣ труднаго отступленія, Фридрихъ снова вступилъ въ Силезію. Такъ какъ Австрійцы въ эту войну занимали Саксонію и думали вторгнуться въ прусскія владѣнія, то Фридрихъ послалъ въ Саксонію стараго принца Дессаускаго съ повелѣніемъ напасть на непріятеля. Самъ онъ двинулся на Мейссенъ. Здѣсь ему немедленно дали знать, что со стороны Дрездена весь горизонтъ въ огнѣ и что слышенъ отдаленный гулъ страшной канонады. Поздно вечеромъ офицеръ привезъ извѣстіе о побѣдѣ при Кессельсдорфѣ. Старый Дессауеръ напалъ на соединенныя войска Саксонцевъ и Австрійцевъ. Непріятельскія картечи страшно свирѣпствовали въ рядахъ прусскихъ гренадеровъ; Пруссаки должны были взбираться на крутыя, покрытыя снѣгомъ и льдомъ горы, чтобъ пойти въ штыки на Саксонцевъ. Темнота прекратила кровопролитное сраженіе, которое, какъ побѣдителямъ, такъ и побѣжденнымъ, стоило много крови. Болѣе 5000 убитыхъ съ обѣихъ сторонъ покрывали

поле битвы; Пруссаки взяли 5000 въ плѣнъ и отняли сорокъ восемь пушекъ

Послѣ этой битвы Марія Терезія должна была согласиться на миръ, который и былъ заключенъ въ Дрезденѣ (1745). По этому миру Фридрихъ опять получилъ Силезію и призналъ императоромъ Франца I-го.

III.

Частная жизнь Фридриха II-го. — Его привычки, склонности и занятія. — Его путешествія. — Анекдоты.

По окончаніи войны, Фридрихъ усердно предался внутреннему управленію государствомъ. Будучи первымъ по положенію въ своемъ государствѣ, онъ хотѣлъ быть первымъ и по дѣятельности. По его мнѣнію, ничто не имѣетъ такого сходства съ смертію, какъ праздность. Въ его занятіяхъ всю жизнь царствовалъ величайшій порядокъ, каждый часъ имѣлъ свое назначеніе. У короля было правило никогда ничего не откладывать, — и ни усталость, ни погода, ни какое любимое занятіе не могли заставить его пренебречь чѣмъ-нибудь. Въ Потсдамѣ, обыкновенной своей резиденціи, онъ вставалъ лѣтомъ въ три, а зимой въ четыре часа. Во время смотровъ въ Берлинѣ въ эти часы онъ былъ уже на лошади. Дежурному камердинеру строго было предписано будить короля въ это раннее время. Однажды Фридрихъ легъ позже обыкновеннаго; въ четыре часа слуга пришелъ его будить. Фридриху хотѣлось еще уснуть, но слуга неотступно требовалъ,

чтобъ онъ вставалъ. Фридрихъ началъ съ нимъ торговаться, прося еще хотъ полчаса, хотъ четверть часа покоя. «Ни минуты, отвѣчалъ камердинеръ:—если ваше величество не встанете сейчасъ, то я открою ставни, двери и стащу съ васъ одѣяло; тогда посмотримъ, какъ-то вы будете почивать.» Фридрихъ вскочилъ разсерженный: «Какъ ты смѣешь говорить со мной такимъ образомъ?» «Ваше величество, я говорю съ соннымъ человѣкомъ, а проснется король, такъ онъ съ меня взыщетъ за неисправность.» «Ты правъ, отвѣчалъ король смягчившись:—приказанія короля должны быть строго исполняемы даже въ отношеніи къ нему самому; вотъ тебѣ за усердіе.» И Фридрихъ далъ камердинеру свертокъ съ пятидесятью червонцами.

Съ той минуты, какъ онъ вставалъ и до поздней ночи, онъ былъ всегда въ сапогахъ; всегда самъ раздѣвался, одѣвался, даже чесался. Вставши, онъ тотчасъ же сѣлся за письменный столъ и разбиралъ письма, полученные въ ночь и подаваемые ему пажемъ въ огромной корзинѣ. Тутъ были депеши изъ посольствъ, извѣстія о сборѣ податей, планы построекъ, проекты осушки болотъ, жалобы обиженныхъ, просьбы о титулахъ, чинахъ, должностяхъ, все важное и неважное. Потомъ Фридрихъ слушалъ доклады своихъ адъютантовъ, давалъ приказанія, пилъ кофе и игралъ на флейтѣ. Играя, онъ ходилъ изъ комнаты въ комнату и это продолжалось часа два. Онъ самъ говорилъ, что во время этихъ путешествій подъ аккомпанементъ флейты, ему часто приходили въ голову очень серьезныя мысли касательно различныхъ государственныхъ дѣлъ. Когда

онъ оканчивалъ свою игру на флейтѣ, къ нему приходили въ кабинетъ секретари съ докладами. Онъ говорилъ имъ что нужно отвѣчать на то или другое письмо или на докладъ того или другого министра и часто писалъ свои замѣчанія на поляхъ. Все дѣлалось съ точностью и быстротой. Фридрихъ былъ одинъ изъ первыхъ государей, уничтожившихъ жестокия и нелѣпыя пытки въ судопроизводствѣ. Вообще онъ очень заботился о справедливости судей; ни одинъ смертный приговоръ не исполнялся безъ его утверженія, которое давалось очень рѣдко, если подсудимый не былъ убійцей. По окончаніи кабинетныхъ занятій, онъ надѣвалъ мундиръ, читалъ книгу или писалъ письма. Онъ былъ въ перепискѣ со многими знаменитыми людьми своего времени, не только госсударями, но учеными, писателями и проч. Читалъ онъ въ слухъ, внятнѣмъ, звучнымъ голосомъ. Въ двѣнадцать часовъ онъ шелъ къ столу, уставленному любимыми его кушаньями, карту которыхъ приказывалъ приносить себѣ по утру. Онъ приглашалъ къ своему обѣду самыхъ умныхъ и образованныхъ изъ своихъ офицеровъ, также писателей, ученыхъ, художниковъ, особенно французскихъ, которыхъ приглашалъ жить къ себѣ въ Берлинъ. Разъ за столомъ у Фридриха обѣдало нѣсколько заслуженныхъ офицеровъ и въ томъ числѣ ротмистръ, который выслужился изъ простыхъ солдатъ и неоднократно доказалъ свою храбрость на глазахъ короля. Разговоръ зашелъ о старинномъ дворянствѣ. Одинъ генералъ рассказывалъ съ гордостью, что его отецъ былъ тайный совѣтникъ и камергеръ священной имперіи.

«А кто твои предки?» спросилъ король ротмистра. «Мой отецъ простой и бѣдный крестьянинъ, отвѣчалъ офицеръ, — но его я не промѣняю ни на кого на свѣтѣ.» «Умно и благородно! воскликнулъ Фридрихъ: — ты вѣренъ Божьей заповѣди, Богъ не оставитъ тебя; поздравляю тебя полковникомъ, а отца твоего съ пенсією; кланяйся ему отъ меня!»

Фридрихъ любилъ самъ вести разговоръ, говорилъ очень быстро и, благодаря своей огромной памяти, опыту, начитанности и остроумію, всегда находилъ предметъ для разговора. Кто не бѣгло говорилъ по французски, тотъ только слушалъ; онъ охотно принималъ отъ другихъ возраженія и терпѣть не могъ тѣхъ, кто только поддакивалъ. Послѣ обѣда онъ еще полчаса игралъ на флейтѣ, потомъ подписывалъ письма, пилъ кофе и осматривалъ свои сады съ самою мелочною строгостью, потому что вообще любилъ вникать во всякія мелочи. Время отъ четырехъ до шести часовъ было назначено преимущественно для литературныхъ занятій. Кромѣ французскихъ стиховъ, Фридрихъ написалъ нѣсколько историческихъ сочиненій, исторію своихъ предшественниковъ и свою собственную. Часовъ въ шесть Фридрихъ выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ дворца съ нотами и флейтою и самъ раздавалъ партіи оркестру, ожидавшему его: Фридрихъ былъ большой любитель музыки; въ Берлинѣ жило нѣсколько талантливыхъ музыкантовъ; на придворныхъ концертахъ или они, или самъ король исполняли соло; большею частью игрались пьесы, сочиненныя самимъ Фридрихомъ; по странной прихоти короля, въ концерты

его допускались только знатоки музыки. Фридрихъ очень высоко ставилъ свой музыкальный талантъ, даже выше, чѣмъ онъ того стоилъ. Послѣ концерта подавали ужинъ; тутъ опять собирались его любимцы, иностранные ученые и писатели, и благодаря остроумію собесѣдниковъ, ужинъ длился за полночь.

Отъ этого порядка жизни Фридрихъ отступалъ во время войны, маневровъ и смотровъ войска и во время путешествій, которыя совершалъ ежегодно. Во время этихъ разъѣздовъ, по предварительному извѣщенію, собирались въ города, гдѣ онъ останавливался, главные чины провинцій, съ отчетами, и просители, которые имѣли до него нужду. Тутъ разрѣшалъ онъ все недоразумѣнія, отдавалъ приказанія по внутреннему управленію, принималъ жалобы и на большую часть изъ нихъ въ то же время давалъ отвѣтъ — положительный или отрицательный. Онъ любилъ также, чтобы купцы являлись къ нему; съ ними онъ говаривалъ о ходѣ мѣстной торговли и промышленности. Вообще онъ основалъ много различныхъ фабрикъ и заводовъ въ разныхъ частяхъ своего государства. Однажды, въ проѣздъ его черезъ Силезію, депутаты отъ купечества объявили ему, между прочимъ, что находятъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ торговыхъ сношеніяхъ, но боятся утрудить этимъ министра. «Адресуйте во всемъ прямо ко мнѣ, отвѣчалъ имъ Фридрихъ: — я — вамъ первый министръ и труда не боюсь.» Во время путешествій короля амтманъ, то есть староста каждой деревни, обязанъ былъ встрѣчать короля при вѣздѣ въ селеніе и верхомъ сопро-

вождать его карету, которая ѣхала шагомъ. Дорогой Фридрихъ обыкновенно справлялся о состояніи хлѣбопашества и крестьянъ, о почвѣ земли, главныхъ произведенійхъ и мѣрахъ къ ихъ сбыту; гдѣ нужно было, онъ помогалъ совѣтомъ и деньгами. Крестьяне, съ которыми дурно обращались ихъ владѣльцы, находили сильную защиту въ королѣ. Вообще, онъ не терпѣлъ, чтобы въ его государствѣ дѣйствовали самовластно и произвольно; это стѣсняло, говорилъ онъ, его волю. Самъ онъ очень добродушно и ласково говорилъ и обходился съ простымъ народомъ, поэтому, простой народъ очень любилъ его. Во время поѣздки короля въ Померанію, крестьяне одной деревни высыпали на дорогу, чтобъ взглянуть на Фридриха. Вдругъ лакей короля, сидѣвшій на козлахъ, громко закричалъ и протянулъ руки къ одной избушкѣ. «Что тамъ такое?» спросилъ король. «Вонъ мой отецъ и матушка, ваше величество!» отвѣчалъ лакей. — «Вели остановиться, сказалъ Фридрихъ: — тебѣ вѣрно хочется обнять стариковъ, ступай съ Богомъ, одинъ день я какънибудь обойдусь и безъ тебя, а послѣ завтра ты меня догонишь; прогоны заплачу на мѣстѣ.»

Несмотря на свою бережливость, Фридрихъ не жалѣлъ денегъ на постройки и на приобрѣтеніе книгъ и картинъ знаменитыхъ художниковъ. Онъ построилъ въ Берлинѣ оперный театръ и выписалъ оперную и балетную труппу изъ Италіи и Франціи. Въ столицѣ же построенъ былъ большой инвалидный домъ снабженный всякими удобствами. Во время пребыванія своего въ Потсдамѣ, Фридрихъ часто любовался пре-

красными окрестностями города и наконецъ рѣшился построить себѣ дворецъ въ мѣстѣ, называемомъ «королевскимъ виноградникомъ.» Онъ самъ составилъ планъ строения: въ 1745 году заложенъ былъ фундаментъ, черезъ два года Фридрихъ уже поселился во дворцѣ, который былъ названъ *Sans-souci* (безъ заботы). Королю хотѣлось расширить садъ, находившійся при новомъ дворцѣ, но плану его мѣшала вѣтряная мельница, которая стояла на самомъ видномъ мѣстѣ. Онъ хотѣлъ купить ее, но мельникъ не соглашался продать, не смотря на то, что король обѣщалъ ему выстроить новую мельницу и даже положить пенсію. «А знаешь ли ты, что я могу взять твою мельницу насильно?» сказалъ ему король. «Попробуйте, отвѣчалъ мельникъ: — развѣ въ Берлинѣ нѣтъ уголовного суда?» «И то правда, сказалъ Фридрихъ: — видно мы дѣла не поладимъ.» Онъ отпустилъ мельника съ подаркомъ и перемѣнилъ планъ своего сада.

(Окончаніе въ слѣдующ. №).

ЯЗЫКЪ ЖИВОТНЫХЪ.

Напрасно было бы спрашивать, существуетъ ли у животныхъ свой языкъ. Гдѣ есть способность ощущать внѣшнія впечатлѣнія, тамъ должно быть и чувство удовольствія или боли, а гдѣ удовольствіе и боль, тамъ нельзя не предположить и способности выражать ихъ. Каждое такое выраженіе внутренняго состоянія есть языкъ, будетъ ли это выраженіе передано посредствомъ жестовъ (пантомимою), въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, или же какими бы то ни было звуками. Мало того, животныя, принадлежащія къ одному виду, понимаютъ взаимно свой языкъ и умѣютъ объяснить съ помощію его одно другому свои ощущенія и желанія. Справедливость этого подтверждаютъ примѣры, которые мы приведемъ въ послѣдствіи, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ группъ животнаго царства.

Языкъ можетъ быть или пантомимный или звуковой. Животныя, не одаренныя органами голоса, могутъ объясняться между собою только жестами, которые хотя и очень просты, но вполне удовлетворяютъ потребностямъ каждаго вида. У выше развитыхъ животныхъ, обладающихъ способностію выражать свои

ощущенія болѣе или менѣе разнообразными звуками голоса, жесты служатъ средствомъ сдѣлать свой языкъ удобопонятнѣе для того, къ кому они обращаются. Всѣ животныя повторяютъ обыкновенно звуки или жесты, долженствующіе служить выраженіемъ ихъ чувствъ, по нѣскольку разъ, до тѣхъ поръ, пока они ощущаютъ эти чувства.

Первые признаки дѣйствительныхъ органовъ голоса мы замѣчаемъ въ классѣ рыбъ, у такъ называемыхъ чешуйчатниковъ (*Lepidosiren*), причисляемыхъ многими естествоиспытателями къ классу земноводныхъ. Эти животныя, водящіяся въ болотахъ и заливахъ Амазонской рѣки и дышашія тогда жабрами, устраиваютъ на время засухи гнѣзда изъ листьевъ, гдѣ и остаются до начала дождей; въ этихъ гнѣздахъ они дышатъ легкими. Въ низшихъ классахъ животныя выражаются только жестами и лишь съ класса земноводныхъ начинается безконечный рядъ развитія языка звуковъ, достигающаго высшей степени совершенства у человѣка.

Оставляя въ сторонѣ низшіе классы животныхъ, до сихъ поръ еще недостаточно изслѣдованныхъ въ этомъ отношеніи, начнемъ прямо съ насѣкомыхъ, у которыхъ мы встрѣчаемъ первые, не подлежащіе сомнѣнію признаки языка жестовъ, развитаго у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ очень сильной степени. Органами сообщенія служатъ въ этомъ случаѣ преимущественно щупальца, дѣйствующія, подобно крыльямъ телеграфовъ, употреблявшихся прежде для передачи извѣстій. Если пчела хочетъ сообщить что нибудь другой пчелѣ,

то она дотрогивается до нея щупальцами. Въ случаѣ появленія въ ульѣ какого нибудь животнаго, пчелы даютъ тотчасъ же объ этомъ знать одна другой и не пройдетъ минуты, какъ уже все общество пришло въ волненіе. Если у нихъ взяли матку или если онѣ лишились ея какимъ либо другимъ образомъ, то онѣ сообщаютъ объ этомъ одна другой, складывая щупальца на крестъ и размахивая ими вокругъ себя. Каждая пчела понимаетъ этотъ знакъ и при первой вѣсти объ утратѣ царицы, всѣ обитатели приходятъ въ сильное смятеніе и пугаются отыскивать пропавшую. Государству не достаетъ повелительницы; оно распадается и дѣлается жертвою безначалія въ полномъ смыслѣ этого слова. Царица, лишившаяся щупальцевъ какимъ бы то ни было образомъ, не въ состояніи болѣе управлять пчелинымъ обществомъ, потому что она не имѣетъ уже средства объясняться съ своими подданными и понукать рабочихъ къ усиленной дѣятельности. Она не можетъ болѣе стоять во главѣ государства, не въ состояніи вывести роя, и потому безпорядокъ, замѣшательство господствуютъ повсюду въ народѣ. Прикосновеніемъ щупальцевъ выражаютъ пчелы царичѣ свои ласки, а царица поощряетъ такимъ же образомъ прилежныхъ рабочихъ; щупальцами же объясняются пчелы и между собою; съ уничтоженіемъ ихъ, онѣ лишаются и средствъ сообщать другъ другу свои ощущенія. По опытамъ энтомолога Латрейля, такія пчелы не въ состояніи даже найти привычной дороги въ своей улей, потому что щупальца служатъ для нихъ въ тоже время и орудіями осязанія.

Подобнымъ же образомъ подаютъ другъ другу знаки и объясняются между собою муравьи и термиты. Прикосновеніемъ щупальцевъ надсмотрщика поддерживаютъ порядокъ въ населеніи муравейники и передаютъ приказанія рабочимъ. Муравей, которому необходима помощь, подаетъ знакъ и товарищи его немедленно спѣшатъ къ нему на выручку. Въ случаѣ грозящей опасности, они предостерегаютъ другихъ муравьевъ движеніемъ щупальцевъ или челюстей и употребляютъ даже силу, если этихъ знаковъ оказывается недостаточно. Гюберъ, прославившійся своими наблюденіями надъ этими насекомыми, поставилъ однажды ножки ящика съ искусственнымъ муравейникомъ въ чашки съ водою, доставлявшею большое наслажденіе этимъ маленькимъ животнымъ, которыя большіе охотники до воды и очень любятъ лакать ее подобно собакамъ. По прошествіи нѣкотораго времени, онъ отогналъ ихъ отъ чашки, и испуганные муравьи убѣжали въ гнѣздо. Нѣкоторые изъ нихъ однакоже, вѣроятно болѣе другихъ мучимые жаждою, продолжали пить воду, не обращая ни на что вниманія. Тогда одинъ изъ убѣжавшихъ муравьевъ воротился назадъ, повидимому, для того, чтобы увѣдомить своихъ неопытныхъ товарищей о грозящей имъ опасности. Толкнувъ одного изъ нихъ челюстями и ударивъ двухъ другихъ щупальцами сперва по животу, а потомъ по груди, онъ заставилъ ихъ отойти отъ воды и возвратиться домой; четвертый однакоже продолжалъ спокойно пить, ни сколько не заботясь объ ударахъ, которыми заботливый его товарищъ напоминалъ ему

объ опасности. Видя, что его увѣщанія не дѣйствуютъ, послѣдній схватилъ упряма за заднія ноги и насильно оттащилъ его назадъ. Отсталый муравей обернулся къ нему головою и, раскрывъ съ видимою угрозою свои верхнія челюсти, снова воротился къ водѣ и хладнокровно принялся за питье; тогда товарищъ его схватилъ его, безъ дальнѣйшихъ объясненій, поперегъ туловища и повесъ съ триумфомъ въ муравейникъ.

Такими же знаками призываетъ муравей на помощь своихъ товарищей, найдя какую нибудь добычу, которая ему не по силамъ, и они всегда съ готовностію помогаютъ ему перенести ее въ безопасное мѣсто. Открывъ лакомую пищу, которой достаточно для насыщенія многихъ, онъ спѣшитъ въ муравейникъ, сообщаетъ о своей находкѣ и возвращается съ нѣсколькими товарищами для раздѣла добычи. Франклинъ рассказываетъ по этому поводу слѣдующее: «Будучи увѣренъ,» говоритъ онъ, «что эти маленькія животныя обладаютъ средствами сообщать другъ другу свои мысли и желанія, я произвелъ нѣсколько опытовъ, вполне подтвердившихъ мое предположеніе. Одинъ изъ нихъ можетъ служить, по моему мнѣнію, наиболее убѣдительнымъ доказательствомъ. Однажды я поставилъ въ небольшую комнату, гдѣ находились муравьи, горшокъ съ патокою, на которую они вскорѣ бросились съ большою жадностію. Замѣтивъ это, я прогналъ ихъ прочь и привѣсилъ горшокъ на веревкѣ къ потолку. Между тѣмъ въ немъ остался одинъ муравей, продолжавшій спокойно лакомиться патокою. Наѣвшись до-сыта и собравшись въ возвратный путь,

онъ долго не могъ найти средства выбраться изъ горшка; послѣ многихъ напрасныхъ поисковъ, онъ нашелъ наконецъ веревку и, взобравшись по ней на потолокъ, спустился оттуда по стѣнѣ на землю и убѣжалъ въ свой муравейникъ. По прошествіи получаса, онъ возвратился, ведя за собою цѣлую толпу товарищей, которые, слѣдуя за нимъ по стѣнѣ, по толку и веревкѣ, добрались до горшка съ патокою. Насытившись, они ушли тѣмъ же путемъ домой, а на мѣсто ихъ явились новые. Такъ смѣнялся одинъ рой другимъ, пока не была съѣдена вся патока.» Если во время подобнаго раздѣла добычи спугнуть котораго нибудь изъ муравьевъ, то онъ тотчасъ же толкнетъ своего сосѣда щупальцами, этотъ передастъ сигналъ далѣе и въ одно мгновеніе всѣ разбѣгутся.

Снаружи у муравейника всегда стоитъ нѣсколько караульныхъ, подающихъ въ случаѣ угрожающей опасности знакъ работникамъ, которые немедленно уносятъ яички и куколки, ввѣренныя ихъ попеченію, въ самыя внутреннія помѣщенія гнѣзда, между тѣмъ какъ другіе приготавливаются къ защитѣ и встрѣчѣ врага. Если въ пасмурный день выглянетъ изъ за тучъ солнце и освѣтитъ муравейникъ, то караульные извѣщаютъ объ этомъ рабочихъ, которые тотчасъ выносятъ на солнце яички и куколки. Въ способности муравьевъ сообщать другъ другу свои мысли можно убѣдиться, перенеся разрушенное гнѣздо въ комнату. Муравьи разбѣгутся тотчасъ же по разнымъ направленіямъ и будутъ сновать взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока не найдутъ удобнаго мѣста для сходки; когда которому нибудь

изъ нихъ удалось открыть щель въ полу, онъ возвращается къ своимъ товарищамъ, указываетъ имъ извѣстными движеніями щупальцевъ дорогу, по которой они должны идти, чтобы найти эту щель, и часто самъ провожаетъ ихъ до нея.

Доказательствомъ существованія языка жестовъ у муравьевъ могутъ служить также ихъ игры, которыя имѣли случай подмѣнить Гульдъ, Бонне и другіе извѣстные естествоиспытатели. Гульдъ говоритъ: «Можно часто наблюдать, какъ какой нибудь муравей бѣгаетъ назадъ и впередъ, держа что-то въ своихъ верхнихъ челюстяхъ. Сначала я полагалъ, что это зерно или какая нибудь другая добыча, но замѣтилъ вскорѣ, что мнимое зерно ничто иное, какъ другой муравей изъ того же муравейника; потаскавъ его такимъ образомъ нѣсколько времени, онъ выпускаетъ плѣнника, не сдѣлавъ ему никакого вреда.» Подробнѣе всѣхъ описываетъ такія игры или гимнастическія упражненія муравьевъ Гюберъ. Подойдя однажды въ жаркій день къ гнѣзду красныхъ муравьевъ, онъ увидѣлъ на поверхности его большія толпы этихъ насѣкомыхъ, наслаждавшихся, по видимому, теплотою солнечныхъ лучей, освѣщавшихъ муравейникъ; вся масса находилась въ сильномъ движеніи и походила на кипящую жидкость. Слѣдя внимательно за каждымъ муравьемъ отдѣльно, онъ замѣтилъ, что они съ изумительною быстротою двигали своими ножками и хлопали ими по головамъ другихъ муравьевъ. Послѣ этихъ движеній, походившихъ на ласки, они становились попарно на заднія ноги, боролись другъ съ другомъ, схватывали

одинъ другого челюстями за ногу или за щупальца, потомъ выпускали и снова возобновляли нападенія. Нѣкоторые прижимали одинъ другого къ груди или животу, обнимались, катались вмѣстѣ по землѣ и поднимали другъ друга по переменно къ верху; по прошествіи нѣсколькихъ секундъ, они расходились и схватывались такимъ же образомъ съ другими. Борьба продолжалась обыкновенно до тѣхъ поръ, пока болѣе ловкому и сильному изъ соперниковъ не удавалось сбросить своего противника на землю, послѣ чего онъ убѣгалъ обыкновенно прочь и прятался въ какомъ нибудь изъ многочисленныхъ ходовъ гнѣзда.

У термитовъ, насѣкомыхъ свойственныхъ странамъ жаркаго пояса и во многомъ сходныхъ относительно образа жизни съ муравьями (*), также существуетъ языкъ жестовъ, которыми они передаютъ другъ другу свои мысли и намѣренія. Они живутъ, какъ извѣстно, большими обществами, состоящими изъ самки или царицы, самцовъ, работниковъ и защитниковъ, на которыхъ лежитъ обязанность защищать гнѣзда отъ нападенія враговъ. Если рабочіе термиты, обязанные заниматься постройкою жилища, выкармливаніемъ дѣтенышей и доставкою провизіи, работаютъ лѣниво, то эти защитники стучатъ своими большими челюстями, въ знакъ того, чтобы первые поспѣшили работою, и каждый работникъ немедленно исполняетъ приказаніе. Такимъ же образомъ извѣщаютъ защитники и рабочіе о приближеніи непріятеля; при первомъ сигналѣ выбѣгаютъ

(*) См. «Полсѣжникъ» 1859 г., № 4: «Термиты».

изъ гнѣзда всѣ защитники для обороны, а рабочіе спѣшатъ перенести личинки во внутреннія части жилища. Царица термитовъ, никогда не выходящая изъ гнѣзда, передаетъ свои приказанія челюстями, а рабочіе, постоянно окружающіе ее, понимаютъ каждый ея жестъ и исполняютъ всѣ ея желанія.

Вообще у пчелъ, шмелей, муравьевъ и термитовъ пантомимный языкъ очень развитъ, по крайней мѣрѣ болѣе, чѣмъ этого можно было бы ожидать, судя по мѣсту, которое они занимаютъ въ царствѣ животныхъ. Причина этого заключается въ ихъ общественной жизни, а въ каждомъ обществѣ должно предположить и существованіе средствъ для размѣна ощущеній между его членами. Если бы пчелы и муравьи не жили вмѣстѣ, большими роями, то и языкъ ихъ былъ бы по всей вѣроятности не богаче языка прочихъ насекомыхъ, которыя хотя и могутъ объясняться между собою жестами, однакоже далеко не въ той степени, какъ пчелы и муравьи. У многихъ изъ нихъ, какъ напримѣръ у мухъ, существованіе языка жестовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, но способность эта часто ускользаетъ отъ наблюденія, потому что проявленія ея здѣсь рѣже и бросается въ глаза не такъ ярко, какъ у другихъ животныхъ.

Гораздо замѣтнѣе этотъ языкъ у нѣкоторыхъ изъ жесткокрылыхъ насекомыхъ или жуковъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ наблюденій. Извѣстно, что такъ называемые *могильщики* (*Necrophorus*) кладутъ свои яички въ трупы небольшихъ животныхъ, которые они зарываютъ для этого въ землю. Вылупив-

шись изъ яичекъ, личинки этого жука остаются въ зарытомъ трупѣ, служащемъ для нихъ пищею, до превращенія въ куколку. Такой жукъ могильщикъ нашелъ однажды на утоптанной дорогѣ мертвую крысу и принялся тотчасъ же закапывать ее въ землю; но почва была слишкомъ тверда и потому онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Отыскавъ въ близи другое мѣсто, гдѣ земля была рыхлѣе, онъ попробовалъ перетащить туда трупъ, однакоже и это не удалось ему, потому что тяжесть была ему не по силамъ. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ, онъ улетѣлъ прочь, но вскорѣ возвратился на то же мѣсто, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими могильщиками, которыхъ онъ очевидно призвалъ на помощь. Ихъ соединеннымъ усиліямъ удалось наконецъ перетащить трупъ крысы на болѣе удобное мѣсто; зарывъ его общими силами въ землю, призванные на помощь жуки улетѣли и могильщикъ, нашедшій трупъ, остался полнымъ владѣльцемъ своей добычи. Какимъ бы образомъ могъ онъ призвать на подмогу своихъ товарищей, если бы не обладалъ способностію объясняться съ ними, выразить имъ свое желаніе? Могутъ возразить, что могильщиковъ привлекъ къ трупу крысы вовсе не зовъ ихъ товарища, а запахъ мертваго тѣла и инстинктивное побужденіе зарывать трупы въ землю, для кладки въ нихъ яицъ; но почему же въ такомъ случаѣ помогавшіе зарывать крысу жуки не положили въ нее и своихъ яичекъ?

Не менѣе поразительные примѣры можно найти у нѣкоторыхъ изъ видовъ навозныхъ жуковъ, скаты-

вающихъ изъ сырого навоза болѣе или менѣе крупные шарики и зарывающихъ ихъ потомъ въ землю. Каждый изъ этихъ шариковъ служитъ мѣстопробываніемъ и первою пищею для личинки, вылупляющейся изъ положеннаго жуками въ средину его яичка. Когда шарики высохли, жукъ катитъ ихъ задними ногами до ямокъ, имѣющихъ иногда до трехъ футовъ глубины и выкопанныхъ имъ заранѣе, часто на разстояніи нѣсколькихъ футовъ одна отъ другой. Случается, что по дорогѣ такой навозный шарикъ попадаетъ въ углубленіе, изъ котораго жуку невозможно вытащить его, не смотря на всѣ старанія и усилія. Въ такомъ случаѣ онъ отправляется на ближайшую навозную кучу и приводитъ двухъ или трехъ товарищей, которые помогаютъ ему вытащить шарикъ и потомъ опять возвращаются на свое мѣсто (*).

Кромѣ этого языка жестовъ, мы встрѣчаемъ у насѣкомыхъ также и слабыя начала звуковгоо языка, который однакоже очень простъ и состоитъ по большей части только изъ одного какого нибудь тона, не способнаго къ измѣненію. Такъ многіе жуки, при при-

(*) Къ этому же семейству навозныхъ жуковъ принадлежитъ и священный египетскій жукъ (*Ateuchus sacer*), изображеніе котораго часто встрѣчается на древнихъ египетскихъ памятникахъ. Онъ служилъ у Египтянъ эмблемою земли и солнца, перваго по шаровидной формѣ навозныхъ комковъ, въ которые онъ кладетъ своего яича, втораго — по причинѣ лучеобразно расположенныхъ зубцовъ головного щитка и тридцати суставчиковъ на всѣхъ шести лапкахъ, соотвѣтствовавшихъ числу дней въ мѣсяцѣ.

косновеніи къ нимъ, издають звукъ, происходящій отъ тренія перваго грудного сустава о средній, какъ напр. жукъ—могильщикъ и другіе. Маленькій жучокъ, водящійся преимущественно на разныхъ видахъ лилій, такъ называемая *лилійная коровка* (*Lema Merdigera*), издаетъ, если его взять въ руку, особый, похожій на пискъ, звукъ; если по близости находится другой такой же жучекъ, то послѣдній немедленно притаивается, прикидывается мертвымъ и скатывается съ цвѣтка на землю.

Рѣзкіе звуки, производимые нѣкоторыми насѣкомыми движеніемъ крыльевъ или треніемъ чешуйчатыхъ заднихъ бедеръ о надкрылья, какъ напримѣръ звуки, издаваемые кузнечиками, полевыми и домашними сверчками и т. п., могутъ быть также причислены къ языку животныхъ. Едва раздалось вечеромъ чирканье одного полевого сверчка, какъ въ отвѣтъ ему тотчасъ же начинаетъ вторить другой, а за нимъ третій и вскорѣ вся окрестность оглашается звуками невидимыхъ крикуновъ. Такъ называемый *точильщикъ-часовщикъ* (*Anobium pertinax*, у нѣмцевъ *Todtenuhr*, у французовъ *l'horloge de la mort*), часто попадающійся въ стѣнахъ домовъ, въ особенности въ деревняхъ, производитъ, сидя внутри дерева, звукъ, похожій на бой часовъ. Замѣчательно, что находящійся въ комнатѣ другой такой же точильщикъ начинаетъ, минутой спустя послѣ перваго, также постукивать, какъ бы отвѣчая ему. Вѣроятно, что звуки эти служатъ сигналами между самцемъ и самкою, которые призываютъ такимъ образомъ другъ друга.

Большая часть этихъ животныхъ, къ сожалѣнію, еще

очень мало изслѣдованы въ отношеніи ихъ образа жизни и нравовъ. Издаваемые ими звуки, не понятны для нашего слуха, привыкшаго понимать лишь языкъ человѣка; если намъ было бы извѣстно значеніе ихъ, то мы бы могли понимать и языкъ этихъ животныхъ, мы бы убѣдились, что насѣкомыя взаимно понимаютъ эти звуки, что отвѣтное чирканье сверчка или стукъ часовщика, отзывающагося на голосъ его подруги, болѣе, чѣмъ простой отголосокъ, отдаваемый горами или лѣсомъ.

Перейдемъ теперь къ другому, высшему классу животныхъ — къ рыбамъ. Молчаливость животныхъ этого класса вошла въ пословицу; «нѣмъ какъ рыба», говоримъ мы, когда хотимъ обозначить неразговорчиваго, черезъ чуръ молчаливаго человѣка. Но отсутствіе голоса, которымъ отличаются почти всѣ рыбы, не даетъ еще намъ права предполагать, чтобы онѣ были совершенно лишены способности сообщать другъ другу свои желанія, мысли, ощущенія. Недоступность среды, въ которой онѣ обитаютъ, дѣлаетъ чрезвычайно труднымъ изученіе и изслѣдованіе ихъ образа жизни и нравовъ; изъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ примѣровъ мы можемъ однакоже заключить, что и у животныхъ этого класса, въ особенности у тѣхъ, которыя живутъ обществами, существуетъ свой языкъ жестовъ, служащій имъ для сообщенія между собою. Огромными стадами сельдей, совершающихъ, какъ извѣстно, ежегодно большія путешествія, всегда предводительствуетъ одна изъ нихъ, служащая какъ бы путеводителемъ для всѣхъ прочихъ. Плывущее за ней

стадо внимательно слѣдитъ за всѣми ея движеніями; въ случаѣ опасности или приближенія врага, она подаетъ понятный другимъ знакъ и все стадо обращается немедленно въ бѣгство. Пантомимный языкъ можно также наблюдать у обыкновенной колюшки. Извѣстно, что самцы этой рыбки устраиваютъ изъ травинокъ, соединенныхъ слизью, настоящія гнѣзда шарообразной формы, съ двумя противоположными выходами, служащія вмѣстилищемъ для ичекъ (икры) и убѣжищемъ для молодыхъ, въ которомъ они проводятъ первое время своей жизни. Устроивъ такое гнѣздо, самецъ спѣшитъ къ самкамъ, готовымъ для метанія икры, и старается различными движеніями обратить на себя ихъ вниманіе. Самка, съ своей стороны, выражаетъ также тѣлодвиженіями и игрою готовность слѣдовать за нимъ. Тогда самецъ, очень хорошо понимающій этотъ нѣмой языкъ, плыветъ къ гнѣзду, показывая дорогу, всовываетъ въ его отверстіе голову, чтобы увеличить его и облегчить входъ и пропускаетъ въ него самку, которая, слѣдуя приглашенію, входитъ въ гнѣздо и мечетъ въ немъ икру. По окончаніи метанія, она выходитъ изъ него блѣдная и безцвѣтная и уплываетъ, нисколько, повидимому, не заботясь о яичкахъ, только что положенныхъ ею, самецъ же, переливы цвѣтовъ кожи котораго и живость движеній явно обнаруживаютъ его усиливающееся безпокойство, отправляется тѣмъ же путемъ, какъ и самка, въ гнѣздо, выпускаетъ на икру молоки и, выйдя изъ противоположнаго отверстія, тщательно закрываетъ его. Съ этого времени онъ остается единственнымъ сторо-

жемъ гнѣзда, которое онъ всячески укрѣпляетъ и защищаетъ отъ нападенія разныхъ хищниковъ, въ особенности самокъ, принадлежащихъ къ числу самыхъ злѣйшихъ враговъ своихъ собственныхъ дѣтенышей. Интересно наблюдать всѣ уловки, хитрости и угрожающіе жесты, которыми онъ старается удалить непріятеля отъ своего гнѣзда. Не менѣе велика также его заботливость о дѣтенышахъ по вылупленіи ихъ изъ яичекъ.

Докторъ Уаруикъ (Warwick) рассказываетъ чрезвычайно любопытный фактъ, который онъ имѣлъ случай наблюдать надъ одною щукою. Прогуливаясь однажды по берегу пруда, онъ увидѣлъ, что большая щука стремительно бросилась за какою-то добычею и ударилась при этомъ очень сильно объ уголь рыбаго садка, находившагося въ водѣ. Почти обезумѣвъ отъ боли, она выпрыгнула сперва высоко изъ воды и потомъ стремглавъ ринулась въ глубь, чтобы погрузить свою раненую голову въ иль. Вскорѣ она однакоже снова поднялась на поверхность пруда, подплыла къ берегу и высунула голову изъ воды. Подойдя къ ней ближе, Уаруикъ замѣтилъ, что черепъ рыбы былъ сильно поврежденъ и часть мозга вышла наружу. Осторожно вложивъ его назадъ, онъ сдѣлалъ компрессъ и щука оставалась при этомъ совершенно спокойною. Когда докторъ пришелъ на другой день къ пруду, она тотчасъ подплыла къ берегу и положила свою голову на его ногу; осмотрѣвъ рану, онъ перевязалъ ее снова и повторялъ это ежедневно до тѣхъ поръ, пока она не зажила. Щука старалась выразить свою благодарность различными жестами, виляла хвостомъ на право и на

лѣво и, когда Уаруикъ прохаживался по берегу пруда, она слѣдовала за нимъ въ водѣ, поворачивала вмѣстѣ съ нимъ назадъ и брала пищу изъ его рукъ, если же къ ней приближался кто нибудь посторонній, то она тотчасъ же скрывалась въ воду.

Не всѣ однакоже рыбы совершенно нѣмы. Въ началѣ нашей статьи мы упоминали о чешуйчатникахъ, составляющихъ нѣкоторое исключеніе. Нѣкоторыя животныя изъ этого класса также обладаютъ способностію издавать звуки, которые, впрочемъ, въ слѣдствіе несовершеннаго развитія ихъ органовъ голоса, скорѣе походятъ на хрюканье, какъ напримѣръ у *бѣшенки*, или на ворчанье, какъ у *керчи*, водящейся преимущественно около Камчатки.

Въ классѣ земноводныхъ есть много животныхъ, одаренныхъ органами голоса и слѣдовательно обладающихъ способностію объясняться между собою звуками. Мы укажемъ здѣсь только на лягушекъ. Кто не слыхалъ вечернихъ концертовъ, задаваемыхъ весною и лѣтомъ этими виртуозами болотъ и прудовъ? Едва въ теплый весенній вечеръ опустилось солнце за горизонтъ, какъ прудъ и болото начинаютъ оживляться. Лягушки, старъ и малъ, подплываютъ къ берегу и высовываютъ изъ воды свои угловатыя головки. Покуда все еще тихо: но вотъ раздалось грубое кваканье старой, большой лягушки, можетъ быть родоначальницы всей болотной семьи, и вслѣдъ за нимъ слышались повсюду кругомъ звонкіе голоса прочихъ лягушекъ. Въ этомъ громкомъ оркестрѣ всегда можно отличить голосъ запѣвалы или капельмейстера; если

онъ почему нибудь замолкъ, перестаютъ квакать и всѣ прочія лягушки.

Доказательствомъ высокой степени развитія языка звуковъ у птицъ можетъ служить уже разнообразіе и переливы ихъ голосовъ. Не трудно распознать выражаетъ ли крикъ птицы радость или печаль, удовольствіе или боль, зоветъ ли она имъ свою подругу и птенцовъ, или предостерегаетъ ихъ отъ угрожающей опасности. Когда самецъ малиновки поетъ подлѣ сидящей на яйцахъ самки, пѣснь его такъ нѣжна и мягка, какъ будто бы онъ напѣваетъ ей о любви и счастіи; а подруга его вслушивается въ эти звуки и пристально глядитъ на него своими свѣтлыми глазками. Если онъ потерялъ свою самку, то пѣсня его въ это время такъ печальна и полна такой глубокой тоски, что въ ней такъ и слышится вся скорбь бѣдной птички. Но за то какъ весело щебечетъ онъ, найдя ее и улетая вмѣстѣ съ нею за горы и долины! И какъ измѣняется опять голосъ его, коль скоро его подругѣ, его птенцамъ и гнѣздышку грозитъ какая нибудь опасность! какимъ радостнымъ крикомъ отвѣчаетъ ему самка, заслышавъ его зовъ! Эти звуки передаютъ внутреннее безпокойство, радость, горе, словомъ все, что чувствуетъ птица; это цѣлыя рѣчи, очень хорошо понимаемыя птицами, хотя ухо человѣка и не въ состояніи объяснить себѣ значенія отдѣльныхъ звуковъ.

Подобно прочимъ животнымъ, многія птицы выставляютъ во время сна или отыскиванія пищи караульныхъ. Къ такимъ птицамъ принадлежатъ, напри-

мѣрь: пеликаны, дикія утки, вороны и воробны, разныя хищныя птицы, даже воробьи и многія другія. Сторожевая птица, замѣтивъ приближающуюся опасность, подаетъ немедленно знакъ и все стадо поспѣшно улетаетъ. Дикая утка предостерегаетъ крикомъ своихъ подругъ, завидѣвъ еще издали охотника; послѣднія, услыша этотъ крикъ, дѣлаются внимательны и хотя совершенно готовы взлетѣть на воздухъ, но не поднимаются прежде, чѣмъ караульный подастъ вторичный знакъ. Такъ же поступаютъ воробьи, у которыхъ обязанность караульнаго принимаетъ на себя старый и опытный самецъ. Какъ скоро раздастся его предостерегательный крикъ, всѣ прочіе воробьи притихаютъ; въ особенности молодые птенцы умолкаютъ совершенно и стараются укрыться между вѣтвями и листвою. Тѣмъ сильнѣе и ближе опасность, тѣмъ громче раздается крикъ сторожевого самца. Если онъ замолкъ или даль знать голосомъ, что опасность миновалась, воробьи снова оживляются и начинаютъ щебетать. Сторожевая птица выбираетъ при этомъ для наблюденій всегда самую высокую открытую кругомъ вершину дерева, съ которой она можетъ обзрѣть разомъ возможно большее пространство.

Если человѣкъ приблизится къ гнѣзду чибиса, то эта птица начинаетъ кружиться около него и испускаетъ особые крики, на которые тотчасъ слетаются къ нему другіе чибисы. Они съ крикомъ кружатъ около человѣка и, если противникъ слабый, то даже нападаютъ на него.

Вороны всегда выставляютъ, какъ мы уже сказали,

часовыхъ, и даже тогда, когда онѣ спятъ, одна изъ нихъ постоянно стоитъ на часахъ. Когда журавли отлетаютъ осенью на югъ или возвращаются весною, впереди стаи всегда летитъ старая, опытная птица, уже часто совершавшая этотъ путь, а за нею слѣдуютъ, одна за другою, всѣ остальные, образуя или одну прямую линію или двѣ линіи, соединенныя угломъ. Вожатый указываетъ путь и поддерживаетъ своимъ голосомъ порядокъ въ стаѣ. Сбившись съ пути, онъ извѣщаетъ объ этомъ прочихъ журавлей, которые отвѣчаютъ ему крикомъ и кружатся на одномъ мѣстѣ, покуда вожатый не станетъ опять во главѣ вереницы и не подастъ знака, что онъ снова нашелъ настоящую дорогу.

Извѣстно, что многія изъ перелетныхъ птицъ присылаютъ сперва на мѣсто переселенія квартирьеровъ, которые осматриваютъ мѣста, годныя для вывода птенцовъ, не приступая сами къ постройкѣ гнѣздъ. Осмотрѣвъ мѣстность и найдя все въ порядкѣ, они снова улетаютъ и возвращаются уже вмѣстѣ съ другими. Такъ поступаютъ чибисы, жаворонки, трясогузки, ласточки и журавли. Въ одномъ помѣстьѣ въ Курляндіи гнѣздятся почти каждый годъ 18 журавлей, гнѣзда которыхъ расположены такимъ образомъ, что ихъ всѣхъ можно окинуть однимъ взглядомъ. Сперва является сюда одинъ журавль, который потомъ исчезаетъ и, по прошествіи нѣкотораго времени, прилетаетъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими. Еще нѣсколько дней спустя являются во множествѣ и самки, которыя садятся на гнѣзда и начинаютъ высиживаніе. Эти передовые квартирьеры перелетныхъ птицъ оста-

ются всегда только нѣсколько минутъ и потомъ исчезаютъ; отъ того произошла и пословица: «одна ласточка весны не дѣлаетъ». Замѣчательно, что они держатъ себя совершенно тихо и не обнаруживаютъ своего присутствія крикомъ.

Доказательствомъ способности птицъ передавать другъ другу свои мысли, можетъ служить слѣдующій случай. Старая гусыня у одного арендатора въ Ирландіи, сидѣвшая на яйцахъ, вдругъ сдѣлалась въ одинъ день чрезвычайно безпокойна. Она сошла наконецъ съ гнѣзда, перешла въ сосѣдній хлѣвъ, гдѣ находилась другая молодая гусыня, и дала ей знакъ гоготаньемъ и разными жестами слѣдовать за нею. Молодая птица пошла съ нею и, прійдя къ гнѣзду, сѣла на яйца. Старая гусыня спокойно усѣлась подлѣ и вскорѣ умерла, молодая же продолжала насиживать и добросовѣстно исполнила возложенное на нее порученіе. Не менѣе любопытенъ слѣдующій расказъ одного ученаго любителя птицъ. «Замѣтивъ,» говоритъ онъ, «что пара молодыхъ ласточекъ принялась строить гнѣздо надъ окномъ моей комнаты, я началъ наблюдать за ихъ дѣйствіями. Къ вечеру второго дня большая часть гнѣзда уже была готова. На третій день утромъ я услышалъ сильный шумъ надъ окномъ, походившій на крики птицъ, во время драки. Въ первую минуту я подумалъ, что ласточки дерутся съ воробьями, намѣревающимися, по обыкновенію, завладѣть новоотстроеннымъ жилищемъ; но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ около 8 ласточекъ, спокойно сидѣвшихъ, не трогая другъ друга, на кро-

вельномъ желобѣ и все сильнѣе и сильнѣе испускавшихъ непріязненные крики, которыми онѣ выражаютъ обыкновенно гнѣвъ или тому подобныя ощущенія. Онѣ явно ссорились между собою, потому что голоса ихъ звучали такъ сердито и крики чрезвычайно походили на тѣ, которые они испускаютъ во время дракъ или ссоръ. Сцена эта продолжалась болѣе трехъ четвертей часа. По временамъ одна изъ ласточекъ облетала вокругъ начатаго гнѣзда и потомъ снова съ крикомъ садилась на край желоба. Наконецъ онѣ улетѣли, оставивъ на мѣстѣ только прежнюю пару, изрѣдка кружившую ся около гнѣзда. Въ раздумьи о непонятной для меня сценѣ, я отошелъ отъ окна и занялся своими дѣлами. Вечеромъ, къ моему немалому изумленію, замѣтилъ я, что мои ласточки оставили начатое гнѣздо и привялись за постройку другого, въ разстояніи пяти или шести футовъ отъ перваго. Не ясно ли, что шумъ, слышанный мною по утру, былъ споръ по поводу начатаго гнѣзда, и что старыя ласточки знали лучше, гдѣ помѣстить его, чѣмъ молодыя, не хотѣвшія оставить своей работы и тѣмъ разсердившія старыхъ? Какъ бы то ни было, очевидно, что старики успѣли убѣдить молодую пару на своемъ языкѣ и что этотъ языкъ долженъ быть очень богатъ выраженіями и оборотами, если онѣ могли спорить объ этомъ предметѣ цѣлыхъ $\frac{3}{4}$ часа. Можетъ быть, мѣсто, выбранное для перваго гнѣзда, показалось старымъ ласточкамъ не довольно безопаснымъ, или самая постройка недовольно крѣпкою, и потому онѣ сочли нужнымъ предостеречь своихъ неопытныхъ товарищей.

Всѣмъ извѣстенъ крикъ, которымъ сзываетъ пѣтухъ своихъ куръ, завидѣвъ высоко въ воздухѣ ястреба или другого пернатого хищника, или звукъ, которымъ онъ извѣщаетъ любимѣйшихъ изъ своихъ подругъ о какой нибудь лакомой находкѣ. Насѣдка сзываетъ своихъ цыплятъ, найдя для нихъ хлѣбное зернышко, и учитъ ихъ, какъ нужно ѣсть и пить. Если она высидѣла утиныя яйца и молодые утята, слѣдую своему природному побужденію, пускаются въ воду, то курица въ безпокойствѣ бѣгаетъ взадъ и впередъ по берегу, оглашая воздухъ жалобными криками, которыми она хочетъ предостеречь ихъ отъ опасной стихіи. Самки соловьевъ выбираютъ себѣ такихъ самцовъ, которые лучше поютъ и пѣніе которыхъ болѣе проникаетъ въ ихъ сердце; слѣдовательно, онѣ понимаютъ эти звуки, этотъ языкъ.

Не возможно было бы перечислить здѣсь всѣ роды звуковъ, которыми объясняются между собою птицы, всѣ движенія и жесты, которыми онѣ сообщаютъ другъ другу свои ощущенія и впечатлѣнія, потому что звуки эти безконечно разнообразны, а жесты и знаки безчисленны. У каждаго вида птицъ свои жесты, свой языкъ, потому что у каждой свой жизненный кругъ, свои ощущенія и впечатлѣнія. Природа, столь разнообразная во всѣхъ своихъ твореніяхъ, осталась себѣ вѣрна и въ этомъ отношеніи.

Еще полнѣе развитъ въ общей сложности языкъ у четвероногихъ, отличающихся вообще болѣею понятливостію, чѣмъ предъидущіе классы животныхъ, и обнаруживающихъ не рѣдко изумительную смышленность.

Какъ въ великомъ разнообразіи этого языка, вспомнимъ только, какими различными способами выражаетъ, на примѣръ, собака свои ощущенія: радость и удовольствіе, боль и печаль. Какъ ясно можетъ она передать своему господину или другимъ собакамъ свои желанія или впечатлѣнія! Она даетъ знать, когда она голодна, или хочетъ пить, лаетъ и прыгаетъ съ радости, если можетъ идти со двора съ господиномъ, или сидитъ печально, понуривъ голову, если ее оставляютъ одну дома. Когда собака хочетъ идти на охоту, она зоветъ другую сопутствовать ей, подбѣгаетъ къ ней, лижетъ ей морду, скачетъ вокругъ нея, хватается за лапу и не отстаётъ до тѣхъ поръ, пока та наконецъ не согласится слѣдовать за нею. Если нѣсколько собакъ охотятся вмѣстѣ, то старшая изъ нихъ ложится въ борозду или канаву и лежитъ не шевелясь; другія между тѣмъ отыскиваютъ дичью, найдя зайца, кролика или даже дикую козу, извѣщаютъ объ этомъ своего товарища, лежащаго въ засадѣ; услышавъ ихъ лай, онъ приподнимаетъ медленно и осторожно свою голову, но кидается на добычу не прежде, какъ только тогда, когда его спутники пригнали ее близко къ нему. Стоитъ одной собакѣ завывать и всѣ находящіяся по сосѣдству начнутъ ей вторить; если одна изъ нихъ залаяла на нищаго, то другія отвѣчаютъ ей, даже не видя его; но никогда не слѣдаютъ онъ этого, если лай ея относится къ ея господину или другому животному.

— Въ одномъ домѣ находилось двѣ собаки; одна изъ нихъ была привязана на цѣпи, другая разгуливала на свободѣ. Если послѣдняя находилась въ довольно уда-

ленномъ отъ двора саду и цѣпная собака начинала лаять безъ всякой видимой причины, то она оставалась въ саду, не трогаясь съ мѣста; но какъ скоро на дворъ входилъ нищій или дурно одѣтый человѣкъ, походившій на нищаго, и цѣпная собака бросалась на него съ лаемъ, то маленькая начинала тотчасъ же лаять еще въ саду и прибѣгала на дворъ. Она никогда не ошибалась въ этомъ отношеніи и хозяинъ всегда узнавалъ по ея лаю съ достовѣрностію приходъ нищаго.

Не менѣе разнообразенъ языкъ лисицъ; Жессе (Jessè), тщательно изучившій его, говоритъ, что двутонный вой лисицы всегда выражаетъ печаль. Языкъ волковъ имѣетъ большое сходство съ лисьимъ и собачьимъ.

Интересный фактъ о способности выдръ объясняться между собою сообщаетъ Гунтъ, старшій смотритель звѣринца лондонскаго зоологическаго сада. Находившаяся тамъ выдра родила двухъ дѣтенышей; когда послѣдніе подросли, она взяла ихъ однажды съ собою въ прудъ. Вода въ этомъ прудѣ была до половины спущена и высокіе берега поднимались слишкомъ круто, такъ что дѣтеныши не могли взлѣсть на нихъ. Старая выдра нѣсколько разъ показывала имъ какъ нужно выйти на берегъ, но безуспѣшно; тогда она бросилась снова въ воду, приблизилась мордою къ уху одного изъ дѣтенышей, какъ будто для того, чтобы пошептать ему что-то, поплыла потомъ къ берегу и вытащила за собою дѣтеныша, который уцѣпился зубами за хвостъ матери. Точно такимъ же образомъ поступила она и со вторымъ дѣтенышемъ.

Извѣстный своими путешествіями естествоиспытатель

тель Дарвинъ утверждаетъ, что лошадь, если у ней чешется какое нибудь мѣсто тѣла, до котораго она не можетъ достать, кусаетъ въ то же мѣсто другую, давая ей этимъ знать, чтобы она также покусала ей соответствующую часть тѣла. Двѣ знакомыя лошади, не видя другъ друга, привѣтствуютъ одна другую ржаніемъ.

Овца узнаетъ по голосу своего ягненка изъ цѣлаго стада ягнятъ, и на оборотъ, ягненокъ свою мать. Кто имѣлъ случай присутствовать при стрижкѣ овецъ, еще кормящихъ молокомъ ягнятъ, тотъ вѣроятно замѣчалъ, съ какою точностію каждое изъ этихъ животныхъ умѣетъ отличать голосъ своего дѣтеныша, равно какъ и особенное бляніе матери, только что вышедшей изъ подъ ножницъ, и отвѣтный крикъ ягненка, въ то же мгновеніе бросающагося къ ней на встрѣчу, его изумленіе при видѣ ея измѣнившейся наружности и прыжки, которые онъ дѣлаетъ, услышавъ вторично знакомые ему звуки голоса. Подобно овцамъ, узнаетъ по голосу корова своего теленка, кошка и вообще большая часть животныхъ своихъ дѣтенышей.

Многія животныя, живущія стадами, выставляютъ во время пастбы часовыхъ. Пасущіяся серны ставятъ сторожевую серну на вершинѣ какой нибудь скалы, съ которой она удобно можетъ обозрѣвать мѣстность; почувявъ опасность, серна громко свиститъ въ носъ и стадо немедленно обращается въ бѣгство. *Байбаки* (родъ сурковъ) и *суслики*, во множествѣ водящіеся въ нашихъ южныхъ степяхъ, обыкновенно рѣзвятся въ ясную погоду вокругъ своихъ норъ; во время этихъ

игръ одинъ изъ нихъ, сидя на заднихъ лапахъ, сторожить другихъ и громкимъ свистомъ даетъ знать своимъ беззаботно играющимъ товарищамъ о приближеніи опасности. Въ луговыхъ степяхъ сѣверной Америки водится во множествѣ другой родъ сурка (*Arctomys ludovicianus*), прозванный сначала канадскими трапперами (*) «собачкою» — «*petit chien*», по сходству ихъ голоса съ лаемъ маленькой собаки. Изъ этого образовалась въ послѣдствіи названіе «луговая собака», оставшееся за ними до сихъ поръ. Животныя эти живутъ большими обществами, по нѣскольку вмѣстѣ, въ небольшихъ норкахъ, которыя можно узнать по холмикамъ, возвышающимся надъ ними. Мёлльгаузенъ, въ описаніи своего путешествія отъ Миссисипи къ берегамъ Южнаго океана, рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Колоніи этихъ животныхъ представляютъ очень замѣчательное зрѣлище, если только удастся подойти къ нимъ незамѣченнымъ часовыми. По всему огромному пространству, какое только можетъ охватить глазъ, господствуетъ дѣятельное движеніе; почти на каждомъ холмикѣ сидитъ на заднихъ лапкахъ по маленькому бураго цвѣта животному; поднятыя къ верху хвостики находятся въ непрерывномъ движеніи, а тысячи звонкихъ лающихъ голосовъ сливаются въ какое-то странное жужжаніе. Подойдя къ нимъ ближе, легко различить болѣе густые голоса старыхъ и опытныхъ членовъ колоніи; но едва зоркій глазъ часового

дѣятельномъ оя, шумомъ и (грозномъ гласѣ)

(*) Трапперами называются въ Америкѣ охотники за пушными звѣрями. оя : арон ланово гласномъ удаленіи оупен

завидѣлъ приближающагося челоуѣка, какъ въ Итоже мгновение, словно по мановенію волшебства, вся необъятная равнина пустѣеть. Только мѣстами выглядываютъ изъ отверстій норъ головки развѣдчиковъ, предохраняющихъ населеніе особаго рода вызывающимъ лаемъ отъ опаснаго сосѣдства челоуѣка. Если лечь въ эту пору на землю и, не шевелясь, терпѣливо выждать что будетъ, то вскорѣ покажется часовой и, занявъ свой постъ передъ отверстіемъ норы, извѣститъ лаемъ томъ, что опасность миновала. Вся равнина покрывается маленькими животными и снова начинаются ихъ безпечныя игры. Между тѣмъ старыя члены колоніи, отличающіеся отъ другихъ болѣе степенною наружностію, дѣлаютъ другъ другу визиты и, сидя одинъ подлѣ другого, лаютъ попеременно, какъ будто сообщая взаимно свои мысли и ощущенія. Безпрерывно перекликаясь между собою на своемъ языкѣ, они уходятъ вмѣстѣ на нѣсколько минутъ въ норку, потомъ снова вымѣзаютъ изъ нея и отправляются вдвоемъ къ болѣе отдаленному сосѣду, который встрѣчаетъ своихъ гостей съ такимъ же радушіемъ и принимаетъ участіе въ общей прогулкѣ. Переходя такимъ образомъ отъ одной группы къ другой и какъ бы привѣтствуя громкимъ лаемъ встрѣчныхъ, общество наконецъ разстается и каждый отправляется въ свое собственное жилище. Можно проводить не утомляясь цѣлыя часы въ наблюденіи этого непрерывно измѣняющагося зрѣлища, невольно возбуждающаго желаніе проникнуть въ тайны языка этихъ интересныхъ животныхъ и подслушать ихъ бесѣду.»

Можно бы привести еще безчисленное множество примѣровъ способности животныхъ взаимно сообщать другъ другу свои ощущенія. Но намъ кажется, что и тѣхъ немногихъ фактовъ, которые мы привели, вполне достаточно для убѣжденія въ существованіе языка животныхъ. Правда, что этотъ языкъ нельзя подчинить грамматическимъ правиламъ, но тѣмъ не менѣе онъ понятенъ для животныхъ и даже логиченъ, потому что основанъ на непреложныхъ законахъ природы. Человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи понимать его; это музыка въ жестахъ и звукахъ, которые, какъ бы немзыкальны они ни казались человѣческому слуху, всегда имѣютъ для каждаго родного уха животнаго опредѣленный и понятный смыслъ.

Языкъ животнаго есть простое, почти не зависящее отъ воли, выраженіе его чувствованій. Это, если такъ можно выразиться, — языкъ тѣла. Въ немъ нѣтъ условныхъ знаковъ созданныхъ словъ, какъ въ языкѣ человѣка; но естественныхъ звуковъ и жестовъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, вполне достаточно для выраженія радости и горя, любви и ненависти, и для сдѣланія животнаго, въ поставленныхъ ему предѣлахъ, столь же счастливымъ, какъ счастливъ человѣкъ на своемъ высокомъ мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ ряду земныхъ твореній. По этому языкъ животнаго можно считать *въ своемъ родѣ* такимъ же совершеннымъ, какъ и языкъ человѣка, такъ какъ онъ вполне удовлетворяетъ тому узкому кругу потребностей, которыми ограничивается жизнь животнаго.

КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВАЛЬТЕРЪ СКОТТА.

(ВЪ СОКРАЩЕНІИ)

(продолженіе).

THE

NO. 111

Being a collection of the most
 valuable and interesting
 papers and documents
 relating to the
 history and
 progress of the
 American
 Republic
 from its
 first
 settlement
 to the
 present
 time
 by
 J. B. [Name]
 New York
 1850

VIII.

ПОСОЛЪ.

Еслибъ сонливость принадлежала къ числу искушений, противъ которыхъ не легко могъ устоять Дорвардъ, то шумъ, огласившій казарму стрѣлковъ послѣ перваго колокола къ заутренѣ, навѣрно отогналъ бы отъ него малѣйшую склонность ко сну; но порядокъ, изстари заведенный въ башнѣ его отца, и монастырская жизнь въ эбербротинской обители, приучили Квентина вставать съ разсвѣтомъ. Онъ весело одѣлся, среди звука роговъ и бречанья оружія, возвѣщавшихъ о смѣнѣ съ часовъ бдительной стражи. Нѣкоторые воины возвращались въ свою казарму, послѣ ночныхъ часовъ, другіе собирались къ дневной службѣ, наконецъ третьи, въ числѣ которыхъ былъ и Рубецъ, вооружались для немедленнаго присутствіанія при особѣ короля Людовика. Квентинъ Дорвардъ, съ чувствами, свойственными молодому человѣку его лѣтъ въ такихъ случаяхъ, вскорѣ надѣлъ великолѣпный костюмъ и оружіе, принадлежавшія его новому званію; дядя, смотрѣвшій съ большимъ вниманіемъ за нарядомъ своего племянника, чтобъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ въ полной исправности, не скрылъ своего удовольствія, видя, какъ много при этомъ случаѣ выиграла наружность его молодого родственника. — Если ты покажешь себя такимъ же вѣрнымъ и храбрымъ, какъ ты хорошъ со-

бою, то у меня будетъ лучшей оруженосецъ изъ всей стражи тѣлохранителей, — а это не можетъ не принести чести фамиліи твоей матери. Ступай за мной въ пріемную залу, да смотри, держись ближе къ моему плечу.

Сказавъ это, онъ взялъ бердышъ, огромный, увѣсистый, богато украшенный насѣчкою, и, велѣвъ своему племяннику взять оружіе такого же рода, только полегче, повелъ Квентина на внутренній дворъ дворца, гдѣ товарищи ихъ, назначенные для занятія постовъ во внутреннихъ покояхъ, были уже выстроены и подъ оружіемъ: оруженосцы помѣщались за своими господами и такимъ образомъ составляли вторую шеренгу. Тамъ же были въ готовности слуги и псары, державшіе отличныхъ коней и благородныхъ охотничьихъ собакъ, на которыхъ Квентинъ смотрѣлъ съ любопытствомъ и восторгомъ, такъ что дядя не разъ вынужденъ былъ напоминать ему, что эти животныя предназначались не для его удовольствія, а для самого короля, страстно любившаго охоту и горячо предававшаяся ей наравнѣ съ немногими другими своими наклонностями, даже и тогда, когда она нѣсколько мѣшала ходу его политики. Онъ прибавилъ, что король былъ такимъ строгимъ покровителемъ дичи въ королевскихъ лѣсахъ, что вообще говорили, будто тамъ можно съ большею безнаказанностью убить человѣка, нежели оленя.

По данному знаку, тѣлохранители тронулись съ мѣста по командѣ Рубца, исправлявшаго теперь должность офицера. Послѣ нѣсколькихъ мелочныхъ прово-

лочекъ, зависѣвшихъ отъ пароля и условленнаго знака и показывавшихъ крайнюю недовѣрчивую точность, съ которою стрѣлки должны были исполнять свою обязанность, они вступили въ аудіенцъ-залу, куда ожидали немедленнаго прихода короля.

Какъ ни новы были для Квентина торжественныя сцены, но то, что теперь представилось его взорамъ, разочаровало его въ составленныхъ имъ заранѣе понятіяхъ о блескѣ королевскаго двора. Правда, тамъ были придворные чиновники въ богатыхъ платьяхъ, были также щегольски одѣтые тѣлохранители и слуги разныхъ разрядовъ, но за то Дорвардъ не видѣлъ никого изъ старыхъ государственныхъ совѣтниковъ, никого изъ высокихъ коронныхъ сановниковъ; не слышалъ именъ, громко звучавшихъ въ тѣ рыцарскія времена; въ залѣ не было ни полководцевъ, которые, пользуясь полными силами зрѣлыхъ лѣтъ, составляли оплотъ Франціи, ни юныхъ и пылкихъ дворянъ, свѣжихъ искателей славы, которыми могло бы гордиться отечество. Всегдашняя недовѣрчивость, обычная скрытность и подозрительность, глубокая и хитрая политика короля — все это удалило отъ его трона блестящую свиту, которая призывалась только въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ случаяхъ, когда она неохотно стекалась окружать особу короля Людовика и весело возвращалась домой, по минованіи надобности.

Съ лордомъ Крауфордомъ, также бывшимъ въ залѣ, одѣтымъ въ великолѣпный костюмъ и державшимъ въ рукѣ серебряный жезль вождя, Квентинъ, равно какъ и читатель, успѣлъ уже познакомиться. Въ числѣ

лицъ, показавшихся ему знатнѣе прочихъ, былъ графъ де-Дюнуа, сынъ того знаменитаго Дюнуа, который, сражаясь подъ знаменемъ Жанны д'Аркъ, игралъ такую достославную роль при освобожденіи Франціи отъ англійскаго ига. Сынъ вполне поддержалъ высокую знаменитость отца. Не смотря на побочное родство свое съ королевской фамиліей и наслѣдственную любовь дворянства и народа, Дюнуа во всѣхъ обстоятельствахъ жизни обнаружилъ столько открытаго и прямодушнаго благородства и вѣрности, что, повидимому, избѣжалъ всякихъ подозрѣній, даже со стороны недовѣрчиваго Людовика XI, любившаго видѣть его при себѣ и даже иногда призывавшаго его на совѣщаніе. Хотя Дюнуа считался вполне искуснымъ во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ и обладалъ многими качествами, которыя въ то время составляли совершеннаго рыцаря, но наружность графа далеко не представляла собою образца красоты романической. Ростъ его былъ ниже средняго, хотя сложеніе и отличалось крѣпостью, а ноги выгнуты наружу, что было весьма удобно для всадника, но за то не могло красить его, когда онъ спѣшивался. Плечи Дюнуа были широки, волосы черны, лицо смугло, а руки замѣчательно длинны и жилисты. Черты лица его были не только неправильны, но даже дурны; и со всѣмъ тѣмъ, графъ Дюнуа имѣлъ видъ челоуѣка, убѣжденнаго въ своемъ личномъ достоинствѣ и благородствѣ, которыя съ перваго взгляда выказывали въ немъ характеръ знатнаго вельможи и неустрашимаго воина. Станъ его былъ смѣлъ и прямъ, походка мужественна и непринуж-

денна; суровость фізіономіи облагороживалась взглядомъ, быстрымъ какъ у орла, а нахмуренное, грозное чело внушало невольное почтеніе.

Онъ былъ одѣтъ въ охотничье платье, скорѣе пышное, нежели щеголеватое, и почти всегда исправлялъ должность великаго егермейстера, хотя, если не ошибаемся, и не былъ облеченъ этимъ саномъ.

Объ руку съ Дюнуа, подвигаясь впередъ медленными, грустными шагами и какъ будто ища опоры въ своемъ родственникѣ и защитникѣ, шелъ Людовикъ, герцогъ Орлеанскій, первый принцъ королевской крови (въ послѣдствіи король, Людовикъ XII), которому стражи и всѣ бывшіе въ замѣ отдали должныя его сану почести. Принцъ этотъ, за которымъ особенно наблюдалъ недоувѣрчивый Людовикъ, и который, въ случаѣ кончины дофина, былъ бы наслѣдникомъ престола, не имѣлъ позволенія отлучаться отъ двора, а живя при дворѣ, не занималъ никакихъ должностей и не пользовался почетомъ. Уныніе, запечатлѣнное во всѣхъ приемахъ этого несчастнаго принца въ его униженномъ, почти узническомъ положеніи, усиливалось въ это время убѣжденіемъ, что король замышляетъ относительно его одно изъ самыхъ жестокихъ и несправедливыхъ дѣйствій, на которыя только способно тиранство: хочетъ принудить его къ женитьбѣ на принцессѣ Жаннѣ Французской, младшей своей дочери. Рука злополучнаго принца была ей предназначена еще съ младенчества; но безобразіе Жанны дѣлало подобное настаиваніе непростительно жестокимъ.

Наружность Людовика Орлеанскаго не отличалась

преимуществами ни въ какомъ отношеніи: онъ былъ привѣтливъ, кротокъ и расположенъ къ благотворительности — эти качества проявлялись на лицѣ его даже сквозь оболочку крайняго унынія, которымъ природный характеръ его былъ омраченъ въ то время. Квентинъ замѣтилъ, что герцогъ тщательно старался даже не смотрѣть на королевскихъ тѣлохранителей и отвѣчалъ на ихъ воинское привѣтствіе съ опущеннымъ взоромъ, какъ будто опасаясь, чтобъ король не перетолковалъ этой обыкновенной учтивости, и не вообразилъ, что она происходитъ изъ желанія принца произвести въ войнахъ личную къ себѣ привязанность.

Совсѣмъ не таково было поведеніе гордаго кардинала и прелата Жана де-Балю, въ то время любимаго министра короля. Людовикъ возвелъ его изъ самаго низкаго званія въ достоинство великаго милостынераздавателя Франціи, надавалъ ему духовныхъ помѣстій и выхлопоталъ для своего любимца кардинальскую шляпу. Хотя король былъ очень остороженъ и не удостоивалъ честолюбиваго Балю неограниченнаго могущества и довѣренности, однако онъ допустилъ его до такого вліянія надъ собою, какого не имѣлъ никто изъ его приближенныхъ и совѣтниковъ. Въ слѣдствіе этого, кардиналъ ослѣпленный, безъ сомнѣнія, быстротою своего возвышенія, былъ убѣжденъ, что способностей его достаточно для дѣлъ какого бы то ни было рода, даже для такихъ, которыя наиболѣе были чужды его званію и свѣдѣніямъ. Проносясь въ своей малиновой одеждѣ и богатой рясѣ по благородному чертогу, онъ часто пріостанавливался, чтобъ взглянуть

на оружіе и принадлежности стоявшихъ на часахъ воиновъ, дѣлалъ имъ по нѣскольку вопросовъ повелительнымъ тономъ и даже взялъ на себя право выговаривать нѣкоторымъ за то, что онъ называлъ неправильностями дисциплины, въ такихъ выраженіяхъ, на которыя эти опытные воины не смѣли возражать, хотя и ясно было, что они слушали слова прелата съ неудовольствіемъ и презрѣніемъ.

— Знаетъ ли король, сказалъ Дюнуа кардиналу: — что бургундскій посолъ настоятельно требуетъ аудіенціи?

— Знаетъ, отвѣчалъ кардиналъ: — а вотъ, если не ошибаюсь, идетъ всевѣдущій Оливье Лань (*), который извѣститъ насъ о соизволеніи короля.

Пока онъ говорилъ, изъ внутреннихъ покоевъ показалось замѣчательное лицо, раздѣлявшее тогда благосклонность Людовика XI вмѣстѣ съ самимъ гордымъ кардиналомъ, но вовсе неимѣвшее важной и надменной осанки прелата. Напротивъ, это былъ маленькій, худенькій, блѣдный человѣчекъ, котораго черный камзолъ и исподнее платье изъ шелковой матеріи, безъ верхней одежды, плаща или полукафтанья, составляли нарядъ вовсе неклонившійся къ тому, чтобы придать что нибудь значительное самой обыкновенной наруж-

(*) Имя или прозвище Оливье было *Le diable* — Чортъ, данное ему всеобщою ненавистью въ замѣну настоящаго *Le Daïm* или *Le Daïn* — Лань. Онъ былъ первоначально королевскимъ цирюльникомъ, а послѣ сдѣлался его любимымъ совѣтникомъ.

ности. Онъ несъ въ рукѣ серебряный тазъ; полотенце, накинутое на другую руку, означало его низкое званіе. Взоры его были быстры и пронизательны, хотя онъ и старался согнать съ своей физиономіи такое выраженіе, безпрестанно потупля ихъ; онъ ходилъ украдкою и тихими шагами кошки, такъ что онъ скорѣе скользилъ, нежели шелъ черезъ залу. Хотя скромность и легко можетъ затмить достоинство, за то она не въ силахъ скрыть придворныхъ, пользующихся милостями государя: всѣ попытки прокрасться черезъ аудіенцъ-залу незамѣченнымъ были напрасны со стороны чело-вѣка, пользовавшагося такою властію надъ королевскимъ ухомъ, до какой достигъ знаменитый цирюль-никъ и каммердинеръ Оливье Ланъ, иногда называемый Оливье Гадкимъ, а иногда Оливье Чортомъ — эпитеты, выводимые изъ неразборчиваго коварства, съ которыми онъ содѣйствовалъ исполненію замысловъ извилистой политики своего государя. Теперь онъ подошелъ къ графу де-Дюнуа и серьезно говорилъ съ нимъ въ продолженіе нѣсколькихъ мгновений; послѣ этого Дюнуа немедленно вышелъ изъ залы, а боро-добрей скользнулъ назадъ къ покоямъ короля, и каждый давалъ ему дорогу. На эти учтивости онъ только отвѣ-чалъ смиреннѣйшимъ наклоненіемъ всего тѣла; одного или двухъ изъ присутствующихъ онъ сдѣлалъ пред-метами зависти остальныхъ придворныхъ, шепнувъ имъ на ухо по одному слову; Людовикъ Лесли былъ въ числѣ осчастливленныхъ словечкомъ Оливье, который его увѣрилъ, что дѣло его благополучно кончено.

Рубецъ получилъ и другое доказательство справе-

дливости этой пріятной новости, потому что старинный знакомец Квентина, Тристанъ Пустынникъ, уголовный судья королевскаго домоправительства, вошелъ въ залу и прямо направился къ тому мѣсту, на которомъ находился постъ Людовика Лесли. Тристанъ изъяснилъ сожалѣніе о случившейся вчерашнимъ утромъ ошибкѣ и замѣтилъ, что причиною ея было то обстоятельство, что племянникъ съѣра Рубца не былъ одѣтъ въ костюмъ, присвоенный стрѣлкамъ, и не объявилъ, что принадлежитъ къ числу тѣлохранителей, отчего судья и впалъ въ заблужденіе, которое просить извинить ему.

Лесли далъ приличный отвѣтъ, и лишь только Тристанъ отвернулся, замѣтилъ своему племяннику, что теперь они пользуются тѣмъ только отличіемъ, что нажили себѣ отнынѣ смертельнаго врага въ лицѣ этого сановника.

Между тѣмъ, Оливье, обрыскавъ комнату украдкою, какъ мы старались описать, снова вошелъ во внутренній покой, двери котораго вскорѣ отворились настежь и король явился въ пріемной залѣ.

Квентинъ, подобно всѣмъ тутъ бывшимъ, обратилъ на него глаза, — и вздрогнулъ такъ внезапно, что чуть не уронилъ своего оружія, узнавъ во французскомъ королѣ того самого купца, мэтра Пьерра, котораго утреннюю прогулку онъ раздѣлялъ наканунѣ. Странныя подозрѣнія относительно настоящаго званія этого человѣка уже нѣсколько разъ мелькали въ умѣ Дорварда; но доказанная теперь существенность переходила за предѣлы самыхъ дикихъ догадокъ.

Суровый взгляд дяди, оскорбленнаго такимъ нарушеніемъ воинскихъ приличій, образумилъ его: но каково было его удивленіе, когда король, котораго быстрый глазъ сразу его замѣтилъ, пошелъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ Квентинъ стоялъ на часахъ, и, не обращая вниманія ни на кого, сказалъ: — И такъ, молодой человѣкъ, я слышалъ, ты набуянилъ для перваго прибытія своего въ Турень; но я прощаю тебя, потому что всему былъ виноватъ одинъ безтолковый старикъ, купецъ, вообразившій себѣ, что твоя шотландская кровь имѣла нужду въ разгоряченіи бонскимъ виномъ. Если я отъищу его, то поступлю съ нимъ примѣрно, въ предостереженіе людямъ, развращающимъ моихъ тѣлохранителей. Рубецъ! прибавилъ онъ, обратясь къ Лесли: — твой родственникъ славный юноша, хотъ и горячъ. Мы любимъ поощрять такой духъ и намѣрены сдѣлать больше, нежели когда нибудь дѣлали для окружающихъ насъ храбрыхъ людей. Пусть запишутъ годъ, день, часъ и минуту рожденія твоего племянника и отдадутъ это Оливье Лани.

Рубецъ поклонился до земли и снова воинственно выпрямился, какъ человѣкъ, желавшій доказать на дѣлѣ готовность сражаться въ распрѣ короля и къ защитѣ его. Квентинъ въ то же время, опомнившись отъ перваго изумленія, внимательное рассмотрѣлъ наружность короля и удивился, замѣтивъ, что приемы и черты Людовика XI представились ему теперь совсѣмъ не такими, какими были тогда, когда онъ увидѣлъ его въ первый разъ.

Наружность короля измѣнилась съ тѣхъ поръ весьма

немного, потому что на Людовикѣ, всегда презиравшемъ наружную пышность, было теперь старое темно-синее охотничье платье, немногимъ лучше простого мѣщанскаго наряда, который былъ на немъ вчера; это платье украшалось только огромными четками изъ чернаго дерева, присланными королю въ подарокъ отъ особы неменьшей важности, отъ самого турецкаго султана, увѣрявшаго, что ихъ употреблялъ коптскій отшельникъ на Ливанской горѣ, челоуѣкъ дознанной святости. Въмѣсто шапки съ однимъ образкомъ, на немъ была теперь шляпа, обвязанная лентою, которая украшалась по крайней мѣрѣ дюжиною маленькихъ изображеній святыхъ, вычеканенныхъ на свинцѣ. Но глаза, въ которыхъ, по первому впечатлѣнiю, Квентинъ видѣлъ только алчность къ золоту, теперь, когда онъ узналъ, что они принадлежатъ умному и могущественному государю, казались ему исполненными проницательности и величiя; морщины на челѣ его, которыя, по тогдашнему мнѣнiю Квентина, образовались отъ длиннаго ряда мелочныхъ торговыхъ расчетовъ, казались ему теперь бороздами, проведенными мудростью, трудами и размышленiями о судьбѣ народовъ.

Тотчасъ же послѣ появленiя короля, въ залу вошли принцессы крови съ дамами ихъ свиты. Старшая изъ нихъ, въ послѣдствiи вышедшая за Пьера Бурбона и извѣстная во французской исторiи подъ именемъ мадамъ де-Божё, мало касается нашей повѣсти. Она была высокаго роста и даже хороша собою, обладала краснорѣчiемъ, дарованiями и большимъ благоразумiемъ, въ чемъ много сходствовала съ своимъ отцомъ,

весьма довѣрившимъ ей и любившимъ ее столько, сколько онъ былъ способенъ любить кого нибудь.

Младшая принцесса, несчастная Жанна, нареченная невѣста герцога орлеанскаго, робко шла подлѣ своей сестры, въ полномъ сознаніи совершеннаго недостатка наружныхъ качествъ. Она была блѣдна, худшава, болѣзненнаго сложенія; станъ ея видимо склонялся на одну сторону, а походка была такъ неровна, что ее можно было счесть хромою. Прекрасные зубы и глаза, выражавшіе грустную кротость и покорность, и густыя свѣтлокаштановыя кудри — вотъ все, что составляло пріятную противоположность съ общимъ безобразіемъ лица и стана принцессы. Для довершенія картины, легко было замѣтить, по небрежности наряда ея и робости пріемовъ, что она горестно сознавалась въ уродливости своей наружности и даже не осмѣливалась рѣшиться ни на какую попытку исправить искусствомъ или граціозностью движеній то, чѣмъ природа ее обидѣла, или стараться нравиться какимъ бы то ни было образомъ. Король, нелюбившій ея, поспѣшно подошелъ къ ней, лишь только она показалась. — Что это значитъ? сказалъ онъ: — наша пренебрегающая свѣтомъ дочь! для чего вы такъ нарядились, для охоты или для монастыря? Говорите, отвѣчайте!

— Для чего вашему величеству будетъ угодно, отвѣчала принцесса едва слышнымъ голосомъ.

— Конечно, вы, безъ сомнѣнія, захотите увѣрить меня, что желаете оставить дворъ и отказаться отъ свѣта и его суетностей... Послушай, ужели ты могла

подумать, что мы, первенецъ святой церкви, отказали бы небу въ нашей дочери? Сохрани насъ Владычица и св. Мартинъ, чтобъ мы не рѣшились на такое приношеніе, еслибъ оно было достойно алтаря и еслибъ призваніе твое было дѣйствительно таково!

Сказавъ это, король набожно перекрестился.

— И онъ осмѣливается лицемѣрить передъ небомъ! подумалъ Дорвардъ: — онъ шутить съ Богомъ и святыми также свободно, какъ съ людьми, которые не дерзаютъ разбирать его натуру слишкомъ близко!

Между тѣмъ, Людовикъ, послѣ минутнаго благочестиваго размышленія, продолжалъ: — Нѣтъ, милая дочь, я и еще одинъ человекъ знаемъ лучше твое настоящее предназначеніе... А! любезный орлеанскій братецъ? не такъ ли? Подите сюда, мой другъ, и ведите нареченную нашу весталку къ ея лошади.

Герцогъ орлеанскій вздрогнулъ и поспѣшилъ повиноваться королю, но съ такимъ смущеніемъ, съ такою торопливостью, что Людовикъ закричалъ: — Стойте, братецъ, обуздайте свою любезность; смотрите, что вы дѣлаете. Вы чуть не взяли руки Анны вмѣсто руки ея сестры... Что жъ, сударь, развѣ я самъ долженъ подвести къ вамъ Жанну?

Несчастный принцъ взглянулъ вверхъ и затрепеталъ какъ дитя, которое заставляютъ дотрогиваться до чего нибудь внушающаго ему инстинктивное отвращеніе; потомъ, преодолѣвъ себя, онъ взялъ руку принцессы, которую та ни подавала, ни удерживала. Когда холодные и влажные пальцы ея были въ трепещущей рукѣ его, и оба они стояли съ потупленными взорами,

— трудно было рѣшить, кто изъ двухъ былъ достоинъ большаго сожалѣнія.

— Теперь на коней, господа и дамы! мы сами поведемъ нашу дочь де-Божё, сказалъ король: — да благословятъ нашу утреннюю забаву Богъ и св. Губертъ!

— Я боюсь, что мнѣ придется прервать ее, государь, сказалъ графъ де-Дюнуа. — Бургундскій посоль у воротъ замка и требуетъ аудіенціи.

— Требуется аудіенціи? возразилъ король. — Развѣ вы не отвѣчали ему, когда я послалъ вамъ приказаніе съ Оливье, что намъ сегодня не время принять его; завтра будетъ праздникъ св. Мартина, котораго, если небу будетъ угодно, мы не намѣрены нарушать никакими земными помыслами; слѣдующій день мы предназначали, чтобъ ѣхать въ Амбуазъ, — но мы не замедлимъ дать ему послѣ нашего возвращенія самую скорую аудіенцію, какая только будетъ возможна при нашихъ нетерпящихъ отлагательства дѣлахъ...

— Все это я высказалъ, отвѣчалъ Дюнуа: — но, государь...

— *Pasques dieu*, любезный! что же у тебя засѣло въ горлѣ? Требованіе этого Бургундца, должно быть, круто варится въ желудкѣ.

— Еслибъ долгъ мой, приказанія вашего величества и званіе его, какъ посла, не удержали меня, сказалъ Дюнуа: — онъ попробовалъ бы переварить ихъ въ своемъ собственномъ желудкѣ, потому что, клянусь нашею орлеанскою Богородицей! я лучше желалъ бы заставить его сѣсть его собственныя слова, нежели передать ихъ вашему величеству.

— Ради моего тѣла, Дюнуа! странно, что ты, одинъ изъ самыхъ нетерпѣливыхъ людей въ свѣтѣ, имѣешь такъ мало сочувствія къ подобнаго рода болѣзни въ нашемъ горячемъ и запальчивомъ родственникѣ, Карлѣ-Бургундскомъ. Что жь, любезный! я думаю о его бурливыхъ посланіяхъ не болѣе того, какъ башни этого замка тревожатся свистомъ сѣверо-восточнаго вѣтра, дующаго изъ Фландріи.

— Знайте же, государь, возразилъ Дюнуа: — что графъ де-Крэвкеръ тамъ у воротъ съ своею свитою и трубачами; онъ говоритъ, что такъ какъ ваше величество отказываете ему въ аудіенціи, которой властелинъ его приказалъ ему требовать по дѣламъ величайшей важности, то онъ останется тамъ до полуночи и не пропуститъ случая говорить съ вашимъ величествомъ въ какой бы часъ вамъ ни было угодно выѣхать или выйти изъ замка, по дѣламъ ли, для развлечения ли, или для богомолья. Онъ увѣряетъ, что ничто, кромѣ открытой силы, не принудитъ его отказаться отъ этого непреклоннаго намѣренія.

— Онъ дуракъ! сказалъ король спокойно. — Неужели онъ воображаетъ, что человѣку разсудительному покажется покаянiемъ спокойно просидѣть сутки въ стѣнахъ замка, когда у него есть для развлечения дѣла, касающіяся цѣлаго государства? Эти нетерпѣливые безумцы думаютъ, что всѣ люди, подобно имъ, несчастны, когда они не въ сѣдлѣ и не въ стремени. Пусть запрутъ собакъ и хорошенько за ними смотрятъ, любезный Дюнуа: мы сегодня, вмѣсто охоты, будемъ держать совѣтъ.

— Государь, отвѣчалъ Дюнуа: — вы этимъ не отдѣляетесь отъ Крѣвкера: приказанія его властелина таковы, что если онъ не получитъ требуемой аудіенціи, то долженъ пригвоздить свою перчатку къ палисадамъ замка, въ знакъ смертельной вражды со стороны его повелителя; долженъ отвергнуть зависимость герцога бургундскаго отъ Франціи и объявить немедленно войну.

— Право? сказала Людовикъ, безъ малѣйшаго замѣтнаго измѣненія въ голосѣ, но нахмурившись такъ, что черные, пронзительные глаза его сдѣлались почти незамѣтны изъ подъ нависшихъ, косматыхъ бровей: — неужели нашъ старинный вассаль въдругъ сдѣлался повелителемъ — нашъ любезный родственникъ поступаетъ съ нами такъ неласково?... Ну, въ такомъ случаѣ, Дюнуа, намъ прійдется развернуть *орифламмю!*

— Разумѣется, и аминь, въ счастливѣйшій часъ! воскликнулъ воинственный Дюнуа. Часовые въ залѣ, будучи не въ силахъ противиться увлеченію этой минуты, шевельнулись на своихъ мѣстахъ, такъ что произвели тихое, но замѣтное бречаніе оружіемъ. Король гордо оглянулся.

Но минутная горячность тотчасъ же уступила мѣсто множеству политическихъ причинъ, которыя, при сцѣпленіи тогдашнихъ обстоятельствъ, дѣлали явный разрывъ съ Бургундіей особенно пагубнымъ для Франціи. Въ Англіи царствовалъ въ то время Эдуардъ IV, храбрый и побѣдоносный государь, лично сражавшійся въ тридцати битвахъ. Онъ былъ роднымъ братомъ

герцогини бургундской, и потому легко было предполагать, что онъ ждалъ только разрыва между близкимъ своимъ родственникомъ и Людовикомъ XI, чтобъ внести во Францію, черезъ вѣчно отверстыя врата Кале, то самое оружіе, которое торжествовало въ междоусобныхъ войнахъ Англіи, и изгладить изъ памяти воспоминанія о внутреннихъ раздорахъ дѣломъ, безцѣннымъ въ глазахъ Англичанъ — вторженіемъ во Францію. Къ этому обстоятельству присовокупились другія важныя соображенія, такъ что, когда, послѣ продолжительнаго молчанія, Людовикъ заговорилъ снова, то хоть и не перемѣнилъ тона, однако имѣлъ уже другія намѣренія. — Оборони Богъ, сказалъ онъ: — чтобъ мы, христіаннѣйшій король, подали поводъ къ пролитію христіанской крови, если насъ не принудитъ къ тому необходимость и если подобнаго бѣдствія нельзя будетъ отворатить иначе, какъ цѣною чести. Мы ставимъ благо своихъ подданныхъ выше безпокойства, которое можетъ причинить нашему собственному достоинству грубое дыханіе неуча посланника, который, можетъ быть, и переступилъ за предѣлы даннаго ему порученія. — Допустить въ наше присутствіе бургундскаго посла!

— Блаженны милостивые, сказалъ кардиналъ Балю.

— Правда, и вашему высокопреосвященству должно быть извѣстно, что смиряющійся вознесется, присовокупилъ король.

Кардиналъ сказалъ «аминь», которому немногіе сочувствовали, потому что даже блѣдныя щеки Орле-

анскаго зардѣлись отъ стыда, а Рубецъ такъ мало могъ совладѣть съ своими чувствами, что тяжело опустилъ на полъ древко бердыша, — движеніе нетерпѣливости, за которое получилъ горькій выговоръ отъ кардинала, давшаго ему поученіе, какъ должно держать оружіе въ присутствіи государя. Самъ король, казалось, былъ необыкновенно смущенъ водворившимся окрестъ его молчаніемъ. — Ты задумался, Дюнуа, сказалъ онъ: — ты не одобряешь нашей уступчивости этому заносчивому послу?

— Нисколько, государь; я не вмѣшиваюсь въ дѣла, некасающіяся моей сферы. Я думалъ только о томъ, чтобъ просить у вашего величества одной милости...

— Милости, Дюнуа?... какой же это? — Ты рѣдкій проситель и можешь полагаться на нашу благосклонность.

— Въ такомъ случаѣ, я хотѣлъ просить ваше величество послать меня въ Эвре, чтобъ привести въ порядокъ духовенство, сказалъ Дюнуа съ своею воинскою откровенностью.

— Это было бы дѣйствительно внѣ твоей сферы, возразилъ улыбаясь король.

— Я бы такъ же хорошо сѣумѣлъ справиться съ монахами, какъ его высокопреосвященство, епископъ эврескій, или господинъ кардиналъ, если этотъ титулъ ему больше нравится, можетъ учить воиновъ гвардіи вашего величества ихъ дѣлу.

Король снова уллубнулъ таинственнѣе прежняго и шепнулъ Дюнуа: — Ахъ, Дюнуа! Римъ, Римъ навя-

зываетъ намъ этихъ кардиналовъ и другія тяжести намъ на плечи... Но потерпи, братъ; будемъ тасовать карты, пока не добьемся хорошей сдачи.

Звукъ трубъ на дворъ возвѣстилъ о прибытіи бур-гундскаго вельможи. Всѣ поспѣшили занять свои мѣста въ аудіенцъ-залѣ, по порядку старшинства, а король остался съ своими дочерьми въ центрѣ собранія.

Графъ де-Крѣвкеръ, знаменитый и неустрашимый воинъ, вошелъ въ залу; въ противоположность обычаю пословъ дружественныхъ державъ, онъ явился въ полномъ вооруженіи, но только съ открытою головою, въ великолѣпныхъ миланскихъ латахъ, кованныхъ изъ стали, выложенныхъ и насѣченныхъ золотомъ, и сдѣланныхъ въ фантастическомъ вкусѣ, извѣстномъ подь названіемъ «arabesque». На шеѣ и сверхъ блестящей брони его висѣлъ орденъ золотого руна, одного изъ почетнѣйшихъ рыцарскихъ сообществъ, извѣстныхъ тогда христіанскому міру. Красивый пажъ несъ за нимъ шлемъ, а герольдъ шелъ впереди съ вѣрительными грамотами, которыя и поднесъ королю, преклонивъ передъ нимъ одно колѣно. Самъ посоль пріостановился среди залы, какъ будто для того, чтобъ дать всѣмъ присутствующимъ время разсмотрѣть себя и подивиться его гордому взгляду, повелительному стану и неустрашимому спокойствію осанки и пріемовъ. Остальные изъ его свиты дожидались въ передней или на дворѣ.

— Приблизьтесь, господинъ графъ де-Крѣвкеръ, сказалъ Людовикъ, взглянувъ на его грамоты. — Намъ не нужно вѣрительныхъ писемъ нашего род-

ственника ни для того, чтобъ представить намъ война, столь извѣстнаго, ни для того, чтобъ увѣрить насъ въ заслуженной вами довѣренности вашего властелина. Надѣмся, ваша любезная супруга, раздѣляющая отчасти кровь нашихъ предковъ, въ добромъ здоровьѣ. Еслибъ вы вели ее теперь за руку, господинъ графъ, мы могли бы подумать, что вы въ теперешнемъ случаѣ надѣли полное вооруженіе въ намѣреніи утверждать превосходство ея красоты противъ всего рыцарства Франціи. Но при настоящихъ обстоятельствахъ, не могу придумать, что значить эта броня, въ которую вы облеклись такъ грозно?

— Государь, возразилъ посоль: — графъ де-Крэвкеръ вынужденъ сожалѣть о своемъ несчастіи и просить прощенія, что въ этотъ разъ не можетъ отвѣчать съ покорною почтительностью, соотвѣтствующею той царственной благосклонности, которою вашему величеству угодно было почтить его. Хотя теперь говорить только Филиппъ Крэвкеръ де-Корде, но произносимыя имъ слова должны быть признаны рѣчью его милостиваго властелина и государя, герцога бургундскаго.

— А что имѣеть сказать намъ графъ де-Крэвкеръ словами Бургундіи? возразилъ Людовикъ, принявъ на себя видъ царскаго достоинства... — Однако стойте; вспомните, что Филиппъ Крэвкеръ де-Корде говоритъ теперь съ государемъ своего повелителя.

Крэвкеръ поклонился и потомъ громко произнесъ: — Король французскій! могущественный герцогъ бургундскій еще разъ посылаетъ вамъ письменное исчисле-

ніе обидъ и притѣсненій, свершенныхъ гарнизонами и чиновниками вашего величества на его границахъ. Первый вопросъ заключается въ томъ, намѣрены ли ваше величество оказать ему должное удовлетвореніе?

Король, бѣгло взглянувъ на документъ, поданный ему преклонившимъ одно колѣно герольдомъ, сказалъ: — Дѣла эти давно уже рассматриваются нашимъ совѣтомъ. Изъ притѣсненій, на которыя здѣсь жалуются, нѣкоторыя произведены въ отплату за обиды, понесенныя моими подданными; иныя утверждаются безъ всякихъ доказательствъ; а другія были уже отмщены гарнизонами и войнами герцога. Если остаются какія нибудь, не входящія подъ эти разряды, мы, какъ христіанскій государь, не отказываемся отъ удовлетворенія за вредъ, дѣйствительно понесенный нашимъ соседомъ, хотя этотъ вредъ причиненъ былъ не только не съ нашего вѣдома, но даже въ противность строгимъ повелѣніямъ нашимъ.

— Отвѣтъ вашего величества будетъ переданъ моему милостивому повелителю. Между тѣмъ, осмѣлюсь сказать, что такъ какъ этотъ отвѣтъ нисколько не отличается отъ прежнихъ уклончивыхъ отвѣтовъ, которые до сихъ поръ посылались на наши справедливыя жалобы, то не могу надѣяться, чтобъ его было достаточно для возстановленія мира и дружбы между Франціей и Бургундіей.

— Какъ Богу будетъ угодно! возразилъ король. — Не страхъ оружія твоего властелина, но одно желаніе сохранить миръ заставляеть меня такъ умѣренно отвѣчать на эти обидныя обвиненія. Продолжай.

— Слѣдующее требованіе моего повелителя, сказалъ посоль: — состоитъ въ томъ, чтобъ ваше величество прекратили свои тайныя и скрытныя сношенія съ городами Гентомъ, Литтихомъ и Малиномъ. Онъ требуетъ, чтобъ ваше величество отозвали тайныхъ агентовъ, которые поджигаютъ неудовольствія добрыхъ гражданъ Фландріи; чтобъ ваше величество изгнали изъ своихъ владѣній, или скорѣе, выдали для заслуженнаго наказанія законному государю тѣхъ измѣнниковъ и бѣглецовъ, которые, убѣжавъ изъ мѣстъ, гдѣ хотѣли привести въ дѣйствіе свои злоумышленія, нашли себѣ слишкомъ готовое пристанище въ Парижѣ, Орлеанѣ, Турѣ и другихъ городахъ Франціи.

— Скажите герцогу бургундскому, возразилъ король: — что я не знаю ни о какихъ косвенныхъ дѣйствіяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ онъ меня обвиняетъ; что мои французскіе подданные имѣютъ частыя сношенія съ добрыми городами Фландріи; цѣль этихъ сношеній — взаимныя выгоды свободной торговли, которую прерывать было бы столько же противно пользамъ герцога, сколько моимъ собственнымъ; что многіе Фламандцы живутъ въ моемъ королевствѣ и пользуются въ немъ покровительствомъ моихъ законовъ для той же полезной цѣли, а не для измѣны и возмущенія противъ герцога, сколько намъ извѣстно... Но продолжайте исполнять свое порученіе — вы слышали отвѣтъ мой.

— Съ горестью, такъ же, какъ и прежде, государь, возразилъ графъ де-Крѣвкерь: — долженъ сказать, что отвѣтъ вашъ не имѣетъ той прямоты и яс-

ности, которыя могли бы быть приняты герцогомъ, моимъ повелителемъ, въ вознагражденіе за длинный рядъ тайныхъ казней, весьма достовѣрныхъ, хотя ваше величество отъ нихъ и отказывается... Но я долженъ продолжать. Герцогъ бургундскій требуетъ, потомъ, отъ французскаго короля, чтобъ онъ безъ дальнѣйшаго отлагательства и подъ надежнымъ прикрытіемъ ото-слалъ назадъ въ его владѣнія графиню Изабеллу де-Круай и родственницу ея, графиню Амелину той же фамиліи. Эта графиня Изабелла, будучи, по законамъ страны и феодальному состоянію своихъ владѣній, подъ опекою герцога бургундскаго, бѣжала изъ его владѣній и отъ заботливости, которою онъ, какъ попечительный опекунъ, хотѣлъ ее облагодѣтельствовать. Теперь она живетъ подъ тайнымъ покровительствомъ французскаго короля и укрѣпляется въ неблагонамѣренности къ герцогу, своему законному государю и опекуну, въ противность всѣмъ законамъ Божескимъ и человѣческимъ, которые когда либо бывали признаваемы въ просвѣщенной Европѣ... Умолкаю еще разъ, въ ожиданіи отвѣта вашего величества.

— Вы хорошо сдѣлали, графъ де-Крѣвкеръ, сказалъ презрительно Людовикъ: — что рано начали свое посольство; потому что, если вы предполагаете требовать у меня отчета въ побѣгѣ каждаго вассала, котораго необузданный гнѣвъ вашего повелителя изгоняетъ изъ его владѣній, то четки перебирались бы до солнечнаго заката. Кто можетъ подтвердить, что эти дамы въ моихъ владѣніяхъ? кто рѣшится сказать,

еслибъ онѣ и были дѣствительно здѣсь, что я или содѣйствовалъ ихъ побѣгу сюда, или принялъ ихъ, предложивъ имъ покровительство? Кто можетъ доказать, что мнѣ извѣстно мѣсто ихъ убѣжища, — если онѣ во Франціи?

— Государь, сказалъ Крѣвкеръ: — если вашему величеству угодно знать, у меня *былъ* свидѣтель на этотъ случай — человѣкъ, видѣвшій этихъ дамъ въ гостинницѣ, называемой «Лиліями», недалеко отъ этого замка, — человѣкъ, видѣвшій ваше величество въ ихъ обществѣ, хотя и переряженнаго въ костюмъ турскаго мѣщанина, — наконецъ, человѣкъ, который въ вашемъ королевскомъ присутствіи принялъ отъ нихъ письма и порученія къ друзьямъ ихъ во Фландрію: все это было имъ передано въ руки герцога бургундскаго и пересказано ему.

— Покажите его, сказалъ король: — представьте мнѣ человѣка, который осмѣлился бы подтвердить такую нелѣпую ложь!

— Вы говорите съ торжествомъ, государь, ибо вамъ хорошо извѣстно, что эта улика уже не существуетъ. Когда онъ былъ живъ, то назывался Заметомъ Магробиномъ, изъ племени цыганскихъ бродягъ. Вчера, какъ я узналъ, онъ былъ казненъ отрядомъ уголовного судьи вашего величества, вѣроятно за тѣмъ, чтобъ предупредить возможность его присутствія здѣсь для подтвержденія сказаннаго имъ герцогу бургундскому, при собраніи его совѣта и при мнѣ, Филиппѣ Крѣвкерѣ де-Корде.

— Клянусь амбренскою Богородицею! сказалъ ко-

роль: — эти обвиненія такъ грубы, и я чувствую свою совѣсть до такой степени свободною отъ всего, до нихъ касающагося, что скорѣе готовъ смѣяться надъ ними, нежели гнѣваться на нихъ. Стража моего судьи ежедневно, по обязанности своей, казнить воровъ и бродягъ. Прошу васъ объявить моему любезному братцу, что если онъ любитъ подобныхъ сотоварищей, то лучше сдѣлаеть, удержавъ ихъ въ своихъ собственныхъ владѣнiяхъ, потому что здѣсь они скорѣе всего встрѣтятъ короткую исповѣдь и крѣпкую веревку.

— Повелитель мой не нуждается въ подобныхъ подданныхъ, государь, отвѣчалъ графъ болѣе непочтительнымъ тономъ, нежели какой онъ до той поры позволялъ себѣ: — потому что благородный герцогъ не прибѣгаетъ ни къ ворожеямъ, ни къ скитающимся бродягамъ, ни къ комунибудь другому, чтобъ узнавать объ участи и судьбѣ своихъ сосѣдей и союзниковъ.

— У насъ было достаточно терпѣнiя и даже слишкомъ много, прервалъ его король. — Если все твое порученiе состоитъ въ томъ, чтобъ оскорблять насъ, то мы пошлемъ когонибудь отъ своего имени къ герцогу бургундскому — въ полномъ убѣжденiи, что, обращаясь къ намъ такъ, ты перешелъ за предѣлы своей обязанности, какова бы ни была она.

— Напротивъ, сказалъ Крѣвкеръ: — я еще не совершенно исполнилъ ее. — Внемлите, Людовикъ де-Валуа, король Францiи! внемлите, вельможи и дворяне, присутствующiе здѣсь! внемлите всѣ добрые и правди-

вые люди! А ты, Туазонъ д' Оръ, продолжалъ онъ обратясь къ герольду: — повтори это объявленіе за мною. Я, Филиппъ Крѣвкеръ де-Корде, имперскій графъ, рыцарь благороднаго и царственнаго ордена золотого руна, объявляю отъ имени моего могущественнѣйшаго повелителя и государя, Карла, Божіею милостью герцога бургундскаго и лотарингскаго, брабантскаго и лимбургскаго, люксамбургскаго и гельдернскаго, графа Фландріи и Артуа, графа палатина Гейно, Голландіи, Зеландіи, Намюра и Гютфена, маркиза священной имперіи, владѣтеля Фрисландіи, Салина и Малина, объявляю вамъ, Людовику, королю французскому, что, въ слѣдствіе отказа вашего удовлетворить за различныя жалобы, обиды и вредъ, причиненные и нанесенные вами, или вашимъ содѣйствіемъ, или посредствомъ вашей помощи, наставленія и указанія, противъ благороднаго герцога и его честныхъ подданныхъ, онъ, моими устами, отказывается отъ всякаго союза и зависимости въ отношеніи къ вашей коронѣ и достоинству, провозглашаетъ васъ лживымъ и безчестнымъ, и вызываетъ васъ на бой, какъ государя и человѣка. Вотъ мой залогъ, въ засвидѣтельствованіе всего, что я сказалъ теперь! — Съ этими словами, онъ снялъ съ правой руки желѣзную перчатку и бросилъ ее на полъ посреди залы.

До этой послѣдней степени дерзости, глубокое молчаніе царствовало въ залѣ; но лишь только брошенная перчатка брякнула о полъ, и звуку этому отозвался громкій голосъ бургундскаго герольда, Туазонъ д' Ора, воскликнувшего: «Да здравствуетъ Бургундія!»

возникъ всеобщій шумъ. Пока Дюнуа, старый лордъ Крауфордъ и еще человекъ два, уполномоченныхъ на такое вмѣшательство своимъ саномъ, спорили между собою кому поднять перчатку, другіе кричали: «Вонъ его! изрубить его въ куски! Онъ пришелъ сюда, чтобъ оскорблять французскаго короля въ собственномъ его дворцѣ!»

Но король утишилъ этотъ шумъ, воскликнувъ громовымъ голосомъ, передъ которымъ умолкли всѣ другіе звуки: — Молчать, господа! не налагайте рукъ на этого человекъ, не касайтесь ни однимъ пальцемъ его залога! — А вы, господинъ графъ, изъ чего составлена ваша жизнь или чѣмъ она застрахована, что вы ставите ее на такую гибельную ставку? Или вашъ герцогъ созданъ не изъ того же металла, какъ другіе государи, если онъ объявляетъ свою вражду такимъ необычайнымъ образомъ?

— Онъ дѣйствительно созданъ изъ другого и благороднѣйшаго металла, нежели всѣ другіе европейскіе государи, отвѣчалъ неустрашимый графъ де-Крэвкеръ: — когда никто изъ нихъ не осмѣлился дать убѣжище вамъ — вамъ, говорю я, король Людовикъ, — когда вы были еще только дофиномъ, изгнанникомъ изъ Франціи, преслѣдуемымъ всю горечью негодованія вашего отца, всѣмъ могуществомъ его королевства, васъ принялъ и защитилъ, какъ брата, мой благородный повелитель, котораго великодушію вы такъ дурно отплатили. — Прощайте, государь! порученіе мое исполнено.

Сказавъ это, графъ де-Крэвкеръ быстро вышелъ

изъ залы безъ дальнѣйшаго прощанія. — За нимъ! за нимъ! поднимите перчатку, и за нимъ! вскричалъ король... — Я говорю не тебѣ, Дюнуа, не тебѣ, милордъ Крауфордъ: ты слишкомъ старъ для такихъ жаркихъ дѣлъ; ни тебѣ, братецъ орлеанскій: ты для этого слишкомъ молодъ... Господинъ кардиналъ, высокопреосвященный епископъ оксеррскій, вашъ священный долгъ примирять государей: поднимите перчатку и докажите графу Крѣвкеру, какъ онъ погрѣшилъ, оскорбляя великаго монарха среди его собственнаго двора и вынуждая насъ обременить бѣдствіями войны два государства.

При этомъ прямомъ и личномъ вызовѣ, кардиналъ Балю пошелъ поднимать перчатку съ такою осторожностью, какъ будто онъ готовился взять змѣю — такъ велико было, повидимому, отвращеніе его къ этому символу войны — и тотчасъ же вышелъ изъ королевскаго покоя, чтобъ поспѣшить вслѣдъ за Крѣвкеромъ.

Людовикъ молча обвелъ глазами своихъ придворныхъ, которые, исключая уже отличенныхъ нами, будучи низкаго рода и возведены въ званіе королевскихъ приближенныхъ за разныя качества, только не за храбрость и не за воинскіе подвиги, — смотрѣли другъ на друга съ блѣдными лицами и повидимому получили неприятное впечатлѣніе отъ происшедшей передъ ними сцены. Людовикъ поглядѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ и потомъ сказалъ: — Хотя графъ де-Крѣвкёръ былъ дерзокъ и самонадѣянъ, однако, должно сознаться, герцогъ бургундскій имѣетъ въ немъ самого

смѣлаго слугу, какой когда либо являлся съ порученіями къ государямъ. Я желалъ бы знать, гдѣ найти такого же вѣрнаго посла, чтобъ передать Карлу мой отвѣтъ.

— Вы несправедливы къ французскимъ вельможамъ, государь, сказалъ Дюнуа: не одинъ изъ нихъ былъ бы готовъ снести Бургундіи вызовъ на остріѣ меча своего.

— Государь, сказалъ старый Крауфордъ: — вы также обижаете служащихъ вамъ шотландскихъ дворянъ. Я и всякій изъ моихъ подчиненныхъ благороднаго званія, не задумался бы ни на минуту позвать къ отчету этого надменнаго графа; собственная рука моя была бы для этого достаточно сильна, еслибъ я только получилъ позволеніе вашего величества.

— Но ваше величество, продолжалъ Дюнуа: — не хотите употреблять насъ ни на какую службу, посредствомъ которой мы могли бы приобрѣсти честь самимъ себѣ, вашему величеству, или Франціи.

— Скажи лучше, Дюнуа, возразилъ король: — что я не хочу дать волю опрометчивой запальчивости, которая для какой нибудь рыцарской церемоніи погубила бы васъ самихъ, тронъ, Францію и все. Нѣтъ ни одного изъ васъ, который бы не зналъ, какъ въ наши дни драгоцѣненъ каждый часъ мира, столь нужнаго для исцѣленія ранъ растерзанной страны; а между тѣмъ, каждый готовъ ринуться въ войну изъ за разказа странствующаго Цыгана или какой нибудь скитающейся красавицы, которая стоитъ едва ли боль-

ше его... Но вотъ идетъ кардиналь, и, мы надѣмся, съ мирными вѣстями... Что скажете, монсиньоръ? привели ли вы графа въ разсудокъ и спокойствіе?

— Государь, отвѣчалъ Балю: — дѣло мое было трудно. Я поставилъ на видъ этому надменному графу, что онъ осмѣлился обратиться къ вашему величеству съ дерзкимъ упрекомъ, которымъ кончилъ аудіенцію и который должно было принять происходящимъ не отъ его повелителя, а отъ собственной его дерзости, предававшей его такимъ образомъ въ руки вашего величества на всякое наказаніе, какимъ бы вамъ угодно было покарать его.

— Вы были правы, возразилъ король. — Что же онъ отвѣчалъ?

— Графъ, продолжалъ кардиналь, занесъ въ это время уже ногу въ стремя, чтобъ садиться на коня; услышавъ мои слова, онъ повернулъ голову, не измѣняя своего положенія. — Еслибъ я, сказалъ онъ: — былъ за пятьдесятъ миль отсюда и услышалъ, что французскій король сдѣлалъ вопросъ, обидный моему государю, то даже съ такого разстоянія немедленно вскочилъ бы на коня и возвратился бы сюда, чтобъ облегчить душу отвѣтомъ, который сейчасъ далъ ему.

— Я говорилъ, господа, сказалъ король, обернувшись къ присутствующимъ, нисколько не показывая досады: — что родственникъ нашъ, герцогъ, имѣетъ въ графѣ Филиппѣ де-Крѣвкѣрѣ достойнѣйшаго слугу, какой когда нибудь ѣзжалъ по правую руку своего государя. — Но вы уговорили его подождать?

— Подождать двадцать четыре часа и принять назадъ залогъ своего вызова, отвѣчалъ кардиналъ. —

Графъ остановился въ «Лиліяхъ».

— Чтобъ ему благородно прислуживали и вполнѣ заботились о немъ на нашъ счетъ, сказалъ король: — такой слуга настоящій алмазь въ коронѣ своего государя... Двадцать четыре часа! прибавилъ онъ, бормоча про себя и глядя такъ, какъ будто хотѣлъ взорами проникнуть въ будущность: — двадцать четыре часа... короткій срокъ! Однакожь, двадцать, четыре часа, умно и искусно употребленные, могутъ стоять года въ рукахъ людей безпечныхъ и неспособныхъ... Хорошо! Въ лѣсъ, въ лѣсъ, господа! Дюнуа, дай мнѣ свое копье; возьми мое: оно для меня слишкомъ тяжело; но когда же ты жаловался на такой недостатокъ въ твоёмъ копьѣ?... На коней, на коней, господа!

И охотники двинулись впередъ.

IX.

КАБАНЬЯ ТРАВЛЯ.

Знаніе характера своего повелителя, которое кардиналъ приобрѣлъ долгимъ опытомъ, не предостерегло его въ этотъ разъ отъ огромной политической ошибки. Тщеславіе заставляло его вѣрить, что онъ сумѣлъ убѣдить графа де-Крэкёра остаться въ Турѣ, лучше и успѣшнѣе, нежели могъ бы это сдѣлать какой бы то ни было посредникъ, на котораго король возло-

жилъ бы такую обязанность. Зная очень хорошо, какую важность Людовикъ приписывалъ отероченію войны съ герцогомъ бургундскимъ, кардиналъ Балю не могъ не выказать, что онъ считаетъ себя человѣкомъ, оказавшимъ своему государю большую и пріятную услугу. Онъ придерживался къ особѣ короля ближе обыкновеннаго, и старался завести съ нимъ разговоръ о Крѣвкѣрѣ и его посольствѣ. Хотя предметъ этотъ, можетъ быть, и занималъ больше всего мысли короля, однако именно о немъ-то Людовикъ и былъ въ то время менѣе всего расположенъ разговаривать. Король слушалъ своего министра со вниманіемъ, хотъ и не отвѣчалъ ему ни разу; наконецъ онъ сдѣлалъ знакъ ѣхавшему не далеко отъ него Дюнуа, чтобъ тотъ занялъ мѣсто по другую сторону его лошади. — Мы пріѣхали сюда для охоты и развлеченія, сказалъ онъ: — а высокопреосвященному отцу угодно заставить насъ держать совѣтъ.

— Надѣюсь, ваше величество извините, если я уклонюсь отъ участія въ немъ, сказалъ Дюнуа: — я рожденьемъ сражаться за Францію, и на это у меня есть сердце и рука, а для совѣтовъ голова моя не годится.

— У господина кардинала голова именно для этого создана, Дюнуа, продолжалъ король. — Онъ исповѣдывалъ Крѣвкѣра у воротъ замка и сообщилъ намъ всю его исповѣдь — вѣдь вы сказали, что *всю*? прибавилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ на послѣднее слово, бросивъ кардиналу взглядъ, сверкнувшій изъ подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ, какъ кинжалъ, выходящій изъ ноженъ.

Кардиналь затрениалъ и, стараясь отвѣчать на шутку короля, сказалъ, что хоть орденъ его и заставляетъ скрывать тайны кающихся и исповѣдующихся, но нѣтъ такой, которая бы не растаяла отъ одного дыханія его величества.

— А такъ какъ его высокопреосвященство, сказалъ король: — готовъ сообщать намъ тайны другихъ, то весьма естественно ожидаетъ и съ нашей стороны такой же откровенности, и желаетъ знать, дѣйствительно ли эти двѣ дамы де-Круай находятся въ нашихъ владѣнiяхъ. Очень сожалѣемъ, что не можемъ удовлетворить его любопытству, потому что мы и сами не знаемъ, гдѣ именно онѣ расположились лагеремъ въ нашихъ владѣнiяхъ, которыя, благодаря Бога и амбрѣнской Богоматери, немножко слишкомъ обширны. Но, предположивъ, что онѣ и съ нами, чтобы ты сказалъ, Дюнуа, на настойчивое требованiе нашего родственника?

— Я отвѣчу вамъ, государь, если вы скажете мнѣ чистосердечно, чего вы желаете, войны или мира? возразилъ Дюнуа съ откровенностью, которая, происходя отъ его собственного открытаго, неустрашимаго характера, дѣлала его по временамъ большимъ фаворитомъ Людовика, потому что король, подобно всѣмъ коварнымъ людямъ, любилъ заглядывать въ сердца другихъ, и оставаться непроницаемымъ.

— Клянусь честью, сказалъ онъ: — я бы также былъ доволенъ, какъ и ты, Дюнуа, еслибъ могъ сообщить тебѣ свое намѣренiе и еслибъ самъ навѣрно зналъ его. Но положимъ, я объявлю войну: что мнѣ

въ такомъ случаѣ дѣлать съ этою богатою и прекрасною наслѣдницею, предполагая, что она въ моихъ владѣнiяхъ?

— Выдать ее замужъ за одного изъ вашихъ доблестныхъ послѣдователей, у котораго станетъ сердца, чтобъ любить ее, и руки, чтобъ защищать.

— Выдать за тебя, а?... *Pasques dieu!* ты больше политикъ, нежели я думалъ, не смотря на все твое прямодушiе.

— Нѣтъ, государь, отвѣчалъ Дюнуа: — я все, что угодно, только не политикъ. Клянусь орлеанской Богородицею, я иду съ разу къ своей цѣли, также, какъ скачу прямо на ристалище. Ваше величество должны доставить орлеанскому дому хоть одно счастливое супружество.

— Я это и сдѣлаю, графъ. *Pasques dieu!* сдѣлаю!... Развѣ ты не видишь вонъ той прекрасной четы?

Король указалъ на несчастнаго герцога орлеанскаго и свою дочь, которые, не смѣя отдалиться отъ короля, ни разѣхаться другъ съ другомъ въ виду его, ѣхали рядомъ.

Дюнуа, взглянувъ по указанному королемъ направленiю, не могъ не покачать головою, хоть и не рѣшался дать другого отвѣта. Людовикъ повидимому угадалъ его мысли. — Они составляютъ мирное и спокойное семейство, проговорилъ онъ.

— Но оставимъ этотъ разговоръ, прибавилъ король: — потому что вепрь уже поднятъ. — Спустить собакъ, во имя св. Губерта! Га, га! тра-ла-ла-лира-ла!

Охотничій рогъ короля весело зазвучалъ по лѣсу, и онъ самъ поскакалъ впередъ, въ сопровожденіи двухъ или трехъ тѣлохранителей, въ числѣ которыхъ былъ и пріятель нашъ Квентинъ Дорвардъ. Здѣсь надобно замѣтить, что даже въ жаркомъ увлеченіи любимой забавы король не пропустилъ случая предаться природной язвительности и напелъ средство потѣшиться надъ кардиналомъ Балю.

Одна изъ слабостей этого искуснаго государственнаго человѣка состояла въ томъ, что онъ считалъ себя, не смотря на низкое происхожденіе и ограниченное воспитаніе, вполне способнымъ разыгрывать роль придворнаго и щеголя, и потому благородныя лошади, покупаемыя имъ за какую бы то ни было цѣну, были совершенно безчувственны къ чести носить на хребтѣ своемъ кардинала; кони оказывали ему такое же уваженіе, какое питали бы къ его отцу, тележнику, мельнику или портному, съ которыми онъ соперничалъ въ искусствѣ ѣздить верхомъ. Король зналъ это и, попеременно то разгорячая, то сдерживая своего собственнаго коня, довелъ лошадь кардинала, котораго держалъ около себя, до такого негодованія противъ ея плохого всадника, что, очевидно, имъ скоро суждено было разстаться. И въ это время, среди прискакиваній, ляганій, порывовъ и прыжковъ разгоряченнаго коня, Людовикъ терзалъ злосчастнаго ѣздока разспросами о многихъ важныхъ дѣлахъ, намекая, что онъ намѣренъ воспользоваться предстоящимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ сообщить Балю нѣ-

которыя изъ тѣхъ государственныхъ тайнъ, которыя за минуту передъ тѣмъ ему такъ хотѣлось знать.

Фиолетовая ряса кардинала раздувалась по всѣмъ направленіямъ, и ничто, кромѣ глубокаго сѣдла и высоты задней и передней луки, не спасало его отъ немедленнаго и гибельнаго паденія. Дюнуа нисколько не удерживалъ своего смѣха; а король, имѣвшій особенную привычку внутренно наслаждаться своею шуткой, не смѣясь явно, кротко выговаривалъ своему министру за горячую страсть его къ охотѣ, которая не позволяетъ ему посвятить даже нѣсколькихъ мгновеній на дѣло.

Прежде, нежели Балю успѣлъ сказать слово въ отвѣтъ или въ извиненіе, конь его, закусивъ удила, понесся неукротимымъ галопомъ, оставивъ назади короля и Дюнуа.

Лошадь скорѣе летѣла, нежели скакала по длинной зеленой аллеѣ, перегнала стаю собакъ, жарко преслѣдовавшихъ вепря, и потомъ, опрокинувъ одного или двухъ псарей и ловчихъ, неожиданныхъ нападенія съ тыла, — передавивъ нѣсколько псовъ и произведя смущеніе во всей охотѣ, — оживленная шумными криками и угрозами охотниковъ, помчала испуганнаго кардинала мимо самаго звѣря, который въ бѣшенствѣ бѣжалъ быстрою рысью, обрызганный пѣною, покрывавшею клыки его. Балю, видя себя въ такой близости отъ кабана, ужасно завопилъ, призывая людей на помощь; крикъ его, а можетъ быть и видъ вепря, произвелъ на коня такое дѣйствіе, что

онъ вдругъ уклонился отъ прямого направленія и отскочилъ въ сторону: кардиналь, до того времени усидѣвшій въ сѣдлѣ потому только, что движеніе скакуна было прямо впередъ, тяжело рухнулъ на землю. Эта развязка могла бы стоить жизни кардиналу, еслибъ звѣрь не столько былъ занятъ своими собственными дѣлами. Дюжій прелать отдѣлался только страхомъ, и, уползши со всевозможною поспѣшностью съ дороги, по которой скакали собаки и охотники, видѣлъ, какъ вся охота пронеслась мимо, не думая подать ему ни малѣйшей помощи... Въ тѣ времена охотники также мало трогались сочувствіемъ къ бѣдствіямъ подобнаго рода, какъ и въ нынѣшнія.

Король, проѣзжая мимо Балю, сказалъ Дюнуа: — Вотъ лежитъ его высокопреосвященство довольно низко. Онъ незавидный охотникъ, но такой рыбакъ (если надобно выудить тайну), что могъ бы поспорить съ самымъ искуснымъ рыбакомъ. Теперь, однако, хоть разъ въ жизни, онъ нашелъ себѣ противника по плечу.

Кардиналь не разслышалъ этихъ словъ; но презрительный взглядъ, которымъ они сопровождались, заставилъ его подозрѣвать ихъ значеніе. Минутный страхъ его прошелъ, лишь только онъ увѣрился, что паденіе было безвредно; но оскорбленное тщеславіе и негодованіе противъ своего государя имѣли надъ его чувствами болѣе продолжительное вліяніе.

Когда вся охота пронеслась мимо, одинъ всадникъ, казавшійся болѣе зрителемъ, нежели участникомъ травли, подѣхалъ къ кардиналу съ однимъ или двумя

товарищами; онъ не мало удивился, видя кардинала на землѣ, безъ лошади и прислуги, и въ такомъ положеніи, которое ясно показывало, какого рода обстоятельство довело его до такой бѣды. Соскочить съ коня и предложить ему свою помощь, приказать одному изъ своей свиты уступить кардиналу смирную и спокойную лошадь, изъявить свое удивленіе къ обычаямъ французскаго двора, въ слѣдствіе которыхъ мудрѣйшій государственный сановникъ былъ покинутъ въ крайности и брошенъ въ жертву всѣмъ случайностямъ охоты — все это были самыя естественныя утѣшенія и пособія, которыми такая странная встрѣча снабдила графа Крѣвкера, — потому что особа, подѣхавшая на помощь къ кардиналу, былъ не кто иной, какъ посоль бургундскій.

Онъ нашелъ французскаго министра въ добрый часъ и въ счастливомъ расположеніи духа, такъ что рискнулъ на нѣкоторыя попытки противъ его вѣрности, которымъ, какъ извѣстно, Балю имѣлъ-таки преступную слабость внимать. Утромъ еще, — какъ и угадалъ подозрительный нравъ Людовика, — между кардиналомъ и посломъ произошло больше сношеній, нежели сколько Балю осмѣлился донести своему властелину. Но хотя прелать и съ удовольствіемъ слушала рассказы о томъ, какъ высоко, по увѣреніямъ Крѣвкеря, герцогъ бургундскій цѣнилъ его особу и дарованія; хотя онъ и не былъ безчувственъ, когда графъ намекнулъ ему о щедрости своего государя и о богатыхъ духовныхъ помѣстьяхъ во Фландріи, — однако не прежде рассказаннаго нами случая, возбудившаго

все его негодование и уязвившаго его тщеславіе, рѣшился онъ въ гибельной для него часъ доказать Людовику XI, что нѣтъ врага опаснѣе обиженнаго друга или повѣреннаго.

Теперь онъ поспѣшно просилъ Крѣвкѣра удалиться, чтобъ ихъ не замѣтили вмѣстѣ, и назначилъ ему свиданіе въ Аббатствѣ св. Мартина Турскаго, послѣ вечерняго богослуженія.

Между тѣмъ, Людовикъ, который, хотя и былъ самымъ тонкимъ политикомъ своего времени, но въ теперешнемъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, дозволилъ страстямъ своимъ взять верхъ надъ благоразуміемъ, — Людовикъ съ удовольствіемъ продолжалъ гнаться за дикимъ вепремъ. Охота становилась болѣе и болѣе занимательною. Случилось такъ, что *сондеръ* (такъ въ то время называли двухгодовалаго кабана) перебѣжалъ черезъ слѣдъ гонимаго вепря и увлекъ за собою въ погоню всѣхъ собакъ (кромѣ двухъ или трехъ паръ старыхъ, опытныхъ гончихъ) и большую часть охотниковъ. Король внутренно радовался, видя, что Дюнуа и многіе другіе пустились по ложному слѣду; онъ въ тайнѣ радовался мысли восторжествовать надъ этимъ совершеннымъ рыцаремъ въ искусствѣ травли, считавшейся тогда почти столь же достопамятною, какъ и война. Людовикъ скакалъ на добромъ конѣ и близко слѣдовалъ за гончими, такъ что, когда первый кабанъ остановился у болотистой почвы съ намѣреніемъ защищаться, то около звѣря не было никого, кромѣ самого короля.

Людовикъ тутъ показалъ всю отважность охотника:

не обращая вниманія на опасность, онъ подскакалъ къ страшному звѣрю, съ бѣшенствомъ оборонявшемуся противъ собакъ, и поразилъ его рогатиною; но какъ лошадь немного испугалась вепря, то ударъ не былъ такъ силенъ, чтобъ убить, или даже обезсилить его. Ничто не могло заставить лошадь наскákatъ на кабана въ другой разъ; король, спѣшившись, подошелъ къ разъяренному звѣрю, держа въ рукѣ одинъ изъ тѣхъ короткихъ, прямыхъ и остроконечныхъ мечей, которые употреблялись охотниками для встрѣчъ подобнаго рода. Кабанъ немедленно оставилъ собакъ, чтобъ броситься на двуногаго врага, между тѣмъ, какъ король, утвердившись на ногахъ, протянулъ мечъ съ намѣреніемъ поразить звѣря въ горло или въ грудь, около ключицы: въ такомъ случаѣ, тяжесть животнаго и стремительность его нападенія только ускорили бы его пораженіе. Но въ то самое мгновеніе, когда король долженъ былъ исполнить этотъ трудный и опасный маневръ, нога его поскользнулась на мокрой травѣ, такъ что остріе меча, встрѣтивъ крѣпкую щетину въ наружной части плеча вепря, скользнуло по немъ, не причинивъ животному никакого вреда, а самъ Людовикъ растянулся на землѣ. Это было для него еще счастье, потому что кабанъ, благодаря страху короля, промахнулся въ свою очередь и только разорвалъ клыками короткій охотничій плащъ своего противника. Но когда, пронесаясь съ яростнаго разбѣга нѣсколько впередъ, вепрь оборотился, чтобъ снова ринуться на короля, не давъ ему встать, — жизнь Людовика была въ крайней опасности. Въ эту критическую минуту,

Квентинъ Дорвардъ, отставшій отъ охотниковъ по вялости своей лошади, но вмѣстѣ съ тѣмъ удачно разслушавшій звукъ королевскаго рога и слѣдовавшій за нимъ, подскакалъ и пронзилъ кабана копьемъ.

Король, успѣвшій въ это время встать на ноги, въ свою очередь поспѣшилъ на помощь Дорварду и мечомъ перерѣзалъ вепрю горло. Не говоря Квентину ни слова, онъ измѣрилъ огромнаго звѣря не только шагами, но даже ступнями, потомъ отеръ съ чела потъ, а съ рукъ кровь, снялъ охотничью шапку, повѣсилъ ее на кустъ и набожно обратился съ молитвами къ украшавшимъ ее свинцовымъ образкамъ; наконецъ, взглянувъ на своего избавителя, сказалъ: — Такъ это ты, мой молодой Шотландецъ? Ты хорошо началъ свою охоту, и мэтръ Пьерръ обязанъ тебѣ такимъ же добрымъ угощеньемъ, какъ то, которымъ онъ подчивалъ тебя въ «Лиліяхъ». Что жъ ты не говоришь? Ты какъ будто потерялъ свой огонь и заносчивость при дворѣ, гдѣ другіе находятъ ихъ.

Квентинъ, смышленный юноша, чувствовалъ больше страха, нежели довѣрчивости къ своему опасному повелителю, и потому никакъ не хотѣлъ воспользоваться опаснымъ позволеніемъ быть на короткую ногу, къ чему повидимому его приглашали. Въ немногихъ хорошо обдуманыхъ выраженіяхъ, онъ отвѣчалъ, что осмѣливается обратиться къ его величеству за тѣмъ только, чтобъ испросить себѣ прощенія за грубую смѣлость, съ какою онъ велъ себя въ отношеніи къ нему, не зная его высокаго сана.

— Молчи, пріятель! сказалъ король: — Прощаю

твое озорничество за твой умъ и тонкость. Я удивлялся тому, какъ близко ты угадалъ настоящія занятія моего кума Тристана. Ты, какъ мнѣ сказали, едва не отвѣдалъ его руководѣлья... Смотри, берегись его: этотъ купецъ торгуетъ жесткими браслетами и тѣсными ожерельями. Помоги мнѣ сѣсть на лошадь... Я люблю тебя и хочу сдѣлать тебѣ добро. Не надѣйся ни на чью милость, кромѣ моей — ни даже на твоего дядю, или лорда Крауфорда — и не говори ничего о той своевременной помощи, которую ты мнѣ подалъ противъ кабана, потому что если человѣкъ станетъ хвастать тѣмъ, что услужилъ королю въ такой бѣдѣ, наградою его будетъ одно только хвастовство.

Потомъ король затрубилъ въ рогъ; это призвало къ мѣсту Дюнуа и нѣсколькихъ придворныхъ, которыхъ поздравленія съ умерщвленіемъ такого благороднаго звѣря Людовикъ принималъ безъ малѣйшаго смущенія, присвоивая себѣ главную часть подвига; онъ упомянулъ о содѣйствіи Дорварда такъ же легко, какъ охотникъ высокаго сана, который, рассказывая о томъ, сколько птицъ положилъ въ свою охотничью суму, не считаетъ за нужное распространяться объ участіи и помощи лѣсничаго. Послѣ того, Людовикъ приказалъ Дюнуа послать туловище кабана къ братіи св. Мартина въ Туръ, чтобъ улучшить ихъ праздничную трапезу и чтобъ они вспоминали короля въ своихъ честныхъ молитвахъ. — А кто видѣлъ его высокопреосвященство господина кардинала? спросилъ Людовикъ: — Мнѣ кажется, было бы невѣж-

ливо и неуважительно оставить его пѣшаго здѣсь въ лѣсу.

— Если вашему величеству угодно, сказалъ Квентинъ, замѣтивъ, что всѣ молчатъ: — я видѣлъ его высокопреосвященство на лошади, на которой онъ выѣхалъ изъ лѣсу.

— Поѣзжайте къ замку, господа; мы сегодня утромъ не будемъ больше охотиться, проговорилъ король: — Ты, господинъ оруженосецъ, обратился онъ къ Квентину: — подай мнѣ мой охотничій ножъ — онъ выпалъ изъ ноженъ подлѣ нашей добычи. Поѣзжай, Дюнуа; я сейчасъ догоню васъ.

Людовикъ, котораго малѣйшія движенія часто были рассчитаны, нашелъ такимъ образомъ средство спросить Квентина потихоньку: — У тебя, какъ я вижу, есть глаза, мой бойкій Шотладецъ; не можешь ли сказать мнѣ, кто снабдилъ кардинала лошадью?... Вѣроятно, кто нибудь изъ постороннихъ; потому что, если я проѣхалъ мимо его, не остановившись, придворные навѣрно не слишкомъ бы стали торопиться услужить ему.

— Я только одно мгновеніе видѣлъ тѣхъ, которые помогли его высокопреосвященству, государь; видѣлъ ихъ только мелькомъ, потому что отсталъ и долженъ былъ ѣхать скоро, чтобъ догнать остальныхъ охотниковъ; но мнѣ кажется, что то были бургундскій посолъ и его люди.

— А! сказалъ Людовикъ. — Хорошо; пусть будетъ такъ: Франція все-таки съ ними справится.

Не произошло больше ничего замѣчательнаго, и король съ своею свитою возвратился въ замокъ.

Х.

Ч А С О В О Й.

Едва успѣлъ Квентинъ прійти въ свою маленькую коморку, чтобъ переменить кое-что изъ платья, какъ вошелъ достойный его родственникъ и сталъ его спрашивать обо всѣхъ подробностяхъ охоты.

Квентинъ, невольно думавшій, что рука его дяди сильнѣе, нежели разсудокъ, постарался въ отвѣтъ своемъ предоставить королю всю честь побѣды, которую тотъ, повидимому, такъ сильно желалъ себѣ присвоить. Рубецъ сталъ разсуждать, какъ бы онъ самъ лучше поступилъ въ такомъ случаѣ, при чемъ слегка выговаривалъ племяннику за вялость, по которой король остался безъ помощи въ крайней опасности. Юноша имѣлъ благоразуміе не распространяться въ оправданіяхъ своего собственнаго поведенія, приведя только одно, — что, по охотничьимъ правиламъ, онъ считалъ неприличнымъ вмѣшиваться въ нападеніе на звѣря, сдѣланное другимъ охотникомъ, пока тотъ не потребуетъ его помощи и содѣйствія. Едва успѣлъ кончиться споръ, какъ Квентинъ Дорвардъ увидѣлъ, что имѣлъ причину похвалить себя за осторожность съ дядею. Легкій ударъ въ дверь возвѣстилъ посѣтителя: дверь отвори-

лась немедленно, и Оливье Лань, или Гадкйй, или Чортъ, потому что онъ былъ извѣстенъ подъ всѣми этими именами, — вошелъ въ комнату.

Наружность этого ловкаго, но до крайности коварнаго человѣка была уже нами описана. Движеніями и приемами своими онъ больше всего походилъ на домашнюю кошку, которая, когда лежитъ и кажется спящею, или скользитъ черезъ комнату тихими, неслышными, робкими шагами, — высматриваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ норку какой нибудь несчастной мыши; или, когда съ наружною привязанностью трется и ластится около тѣхъ, отъ кого жлетъ себѣ ласокъ, — тотчасъ же послѣ того налетаетъ на свою добычу, или царапаетъ предметъ своей недавней нѣжности.

Онъ вошелъ съ опущенными плечами, смиреннымъ и скромнымъ взглядомъ и съ такою учтивостью обратился къ Рубцу, что посторонній человѣкъ не могъ бы не подумать, что онъ пришелъ просить какой нибудь милости у шотландскаго стрѣлка. Онъ поздравилъ Лесли съ прекраснымъ поведеніемъ его племянника на охотѣ, что, какъ онъ замѣтилъ, обратило на себя особенное вниманіе короля. Тутъ онъ пріостановился въ ожиданіи отвѣта; съ потупленными взорами, которыхъ не поднималъ, хотя раза два украдкою и взглянулъ на Квентина, онъ выслушалъ отвѣтъ Рубца, что его величество былъ довольно несчастливъ, не имѣя подлѣ себя его самого, потому что тогда онъ бы непременно напалъ на звѣря, а не поступилъ бы какъ Квентинъ, который оставилъ все дѣло на рукахъ его величества, сколько онъ могъ узнать изъ разсказа

своего племянника. — Но пусть это послужит урокомъ его величеству, продолжалъ онъ: — Пока онъ живъ, вѣрно онъ будетъ снабжать человѣка моихъ размѣровъ хорошимъ конемъ: а то какимъ образомъ могла бы моя огромная, какъ гора, фламандская водовозная кляча успѣвать за нормандскими скакунами его величества? Я шпорилъ свою лошадь такъ, что у нея, думаю, остались борозды на бокахъ... Такія вещи несообразны, мѣтръ Оливье, и вы должны представить это на видъ его величеству.

Мѣтръ Оливье отвѣчалъ на это замѣчаніе только тѣмъ, что обратилъ на смѣлаго и строитиваго говоруна одинъ изъ тѣхъ медленныхъ и сомнительныхъ взглядовъ, которые, — если въ добавокъ они сопровождаются легкимъ движеніемъ руки и скромнымъ склоненіемъ головы въ одну сторону, — можно принять или за нѣмое согласіе или за осторожное предупрежденіе дальнѣйшаго разговора объ опасномъ предметѣ. Онъ обратилъ на Квентина болѣе быстрый и испытующій взглядъ, когда сказалъ ему съ двусмысленною улыбкой: — И такъ, молодой человѣкъ, въ Шотландіи имѣютъ привычку оставлять государей въ опасности, не хотятъ подавать имъ помощь въ крайностяхъ, подобныхъ сегодняшней?

— У насъ въ обычаѣ, отвѣчалъ Дорвардъ, рѣшившійся не распространяться въ объясненіяхъ: — не докучать имъ помощью въ благородныхъ забавахъ, когда они могутъ обойтись и безъ нея. По нашему, государь на охотѣ долженъ подвергаться всѣмъ ея случайностямъ на равнѣ съ другими; мы думаемъ,

что онъ выѣзжаетъ въ поле именно за этимъ. Что за удовольствіе въ охотѣ безъ усталости и опасностей?

— Слышите ли этого безумнаго мальчика? еказаль его дядя: — Онъ всегда таковъ; у него всегда есть готовый отвѣтъ, или готовая причина на все. Удивляюсь, гдѣ онъ нашель такой даръ? Я, наобримѣрь, не могу придумать причины ничему, что мнѣ только случалось дѣлать въ жизни, кромѣ развѣ того, что я ѣмъ, когда голоденъ, дѣлаю перекличку и исправляю другія обязанности службы въ томъ же родѣ.

— Прошу васъ, достойный сеньйоръ, сказалъ королевскій бородобрей, взглянувъ на стрѣлка изъ подлбья: — объясните мнѣ, какая у васъ бываетъ причина дѣлать перекличку въ такихъ случаяхъ?

— Потому что начальникъ мнѣ это приказываетъ, отвѣчалъ Рубецъ. — Клянусь св. Джайльсомъ, не знаю другой причины! Еслибъ онъ поручилъ это Тайри или Коннингему, — и они сдѣлали бы то же самое.

— Самое военное заключеніе! сказалъ Оливье. — Но, господинъ Рубецъ, вамъ вѣрно пріятно будетъ слышать, что его величество не только не гнѣвается на поведеніе вашего племянника, но еще избралъ его для исполненія одного порученія сегодня же послѣ полудня.

— Избралъ *его*? сказалъ Рубецъ съ большимъ удивленіемъ: — Избралъ *меня*, хотите вы, я думаю, сказать?

— Я хочу сказать точно то, что сказалъ, отвѣчалъ цирюльникъ сладкимъ, но рѣшительнымъ голо-

сомъ: — король желаетъ поручить что-то вашему племяннику.

— Почему же это и для какой причины? Зачѣмъ онъ избираетъ мальчика, а не меня?

— Не могу сказать на это никакой окончательной причины, кромѣ вашей собственной, сеньйоръ Рубецъ: таково приказаніе его величества. Но если я могу имѣть дерзость догадываться, — можетъ быть, его величество имѣетъ въ виду какое нибудь дѣло, которое считаетъ приличнѣйшимъ для молодаго человѣка, какъ вашъ племянникъ, нежели для стараго и опытнаго воина, какъ вы, господинъ Рубецъ. И такъ, молодой человѣкъ, возьмите свое оружіе и слѣдуйте за мною. Да возьмите также пищаль, потому что вы будете стоять на часахъ.

— На часахъ! сказалъ Людовикъ Лесли: — да точно ли вы не ошиблись, мэтръ Оливье? Внутренніе караулы замка всегда были занимаемы только тѣми, которые, подобно мнѣ, прослужили двѣнадцать лѣтъ въ нашей почетной дружинѣ.

— Я совершенно увѣренъ въ желаніи его величества и долженъ немедленно его исполнить.

— Но, сказалъ Рубецъ: — племянникъ мой даже не изъ вольныхъ стрѣлковъ: онъ только оруженосецъ, служащій подѣ моимъ копьемъ.

— Извините меня, возразилъ Оливье: — король, съ полчаса назадъ, посылалъ за спискомъ и самъ записалъ вашего племянника въ число стрѣлковъ. — Не будете ли вы такъ добры, чтобъ помочь снарядиться вашему молодому родственнику?

Рубецъ, въ природѣ котораго не было недоброжелательства или большой зависти, поспѣшно принялся приводить въ порядокъ костюмъ и вооруженіе Дорварда, при чемъ онъ давалъ ему наставленія, какъ вести себя подь оружіемъ, и не могъ удержаться, чтобъ отъ времени до времени не пересыпать своихъ совѣтовъ восклицаніями удивленія, исторгнутыми необыкновеннымъ счастіемъ, которое досталось такому молодому человѣку. — Этого прежде никогда не бывало съ шотландскими тѣлохранителями, говорилъ онъ: — ни даже со мною не было. Но вѣроятно ему хотять приказать караулить попугаевъ или индійскихъ павлиновъ, недавно подаренныхъ королю посланникомъ венеціанскимъ, — не можетъ быть иначе; а такъ какъ подобная служба прилична только безбородому мальчику (тутъ онъ закрутилъ свой грозный усъ), я очень радъ, что выборъ палъ на моего любезнаго племянника.

Квентинъ, одаренный живымъ, смѣтливимъ умомъ и пылкимъ воображеніемъ, предвидѣлъ въ этомъ раннемъ призывѣ къ королю обстоятельство болѣе важнаго свойства; сердце его сильно билось при ожиданіи быстраго возвышенія и отличій. Онъ рѣшился тщательно наблюдать приемы и рѣчи своего проводника, которые, какъ онъ подозрѣвалъ, можно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснять противоположными выводами, подобно тому, какъ предвѣщатели истолковываютъ сны. Онъ не могъ не радоваться своей скрытности на счетъ происшествій кабаньей травли и принялъ намѣреніе, весьма благоразумное для такого мо-

лодного человѣка, что пока онъ будетъ дышать воздухомъ этого уединеннаго и таинственнаго двора, ему непремѣнно должно скрывать свои мысли и тщательно взвѣшивать свои слова.

Снаряженіе его кончилось скоро; взявъ на плечо пицаль (потому что, хотя шотландскіе тѣлохранители и назывались стрѣлками, но они весьма рано замѣнили огнестрѣльнымъ оружіемъ длинный лукъ, въ употребленіи котораго нація ихъ никогда особенно не отличалась), Квентинъ послѣдовалъ за мэтромъ Оливье изъ казармы.

Дядя долго смотрѣлъ въ слѣдъ своему племяннику, съ лицомъ, на которомъ выражались удивленіе и любопытство. Хотя ни зависть, ни поражаемая ею злыя чувства не входили въ его честныя размышленія, однако ощущеніе оскорбленнаго или ослабленнаго сознанія своей важности невольно примѣшивалось къ удовольствію, возбужденному въ немъ удачнымъ началомъ службы молодого Дорварда.

Онъ важно покачалъ головою, открылъ потайной шкафъ, вытащилъ большую *bottrine* (флягу) добраго стараго вина, потрясъ ее, чтобъ узнать, велика ли въ ней убыль, налилъ и выпилъ огромный кубокъ; послѣ того онъ сѣлъ, или скорѣе развалился на широкую дубовую скамью и, еще разъ покачавъ медленно головою, получилъ отъ этого движенія столько очевиднаго удовольствія, что продолжалъ наслаждаться имъ машинально, какъ игрушка, называемая мандариномъ, пока не предался сладкому сну, изъ котораго извлекъ его только призывъ къ обѣду.

Квентинъ Дорвардъ, оставя дядю въ такихъ выпреннихъ созерцаніяхъ, слѣдовалъ за своимъ вожакомъ, мэтромъ Оливье, который, не переходя ни одного изъ главныхъ дворовъ, велъ его отчасти по уединеннымъ ходамъ, обращеннымъ на открытый воздухъ, но больше черезъ путаницу лѣстницъ, сводовъ и корридоровъ, сообщавшихся между собою въ мѣстахъ, гдѣ нельзя было ожидать этого, потайными дверьми. Наконецъ, они вошли въ обширную галерею съ рѣшетками, которую по ширинѣ почти можно было назвать залой; галерея увѣшана была обоями болѣе старинными, нежели красивыми, и весьма немногими грубыми, холодными, дико смотрящими картинами, принадлежавшими первому проблеску искусствъ, предшествовавшему ихъ послѣдующему великолѣпному блеску. Картины эти изображали витязей Карла Великаго, игравшаго такую замѣчательную роль въ романической исторіи Франціи, и такъ какъ исполинская фигура знаменитаго Орlando отличалась здѣсь больше прочихъ, то и покой этотъ получилъ названіе Роландовой Залы, или Роландовой Галереи (*). — Вы здѣсь будете стоять на часахъ, сказалъ Оливье тихимъ шопотомъ, какъ будто висѣвшія на стѣнахъ грубыя изображенія государей и витязей могли оскорбиться зву-

(*) Карлъ Великій, я думаю, вслѣдствіе своей безпощадной жестокости къ Саксонцамъ и другимъ язычникамъ, считался въ темныя историческія времена святымъ; Людовикъ XI, какъ одинъ изъ его преемниковъ, имѣлъ особенное благоговѣніе къ его гробницѣ. *Авт.*

ками его голоса, или какъ будто онъ боялся пробудить отголоски, притаившіеся въ крестообразныхъ сводахъ и готическихъ украшеніяхъ потолка этой обширной и мрачной залы.

— Какія приказанія и знаки для этого поста? возразилъ Квентинъ такимъ же тихимъ голосомъ.

— Ваша пищаль заряжена? сказалъ Оливье, не отвѣчая на его вопросъ.

— Это легко сдѣлать, отвѣчалъ Квентинъ, принимаясь заряжать свое оружіе и зажигать фитиль (посредствомъ котораго тогда стрѣляли) въ угасавшихъ уголькахъ огромнаго камина, который самъ по себѣ былъ такъ великъ, что его можно было бы счесть готическимъ кабинетомъ или часовнею, выстроенною внутри Роландовой Галереи.

Когда Квентинъ кончилъ, Оливье замѣтилъ, что ему неизвѣстна одна изъ высокихъ привилегій шотландскихъ тѣлохранителей, которые принимали приказанія только лично отъ короля или отъ великаго коннетабля Франціи, а не отъ своихъ собственныхъ начальниковъ. — Вы поставлены здѣсь по приказанію его величества, молодой человекъ, прибавилъ Оливье: — и вамъ недолго прійдется оставаться въ невѣдѣніи того, зачѣмъ вы сюда призваны. Вы можете прохаживаться вдоль галерей. Вамъ позволяется ходить или стоять сколько угодно; но ни подъ какимъ видомъ не можете вы сѣсть или оставить свое оружіе. Вамъ нельзя никакимъ образомъ ни пѣть, ни свистать громко; если хотите, вамъ не запрещается произносить тихимъ голосомъ молитвы, или что вамъ вздумается, лишь

бы тутъ не было ничего непристойнаго. Прощайте; будьте бдительны.

— Бдительны! мысленно повторилъ молодой воинъ, когда Оливье прокрался отъ него своими всегдашними неслышными, скользящими шагами и наконецъ исчезъ въ боковую дверь, скрытую за обоями. — Быть бдительнымъ! да противъ кого и надъ чѣмъ? Съ кѣмъ, кромѣ крысъ и нетопырей, прійдется здѣсь имѣть дѣло, если эти угрюмые представители стариннаго челоуѣчества не вздумаютъ ожить, чтобъ меня тревожить на часахъ?... Но, если такова моя обязанность, надобно выполнить ее.

Съ рѣшительнымъ намѣреніемъ исполнить службу во всей строгости, Дорвардъ старался убить время нѣкоторыми изъ благочестивыхъ гимновъ, выученныхъ имъ въ обители, въ которой нашелъ онъ убѣжище послѣ смерти своего отца.

На противоположныхъ оконечностяхъ длинной залы или галереи было двое огромныхъ дверей, которые вели, вѣроятно, въ отдѣльные ряды комнатъ, такъ что сама галерея служила пунктомъ взаимнаго сообщенія. Часовой, направивъ свою уединенную прогулку между этими двумя входами, — границами его ходьбы, пораженъ былъ музыкальнымъ аккордомъ, неожиданно раздавшимся вблизи одной изъ дверей, и который, по крайней мѣрѣ въ его воображеніи, состоялъ изъ соединенія звуковъ той же самой лютни и того же голоса, которыми онъ былъ такъ очарованъ наканунѣ.

Тьма видѣній, какія только романическое и предпримчивое юношество могло питать въ тотъ вѣкъ

романизма и предпріятій, изгнала изъ глазъ его все существенное того мѣста, въ которомъ онъ находился... Наконецъ, онъ вдругъ былъ приведенъ въ себя рукою, внезапно схватившеюся за его оружіе, и рѣзкимъ голосомъ, воекликнувшимъ ему почти на ухо: — А! *Pasques dieu*, господинъ оруженосецъ! ты, кажется, дремлешь на своемъ посту!

Голосъ былъ тотъ же беззвучный, но выразительный и насмѣшливый, которымъ говорилъ мэтръ Пьерръ. Квентинъ, опомнившись, увидѣлъ со страхомъ и стыдомъ, что, увлекшись мечтами, онъ допустилъ самого Людовика, вошедшаго, вѣроятно, какую нибудь потайную дверь и прокрававшись вдоль стѣны или за обоями — подойти къ себѣ такъ близко и чуть не овладѣть его оружіемъ.

Первымъ движеніемъ его было высвободить свою пицаль усиліемъ, заставившимъ короля отшатнуться назадъ. Послѣ этого онъ невольно сталъ опасаться, что, увлекшись животнымъ инстинктомъ, если такъ можно выразиться, заставляющимъ человѣка храбраго противиться попыткѣ обезоружить его, онъ личною борьбою съ королемъ усилилъ неудовольствіе, произведенное его нерадѣніемъ на часахъ: движимый этимъ впечатлѣніемъ, онъ снова взялъ пицаль на плечо и недвижимъ остановился передъ королемъ, котораго, какъ онъ справедливо могъ заключить, смертельно оскорбилъ.

Людовикъ, котораго тиранскій нравъ основывался не столько на природной жестокости или свирѣности, сколько на хлоднокровной политикѣ и подозрительно-

сти, имѣлъ, однако, свою долю язвительной строгости, которая сдѣлала бы его деспотомъ даже въ частной жизни, — и всегда, казалось, наслаждался наносимыми имъ мученіями. Но теперь онъ не хотѣлъ длить свое торжество и удовольствовался замѣчаніемъ: — твоя утренняя услуга заранѣе выкупила нѣкоторое нерадѣніе въ такомъ молодомъ воинѣ, какъ ты. Обѣдали ты?

Квентинъ, скорѣе готовившійся быть посланнымъ къ уголовному профосу, нежели удостоеннымъ такого привѣтствія, съ покорностью отвѣчалъ отрицательно. — Бѣднякъ! сказалъ король тономъ, болѣе обыкновеннаго кроткимъ: — голодъ сдѣлалъ его сонливымъ. — Знаю, что у тебя волчій аппетитъ, продолжалъ онъ: — но я спасу тебя отъ одного дикаго звѣря, такъ какъ сегодня ты спасъ меня отъ другого; ты былъ, кромѣ того, благоразуменъ въ этомъ дѣлѣ, и я тебѣ за то благодаренъ. Однако, можешь ли ты выдержать еще часъ безъ пищи?

— Двадцать четыре часа, ваше величество; иначе я бы не былъ истиннымъ Шотландцемъ.

— Не желалъ бы я даже за другое королевство быть пирожкомъ, который попался бы тебѣ послѣ такого воздержанія; но теперь дѣло идетъ не о твоёмъ обѣдѣ, а о моемъ собственномъ. Сегодня за моимъ столомъ, и въ строгой тайнѣ, будутъ сидѣть кардиналъ Балю и этотъ Бургундецъ — графъ де-Крѣвкеръ. Что, нибудь можетъ случиться... дьяволъ хлопочетъ больше всего, когда враги встрѣчаются между собою на условіяхъ дружества.

Онъ остановился и молчалъ нѣсколько времени съ глубокомысленнымъ, мрачнымъ взоромъ. Видя, что король не торопится продолжать, Квентинъ наконецъ осмѣлился спросить, какого рода будетъ его обязанность въ этомъ случаѣ. — Быть насторожѣ въ буфетѣ, отвѣчалъ Людовикъ: — и если будетъ измѣна, застрѣлить измѣнника на поваль.

— Измѣна, государь! въ этомъ такъ хорошо охраняемомъ замкѣ?.. воскликнулъ Дорвардъ.

— Ты считаешь ее невозможною, возразилъ король, повидимому неоскорбленный такою откровенностью: — но наша же исторія показываетъ, что измѣна можетъ закрасться даже черезъ дыру, просверленную буравчикомъ. — Измѣна, изгнанная стражами! О, безумный мальчикъ! *quis custodiat ipsos custodes?* кто можетъ изгнать измѣну даже изъ этихъ самыхъ тѣлохранителей?

— Ихъ шотландская честь! смѣло отвѣчалъ Дорвардъ.

— Правда, совершенная правда; ты мнѣ нравишься! сказалъ весело король: — шотландская честь всегда была вѣрна, и потому—то я ввѣряюсь ей. Но измѣна!... Тутъ онъ снова впалъ въ мрачное раздумье и принялся ходить по залѣ неровными шагами. — Она сидитъ за нашими пирами, сверкаетъ въ нашихъ кубкахъ, прячется въ бороды нашихъ совѣтниковъ, въ улыбки нашихъ придворныхъ, въ глупый смѣхъ нашихъ шутовъ — и, главное, скрывается подъ дружественнымъ видомъ примирившагося врага. Людовикъ Орлеанскій ввѣрился Иоанну Бургундскому — и былъ умерщвленъ

въ улицѣ Барбеттъ. Іоаннъ Бургундскій положился на партію Орлеана — его умертвили на Монтроскомъ Мосту. Я не хочу ни на кого полагаться — ни на кого! Слушай: я не буду сводить глазъ съ этого дерзкаго графа... да и съ кардинала, которому я также не слишкомъ вѣрю. Когда я скажу: *Ecosse en avant!* (*), убивай Крѣвкера наповаль.

— Это долгъ мой, сказала Квентинъ: — когда жизнь вашего величества будетъ въ опасности.

— Разумѣется, я и не хочу иначе. Что я выиграю умерщвленіемъ этого наглаго воина? Будь еще это коннетабль де-Сенъ-Поль... (тутъ онъ пріостановился, какъ будто чувствуя, что сказалъ лишнее, но потомъ продолжалъ, смѣясь:) Вотъ, напримѣръ, нашъ шуринокъ, Яковъ шотландскій: вашъ собственный Яковъ, Квентинъ — онъ убилъ Дугласа, когда тотъ былъ у него въ гостяхъ, въ собственномъ своемъ королевскомъ замкѣ, въ Скирлингѣ.

— Въ Стирлингѣ, ваше величество; это было дѣло, отъ котораго вышло мало добра.

— Стирлингъ, говоришь ты? возразилъ король, пропустивъ мимо ушей послѣднюю часть рѣчи Квентина: — Ну, пусть будетъ Стирлингъ — имя ничего не значить. Но я не замышляю зла этимъ людямъ... никакого... оно бы мнѣ ни къ чему не послужило. Они, можетъ быть, не такъ честны со мною... Я полагаюсь на твою пищаль.

(*) Впередъ, Шотландія!

— Я буду ждать сигнала, сказалъ Квентинъ: — но все-таки...

— Ты колеблешься — говори; даю тебѣ полную свободу. Отъ такихъ, какъ ты, можно иногда воспользоваться драгоценными намеками.

— Я осмѣлился было сказать, что удивляюсь, какъ ваше величество, имѣя причину не довѣрять этому Бургундцу, допускаете его такъ близко и въ тайнѣ къ своей особѣ.

— О, успокойся, господинъ оруженосецъ! сказалъ король. — Есть опасности, которыя исчезаютъ, когда ихъ встрѣчаютъ, но которыя дѣлаются вѣрными и неизбѣжными, если обнаружишь передъ ними страхъ. Вотъ до какой степени я хочу быть откровененъ съ тобою: для меня важно, чтобъ этотъ челоуѣкъ не возвратился къ своему бѣшеному герцогу въ мстительномъ расположеніи духа, и потому рискую. Я никогда не боялся подвергать опасности жизнь свою, если это было нужно для пользы моего королевства... Ступай за мною.

Людовикъ повелъ своего молодого тѣлохранителя, котораго онъ повидимому особенно полюбилъ, черезъ боковую дверь, которою самъ вошелъ въ галерею. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ и переходовъ, король вошелъ въ небольшую комнату со сводами; въ ней былъ поставленъ столъ съ тремя приборами. Мебель и уборы были просты до скудости. Буфетъ, или створчатый, подвижной шкафъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько серебряной и золотой посуды, былъ

во всей залѣ единственнымъ предметомъ, сколько нибудь напоминавшимъ царственное убранство. За этимъ шкафомъ былъ совершенно незамѣтный постъ, указанный Людовикомъ Дорварду. Отходя въ разныя части залы, чтобъ убѣдиться, что часовой дѣйствительно не можетъ быть видимъ ни съ которой стороны, король отдалъ ему послѣднее приказаніе: — Помни: *Esosse en avant*; и лишь только я произнесу эти слова, въ то же мгновеніе сваливай шкафъ — не щади ни кубковъ, ни блюдъ, и смотри, хсрошенько прицѣлься въ Крэкёра; если промахнешься, налети на него и доканай кинжаломъ... мы съ Оливье можемъ управиться съ прелатомъ.

Сказавъ это, онъ громко свиснулъ и позвалъ въ комнату Оливье, бывшаго первымъ камердинеромъ, равно какъ и бородобреемъ, въ сущности же исправлявшимъ всѣ обязанности, непосредственно касавшіяся личной прислуги королю; онъ вошелъ въ сопровожденіи двухъ стариковъ, — единственныхъ прислужниковъ за королевскимъ столомъ. Лишь только король занялъ свое мѣсто, въ столовую вошли гости; Квентинъ, никѣмъ невидимый, былъ въ такомъ положеніи, что могъ рассмотреть всѣ подробности этого свиданія.

Король привѣтствовалъ своихъ гостей съ радушіемъ, которое Квентину до крайности трудно было согласить съ только что полученными повелѣніями и цѣлью, для которой онъ былъ поставленъ за буфетомъ, съ смертоноснымъ оружіемъ въ рукахъ. Людовикъ, казалось, не только не имѣлъ никакого опасенія, но даже

можно было предполагать, что гости, удостоенные имъ высокой чести быть допущенными къ королевскому столу, были именно тѣ самыя особы, на которыхъ онъ могъ безусловно положиться и которыхъ ему больше всего хотѣлось почтить своею благосклонностью. Ничто не могло быть величавѣе и въ то же время вѣжливѣе его обращенія. Тогда какъ все вокругъ его, не исключая даже его собственного костюма, было далеко ниже пышности, которую выказывали на своихъ пирахъ даже мелкіе феодальныя владѣльцы королевства, языкъ его и приемы показывали государя могущественнаго, находящагося въ самомъ снисходительномъ расположеніи духа.

Пока гости сѣли за столъ, его величество окинулъ ихъ однимъ быстрымъ взглядомъ и потомъ устремилъ глаза на то мѣсто, гдѣ стоялъ Квентинъ. Это было сдѣлано въ одно мгновеніе; но при этомъ взглядѣ Людовика было столько недовѣрчивости и ненависти къ гостямъ, столько повелительнаго напominанія Квентину, чтобъ онъ былъ бдителенъ въ наблюденіи и скоръ въ исполненіи, что молодому Шотландцу не осталось возможности предполагать перемѣны въ чувствахъ его повелителя. Поэтому онъ больше нежели когда нибудь удивлялся непроницаемому покрову, подъ которымъ этотъ государь могъ такъ искусно скрывать движенія своего подозрительнаго характера.

Забывъ, повидимому, вполне тотъ тонъ, которымъ Крэкерь говорилъ ему при собраніи всего двора, король разговаривалъ съ нимъ о прошлыхъ временахъ,

о событіяхъ, происшедшихъ во время его собственнаго изгнанничества въ Бургундіи, разспрашивалъ обо всѣхъ вельможахъ, съ которыми онъ тогда былъ въ сношеніяхъ, какъ будто этотъ періодъ былъ счастливѣйшимъ въ его жизни и какъ будто онъ сохранилъ ко всѣмъ, старавшимся усладить его изгнаніе, самое дружественное и благодарное расположеніе. — Для приѣма посланника другой державы, говорилъ онъ: — я бы еще употребилъ какой нибудь церемоніаль; но старому другу, который часто раздѣлялъ мою трапезу въ Женаппскомъ Замкѣ (*), я хотѣлъ показать себя такимъ, какимъ я лучше всего люблю жить, — старымъ Людовикомъ де-Валуа, такимъ же простымъ и безцеремоннымъ, какъ любой изъ его парижскихъ *badauds*. Но я велѣлъ приготовить для васъ, господинъ графъ, столъ получше обыкновеннаго, зная вашу бургундскую пословицу: хорошій обѣдъ лучше красиваго платья, и потому приказалъ позаботиться о нашемъ обѣдѣ. Что до вина, вы знаете, оно всегда было предметомъ, стариннаго соревонованія между Франціей и Бургундіей, и мы теперь постараемся примирить ихъ: я выпью бургундскаго, а вы отвѣчайте мнѣ шампанскимъ. — Оливье, налей мнѣ кубокъ оксеррскаго вина! — И онъ весело пробормоталъ хорошо извѣстную тогда пѣсню:

«Auxerre est la boisson des Rois (**).

(*) Въ продолженіе пребыванія своего въ Бургундіи, при жизни отца, Людовикъ обыкновенно жилъ въ Женаппѣ.

(**) «Оксеррское вино — напитокъ королей.

— Вотъ, графъ, я пью за здоровье благороднаго герцога бургундскаго, нашего добраго и любезнаго кузена. — Оливье, наполни тотъ золотой кубокъ реймскимъ и поднеси его графу на колѣняхъ: онъ представляетъ особу нашего любезнаго братца. Мы сами нальемъ вашъ кубокъ, господинъ кардиналъ.

— Вы уже переполнили его черезъ край, ваше величество, сказалъ кардиналъ съ униженною миной любимца, обращающагося къ своему снисходительному повелителю.

— Потому что мы знаемъ, ваше высокопреосвященство можете держать его твердою рукою, возразилъ Людовикъ. — Но чью сторону принимаете вы въ великомъ соперничествѣ — силлери (шампанское вино) или оксерръ, Франціи или Бургундіи?

— Я останусь нейтральнымъ, государь, сказалъ кардиналъ: — и наполню свой кубокъ оверньскимъ.

— Роль нейтральнаго бываетъ иногда опасна, замѣтилъ король; однако, видя, что кардиналъ нѣсколько покраснѣлъ, онъ уклонился отъ этого предмета и прибавилъ: — Но вы предпочитаете оверньское потому, что вино это благородно: оно не терпитъ воды. — Вы, господинъ графъ, колеблетесь опорожнить кубокъ. Я увѣренъ, вы не нашли на днѣ его національной горечи.

— Я бы желалъ, государь, отвѣчалъ графъ де-Крѣвкеръ: — чтобъ всѣ національные распри могли быть кончены такъ же пріятно, какъ соперничество между нашими виноградниками.

— Современемъ, господинъ графъ, сказалъ король:

— современемъ — не долѣе того, сколько вамъ было нужно для осушенія вашего шампанскаго. — А теперь когда оно уже выпито, вы обяжете меня, положивъ кубокъ къ себѣ за пазуху и сохранивъ его, какъ знакъ нашего уваженія. Не для всякаго были бы мы готовы разстаться съ нимъ. Кубокъ этотъ принадлежалъ бывшей нѣкогда грозѣ Франціи, Генриху VIII-му англійскому, и былъ взятъ при сдачѣ Руана и изгнаніи островитянъ изъ Нормандіи соединеннымъ оружіемъ Франціи и Бургундіи. Всего приличнѣе предложить его доблестному бургундскому вельможѣ, которому хорошо извѣстно, что при союзѣ этихъ двухъ державъ безопасна твердая земля Европы отъ англійскаго ига.

Графъ сдѣлалъ на это приличный отвѣтъ и Лисловикъ съ полною непринужденностью предался сатирической веселости, которая иногда прояснивала темнѣйшія тѣни его мрачнаго характера. Онъ владѣлъ разговоромъ, и, разумѣется, замѣчанія его, всегда тонкія и ѣдкія, и часто дѣйствительно остроумныя, рѣдко бывали добродушны; анекдоты, которыми онъ пояснял ихъ, были часто болѣе забавны, нежели деликатны; но ни однимъ словомъ, ни однимъ звукомъ, ни одною буквою не обнаружилъ онъ состоянія духа человѣка, который, опасаясь умерщвленія, имѣетъ въ своемъ покоѣ вооруженнаго воина съ заряженною писталлю, въ полной готовности предупредить нападеніе на его особу.

Графъ де-Крэвкёръ чистосердечно увлекся весе-

лостью короля; а льстивый прелатъ смѣялся каждой шуткѣ.

Часа черезъ полтора обѣдъ кончился, и король, учтиво простившись съ своими гостями, показалъ, что ему желательно остаться одному.

Когда всѣ, и даже Оливье, удалились, онъ вызвалъ Квентина изъ засады, но голосомъ, до такой степени слабымъ, что юноша едва могъ повѣрить, что съ нимъ говоритъ тотъ же человѣкъ, который такъ недавно одушевлялъ разговоръ и приправлялъ его такою непринужденною шутливостью. Приблизясь къ королю, онъ замѣтилъ такую же перемену въ лицѣ его. Блескъ притворной живости уже потухъ въ глазахъ короля, улыбка исчезла съ устъ его, и онъ обнаружилъ все изнеможеніе знаменитаго актера, оканчивающаго утомительное олицетвореніе какого нибудь любимаго характера, въ которомъ, пока онъ былъ на сценѣ, ему приходилось выказывать величайшее одушевленіе.

— Твой караулъ еще не конченъ, сказалъ онъ Квентину: — освѣжись скорѣе; на томъ столѣ найдешь все, что нужно, — потомъ я объясню тебѣ твою дальнѣйшую обязанность. А между тѣмъ, плохой разговоръ между сытымъ и голоднымъ...

Онъ откинулся назадъ въ креслахъ, закрылъ чело рукою и замолчалъ.

ХІ.

РОЛАНДОВА ЗАЛА.

Хотя Людовикъ ХІ и былъ однимъ изъ государей, наиболѣе любившихъ власть, однакоже онъ добивался существеннаго наслажденія ею; хотя онъ вполне сознавалъ почести, слѣдующія его сану, и по временамъ строго за нихъ взыскивалъ, но вообще былъ странно небреженъ относительно внѣшностей.

Въ государь съ добрыми нравственными качествами, непринужденность, съ которою онъ приглашаетъ за свой столъ подданныхъ, или даже иногда самъ сидитъ за столомъ ихъ, должна бы быть въ высшей степени уважаема; даже каковъ бы ни былъ Людовикъ ХІ, простота обращенія его выкупала многіе изъ его пороковъ въ глазахъ того разряда подданныхъ, которые менѣе другихъ подвергались слѣдствіямъ его подозрѣній. Средній классъ Франціи, поднявшійся до высокой степени богатства и важности въ царствованіе этого благоразумнаго государя, уважалъ, хотя и не любилъ его. Опираясь на помощь этого класса, онъ былъ въ состояніи держаться противъ ненависти вельможъ и дворянъ, думавшихъ, что онъ унижаетъ честь французской короны и помрачаетъ ихъ собственныя блестящія привилегіи тѣмъ самымъ пренебреженіемъ внѣшнихъ церемоній, которое правилось гражданамъ и среднему сословію.

Съ терпѣніемъ, которое большая часть другихъ государей сочла бы унижительнымъ, даже не безъ нѣкотораго удовольствія, король Франціи дожидался, пока его молодой тѣлохранитель утолялъ свой жадный аппетитъ. Можно однако предполагать, что Квентинъ былъ благоразуменъ и не подвергалъ царственного терпѣнія слишкомъ долгому испытанію. Дѣйствительно, онъ нѣсколько разъ хотѣлъ уже отстать отъ своей трапезы, но Людовикъ не допускалъ его до этого. «Вижу по глазамъ твоимъ, говорилъ онъ добродушно: — что храбрость твоя и въ половину не успокоилась. Продолжай! Богъ и Сень-Дени! нападай снова! Скажу тебѣ, что ѣда и обѣдня (тутъ онъ перекрестился) никогда еще не портили дѣла ни одного христіанина. Выпей кубокъ вина, но помни, что съ виномъ надобно быть осторожнымъ: это порокъ твоихъ земляковъ, такъ же какъ и Англичанъ, которые, безъ этого недостатка, были бы лучшими воинами, когда либо надѣвавшими брюню... Ну, ступай за мною.»

Квентинъ повиновался. Другимъ, но столь же запутаннымъ ходомъ, какъ и прежній, они вошли въ Роландовую Залу. — Замѣть себѣ, сказалъ повелительно Людовикъ: — что ты вовсе не оставлялъ этого поста; пусть это будетъ твоимъ отвѣтомъ дядѣ и товарищамъ, — а, чтобъ крѣпче привязать такое воспоминаніе къ твоей памяти, дарю тебѣ эту золотую цѣпь (тутъ онъ бросилъ ему на руку довольно драгоценную цѣпь). Если я самъ не хожу щеголемъ, то люблю, чтобъ тѣ, кому я вѣрю, могли щеголять наравнѣ съ другими. Но если цѣпи такого рода не свя-

зываютъ языка, то, — чтобъ онъ не болтался слишкомъ свободно, — у кума моего, Пустынника, есть для глотокъ ожерелья, которыя лучше всего заставляютъ молчать. Теперь слушай: никто, кромѣ Оливье или меня, не долженъ входить сюда; но могутъ прійти дамы съ того конца залы или съ другаго, можетъ быть и по одной съ каждаго. Можешь отвѣчать имъ, если онѣ съ тобою заговорять; но такъ какъ ты на часахъ, то отвѣтъ твой долженъ быть коротокъ; самъ ты не долженъ ни обращаться къ нимъ въ свою очередь, ни затѣвать продолжительнаго разговора. Слушай, что онѣ будутъ говорить. Уши твои, такъ же, какъ и руки, — мои: я купилъ твое тѣло и душу. И потому, если ты услышишь что нибудь изъ ихъ разговора, долженъ запомнить, пока не сообщишь этого мнѣ, а потомъ забыть все... Однакожь, обдумавъ это лучше, я вижу, что дѣльнѣе всего будетъ, если ты пойдешь за шотландскаго новобранца, прибывшаго прямо изъ своихъ горъ и еще ненаучившагося нашему христіаннѣйшему языку... Прекрасно!... И такъ, если онѣ съ тобою заговорять, ты *не будешь* отвѣчать имъ: это освободитъ тебя отъ затрудненія и заставитъ ихъ непринужденно разговаривать между собою въ твоемъ присутствіи. Понимаешь?... Прощай. Будь осмотрителенъ — и ты имѣешь друга.

Король тотчасъ же, послѣ произнесенія этихъ словъ, исчезъ за обоями, оставя Квентина размышлять на свободѣ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Молодой человекъ былъ въ одномъ изъ тѣхъ положеній,

въ которыхъ пріятнѣе смотрѣть впередъ, нежели оглядываться назадъ: размышленіе о томъ, что его поставили, какъ стрѣлка въ кустарникѣ, подстерегать оленя, чтобъ лишить жизни благороднаго графа де-Крѣвкера, не имѣло въ себѣ ничего облагороживающаго. Правда, мѣры короля были въ этомъ случаѣ только оборонительныя, предписываемыя осторожностью; но могъ ли Дорвардъ знать, что ему въ скоромъ времени не прикажутъ исполнить какого нибудь наступательнаго порученія въ томъ же родѣ? Такое положеніе было бы весьма непріятно. По характеру короля было ясно, что отказаться отъ этого будетъ гибельно. Онъ отвратилъ свои мысли отъ этого предмета мудрымъ утѣшеніемъ, такъ часто успокоивающимъ молодыхъ людей, когда имъ представляютъ впереди опасность, — что будетъ еще время выбирать, когда крайность дѣйстви-тельно настанетъ, и что ея будетъ достаточно для того дня, когда она прійдетъ.

Наконецъ, дверь заскрипѣла и зазвенѣла (потому что въ пятнадцатомъ столѣтіи, даже во дворцахъ, двери не обращались на своихъ петляхъ такъ же безшумно, какъ въ наше время) и показалась женская фигура; за нею появились двѣ другія, которымъ первая знакомъ велѣла остаться, а сама вошла въ залу. По ея неловкой и неровной походкѣ, еще болѣе замѣтной, когда она проходила по длинной галереѣ, Квентинъ тотчасъ узналъ принцессу Жанну. Съ почтеніемъ, подобающимъ ея сану, выпрямился онъ и отдалъ ей честь оружіемъ, когда она проходила мимо.

Она отблагодарила его благосклоннымъ наклоненіемъ головы, и Квентинъ имѣлъ случай разсмотрѣть лицо ея подробнѣе, нежели ему удалось въ то утро.

Въ лицѣ этой злополучной принцессы немногое испукало разительные недостатки стана и походки. Физіономія ея, хотя и была лишена красоты, но не имѣла въ себѣ ничего непріятнаго; въ большихъ голубыхъ глазахъ ея, почти всегда потупленныхъ, выражалась кротость страдальческой покорности. Но кромѣ того, что она была чрезвычайно блѣдна, кожа ея имѣла тотъ безцвѣтный желтоватый отливъ, который всегда сопровождаетъ постоянную болѣзненность; хотя зубы ея были бѣлы и правильны, но губы блѣдны и безкровны. У принцессы были густые русые волосы, но такого свѣтлаго и льнянаго цвѣта, что они почти казались съ синеватымъ отливомъ; прислужница ея, безъ сомнѣнія, считавшая роскошное изобиліе волосъ своей госпожи красотою, не слишкомъ украсила ее, убравъ ихъ кудрями вокругъ ея блѣднаго лица, которому онѣ придали почти мертвенное, неземное выраженіе. Чтобъ испортить дѣло еще больше, на принцессу надѣли спенсеръ изъ свѣтлозеленой шелковой матеріи, которая придавала ей видъ привидѣнія, даже страшилища.

Пока Квентинъ слѣдилъ взорами за этимъ страннымъ видѣніемъ, съ любопытствомъ, къ которому примѣшивалось сожалѣніе, потому что каждый взглядъ и каждое движеніе принцессы вызывали это чувство, — двѣ дамы вошли съ другого конца залы.

Одна изъ нихъ была молодая особа, которая, по

приказанію Людовика, подавала сушенные фрукты, когда Квентинъ такъ оригинально завтракалъ въ «Лиліяхъ». Явясъ теперъ (въ этомъ Квентинъ былъ твердо убѣжденъ) знатною наслѣдницею богатаго графства, красавица произвела на него вдесятеро сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели тогда, когда онъ видѣлъ въ ней дочь презрѣннаго трактирщика, прислуживающую богатому и капризному старому торгашу. А между тѣмъ, одежда ея была почти такъ же проста, какъ и тогда, потому что она была въ глубокомъ траурѣ, безъ всякихъ украшеній. Головной уборъ ея состоялъ изъ креповаго покрывала, совершенно откинутаго назадъ, такъ что лицо ея оставалось вполне открытымъ.

Дорвардъ отдалъ красавицѣ и спутницѣ ея ту же почеть, которую отдалъ принцессѣ королевской крови. Онѣ приняли его воинское привѣтствіе, какъ особы, привыкшія къ почтенію со стороны низшихъ, и отблагодарили его вѣжливо.

Спутница юной графини, одѣтая такъ же просто, какъ и она, и также въ глубокомъ траурѣ, была среднихъ лѣтъ; слѣды красоты ясно говорили, какъ она была прекрасна въ юности. Она была высока ростомъ и величава; походка ея казалось даже нѣсколько надменною. Отблагодаривъ Квентина Дорварда улыбкою величавой свисходительности, она шепнула потомъ что-то на ухо своей молодой спутницѣ, которая обратилась къ воину, какъ будто въ слѣдствіе какого нибудь намека старшей дамы, но, не смотря на то, отвѣчала ему, не поднимая глазъ.

Когда вошли въ комнату эти двѣ женщины, то

принцесса Жанна остановилась, чтобъ принять ихъ, чувствуя, можетъ быть, что движеніе худо идетъ къ ней; она казалась смущенною, не зная, какъ принимать ихъ привѣтствія, какъ отвѣчать на нихъ, и старшая дама, вѣроятно не зная сана той, къ кому обращалась, отвѣчала на ея вѣжливость такъ, что скорѣе можно было подумать, что она дѣлаетъ ей честь этимъ свиданіемъ, а не принимаетъ его, какъ честь, которою ее удостоиваетъ принцесса. — Радуюсь, сударыня, сказала она съ улыбкою, выражавшею снисхожденіе и благосклонность: — что намъ наконецъ дозволено пользоваться обществомъ такой почтенной особы нашего пола, какою вы мнѣ кажетесь. Я должна сказать, что племянницѣ и мнѣ самой не за многое прійдется благодарить гостепріимство короля Людовика... Будь покойна, племянница; нечего дергать меня за рукавъ — я увѣрена, что читаю въ глазахъ этой молодой дамы участіе къ нашему положенію. Съ тѣхъ поръ, какъ мы прибыли сюда, сударыня, съ нами обходились немногимъ лучше, чѣмъ обходятся съ плѣнницами; послѣ тысячи приглашеній предать наше дѣло и насъ самихъ подъ покровительство Франціи, христіаннѣйшій король сперва назначилъ жалкую гостиницу для нашего мѣстопробыванія, а потомъ уголокъ въ этомъ сѣднномъ молью дворцѣ, изъ котораго намъ позволяется выползати только съ солнечнымъ закатомъ, какъ будто мы совы или летучія мыши, которыхъ появленіе при дневномъ свѣтѣ считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

— Мнѣ очень жаль, сказала принцесса, запинаясь

отъ неловкаго замѣшательства: — что мы до сихъ поръ не были въ силахъ принять васъ, какъ вы того заслуживаете. Племянница ваша, я увѣрена, не такъ недовольна?

— О, напротивъ, гораздо довольнѣе, нежели я могу выразить, отвѣчала молодая графиня: — Я искала только безопасности, а нашла уединеніе. Одиночество нашего перваго затворничества и еще большее отшельничество, предписанное намъ теперь, увеличиваютъ въ глазахъ моихъ милость короля къ несчастнымъ бѣглянкамъ.

— Молчи, безумная! Будемъ лучше говорить по совѣсти, потому что мы наконецъ наединѣ съ особою нашего пола; — говорю наединѣ, потому что этотъ молодой воинъ скорѣе похожъ на статую, и ему, по видимому, отказано въ свободномъ употребленіи членовъ; мнѣ сказали также, что онъ имѣетъ недостатокъ и въ языкѣ, покрайней мѣрѣ въ образованномъ... Я ожидала великолѣпнаго пріема, турнировъ, каруселей, пышныхъ зрѣлищъ — и, вмѣсто всего этого, нашла мракъ и затворничество! Лучшее общество, какимъ король насъ удостоилъ, состояло въ какомъ-то цыганскомъ бродягѣ, черезъ котораго мы имѣли позволеніе переписываться съ друзьями нашими во Фландріи... Можетъ быть, продолжала старшая дама: — политическая цѣль заставляетъ его запереть насъ здѣсь до конца жизни, чтобъ потомъ на свободѣ захватить наши владѣнія, послѣ пресѣченія стариннаго дома де-Круай. Герцогъ бургундскій былъ не такъ жестокъ: онъ предложилъ моей племянницѣ супруга, хоть и дурного...

— Я думаю, что монастырь предпочтительнѣе злого супруга, сказала принцесса, съ трудомъ дождавшаяся случая сказать одно слово.

— Покрайней мѣрѣ, можно желать свободы, выбора, сударыня, возразила словоохотливая дама. Все это, однакожь, нисколько не оправдываетъ короля, котораго поведеніе, равно какъ и фигура, скорѣе напоминаютъ какого нибудь гентскаго мѣнялу, нежели наследника Карла Великаго.

— Остановитесь! сказала принцесса нѣсколько рѣзкимъ тономъ: — вспомните, что вы говорите о моемъ отцѣ.

— О вашемъ отцѣ? возразила съ удивленіемъ бургундская дама.

— О моемъ отцѣ, съ достоинствомъ повторила принцесса: — Я Жанна французская. — Но не бойтесь, продолжала она кроткимъ, свойственнымъ ей тономъ: — вы не имѣли намѣренія оскорбить меня, и я не сержусь нисколько. Располагайте моимъ вліяніемъ, чтобъ сдѣлать сносно ваше затворничество, равно какъ и отшельничество этой интересной особы. Конечно, немногое въ моей власти — но я предлагаю свои услуги отъ чистаго сердца.

Съ низкимъ и почтительнымъ поклономъ приняла Амелина де-Круай (такъ называлась старшая дама) обязательное предложеніе покровительства со стороны принцессы. Графиня долго жила при дворахъ, въ высшей степени обладала приобрѣтаемыми тамъ привычками и твердо держалась постоянныхъ правилъ придворныхъ всѣхъ вѣковъ. Хотя люди этого разряда и

любятъ въ частныхъ разговорахъ распространяться о странностяхъ своихъ государей, объ обидахъ и небреженіи, которыя имъ самимъ приходилось терпѣть, но они никогда не позволяютъ себѣ подобныхъ намековъ въ присутствіи самаго властелина, или когонибудь изъ его семейства. Такимъ образомъ, дама была до крайности недовольна своею ошибкою, что такъ непочтительно говорила о королѣ при его дочери.

Принцесса Жанна сѣла въ кресло съ свойственнымъ ей достоинствомъ и упросила обѣихъ дамъ сѣсть подлѣ себя; младшая исполнила это съ непритворною и почтительною застѣнчивостію, а старшая съ видомъ глубокаго смиренія и покорности. Дамы разговаривали между собою, но такъ тихо, что часовой не могъ слышать ни одного слова, и только замѣтилъ, что принцесса оказывала больше расположенія къ младшей, болѣе интересной дамѣ, а графиня Амелина, хотя и говорила гораздо больше, не столько привлекала на себя вниманіе принцессы своею словоохотливостію, сколько племянница ея кроткими и скромными отвѣтами на то, что говорила ей принцесса Жанна.

Бесѣда дамъ продолжалась около четверти часа, какъ вдругъ отворилась дверь нижняго конца залы и вошелъ мужчина, завернутый въ охотничій плащъ. Помня повелѣніе короля и рѣшась, чтобъ его опять не застали дремлющимъ, Квентинъ Дорвардъ тотчасъ же направился къ незваному гостю, и, ставъ между имъ и дамами, требовалъ, чтобъ онъ немедленно удался. — По чьему приказанію? спросилъ незнакомецъ тономъ презрительнаго удивленія.

— По приказанію короля, твердо отвѣчалъ часовой: — для исполненія котораго я долженъ буду употребить силу.

— Не противъ Людовика Орлеанскаго! сказалъ герцогъ, сбрасывая съ себя плащъ.

Молодой человѣкъ на мгновеніе задумался; но какъ прибѣгнуть къ силѣ противъ перваго принца крови, который, какъ носились общіе слухи, долженъ былъ въ скоромъ времени еще ближе породниться съ семействомъ короля?

— Не смѣю протривиться желанію вашего высочества, сказалъ Квентинъ: — Я увѣренъ, ваше высочество засвидѣтельствуете, что я исполнилъ свою обязанность, на сколько вы допустили.

— Не бойся; ты не заслужишь нареканія, молодой воинъ, возразилъ орлеанскій. Послѣ этого онъ пошелъ къ принцессѣ съ тѣмъ принужденіемъ, которое всегда отражалось въ его вѣжливости, когда онъ подходилъ къ ней.

Онъ сказалъ принцессѣ, что обѣдая съ Дюнуа и услышавъ, что въ Роландовой Галереѣ собралось общество, рѣшился взять смѣлость присоединиться къ нему.

Румянецъ, появившійся на блѣдныхъ щекахъ несчастной принцессы, и на ту минуту сдѣлавшій лицо ея нѣсколько привлекательнымъ, ясно показывалъ, что она была вовсе равнодушна къ такому увеличенію общества. Она поспѣшила представить принцу обѣихъ графинь де-Круай, принявшихъ его съ почтеніемъ,

подобоящимъ его высокому сану; потомъ, указавъ на стулъ, пригласила его участвовать въ ихъ бесѣдѣ.

Герцогъ отказался сѣсть на стулъ въ такомъ обществѣ; но, взявъ подушку съ одной изъ скамеекъ, положилъ ее на полъ и усѣлся такъ, что могъ, не казавшись невнимательнымъ къ принцессѣ, удѣлять большую часть своего вниманія ей молодой сосѣдкѣ и скоро такъ увлекся, что сталъ говорить исключительно ей, пересыпая свою рѣчь безпрестанными комплимен-тами.

Молодой графинѣ де-Круай этотъ разговоръ былъ въ тягость и наконецъ она сдѣлала рѣшительное уси-ліе прервать его, тѣмъ болѣе, что поведеніе герцога видимо огорчало принцессу.

Обратясь къ Жаниѣ, она сказала скромно, но съ нѣкоторою твердостью, что первая милость, которой она хочетъ просить у принцессы, общавшей ей свое покровительство, будетъ состоять въ убѣжденіи герцога орлеанскаго, что бургундскія дамы, хотя манерами и остроуміемъ ниже французскихъ, однако не такъ же просты, чтобъ имъ только нравились разговоры, состоящіе исключительно изъ непомѣрныхъ комплимен-товъ.

Принцесса, не въ силахъ долѣе выдерживать пре-небреженіе своего жениха, откинулась назадъ въ крес-лахъ со вздохомъ. — У меня что-то вдругъ заболѣла голова, сказала она, стараясь улыбнуться: — но это сейчасъ пройдетъ.

Усиливавшаяся блѣдность противорѣчила словамъ

ея, и графиня Амелина рѣшилась призвать на помощь, видя, что принцесса лишается чувствъ.

Герцогъ поспѣшно бросился за свитою принцессы, остававшеюся въ сосѣднемъ покоѣ; когда свита прибѣжала съ нужными пособіями, онъ, какъ мужчина и кавалеръ, долженъ былъ ограничить свою заботливость только тѣмъ, что поддерживалъ принцессу и помогалъ ея женщинамъ. Голосъ его, сдѣлавшійся почти нѣжнымъ отъ сожалѣнія и признанія своей вины, сильнѣе всего содѣйствовалъ приведенію ея въ чувство. Въ то время, когда обморокъ уже почти миновался, въ залу вошелъ король.

XII.

ПОЛИТИКЪ.

Людовикъ, нахмурился и обвелъ изъ подъ своихъ сдвинутыхъ и мрачныхъ бровей быстрымъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ; въ это время, — какъ Квентинъ рассказывалъ въ послѣдствіи, — глаза его казались до того маленькими, свирѣпыми и пронзительными, что походили на глаза пробужденной змѣи, выглядывающей изъ-за куста, за которымъ лежитъ она.

Удостоверившись въ причинѣ суматохи, король прежде всего обратился къ герцогу орлеанскому. — Вы здѣсь любезный родственникъ? сказалъ онъ; по-

томъ, обратясь къ Квентину, прибавилъ сурово: — Развѣ ты забылъ мое повелѣніе?

— Простите молодого человѣка, государь, сказалъ герцогъ: — онъ не былъ нерадивъ къ своей обязанности; но мнѣ сказали, что принцесса въ этой галерѣе...

— Ручаюсь, вы не хотѣли бы встрѣтить препятствій, когда шли сюда, чтобъ привѣтствовать свою невѣсту, сказалъ король, котораго лицемѣріе упорно настаивало на томъ, чтобъ представлять герцога раздѣляющимъ чувства къ нему несчастной принцессы: — и для этого вы портите часовыхъ моей гвардіи, молодой человѣкъ!...

Герцогъ орлеанскій поднялъ голову, чтобъ отвѣчать и поправить ошибочное мнѣніе короля; но инстинктивное почтеніе къ Людовику, чтобъ не сказать страхъ, въ которомъ онъ былъ воспитанъ съ самаго дѣтства, сковалъ языкъ его. — Жанна была нездорова? сказалъ король: — но не огорчайся, Орлеанъ; все это скоро пройдетъ; подай ей руку и отведи свою невѣсту въ ея комнаты, а я самъ провожу этихъ дамъ къ нимъ.

Орлеанскій повиновался и пошелъ вмѣстѣ съ принцессою къ одной оконечности залы, тогда какъ король, снявъ перчатку съ правой руки, вѣжливо проводилъ графиню Изабеллу и ея тетку къ ихъ комнатѣ, затворилъ за ними дверь съ большимъ спокойствіемъ и, повернувъ огромный ключъ, вынулъ его изъ замка и привѣсилъ къ поясу: украшеніе это сдѣлало его еще больше похожимъ на стараго скрягу, который не мо-

жетъ никуда идти, пока не унесъ съ собою ключа отъ кладовой.

Тихо, задумчиво, съ опущенными въ землю взорами, направился король къ Квентину Дорварду. — Ты худо поступилъ, сказалъ Людовикъ, поднявъ глаза и устремивъ на часового неподвижный взглядъ: — ты поступилъ скверно и заслуживаешь смерти... Ни слова въ оправданіе! Какое тебѣ было дѣло до принцевъ и принцессъ? Какое дѣло до чего бы то ни было, кромѣ моего повелѣнія?

— Но, ваше величество, что я могъ сдѣлать?

— Что ты могъ сдѣлать, когда насильно прошли мимо твоего поста? отвѣчалъ презрительно король. — За чѣмъ же у тебя оружіе на плечѣ? Ты бы долженъ былъ прицѣлиться; а еслибъ дерзкій мятежникъ не удался въ то же мгновеніе, онъ долженъ бы былъ умереть здѣсь, на мѣстѣ. Ступай, иди въ этотъ рядъ покоевъ. Въ первомъ ты увидишь широкую лѣстницу, которая ведетъ во внутреннюю судейскую: тамъ ты найдешь Оливье. Пошли его ко мнѣ, а самъ отправляйся въ свою казарму. Если ты во что нибудь цѣнишь свою жизнь, не будь такъ же слабъ на языкъ, какъ былъ сегодня слабъ на руку.

Весьма довольный тѣмъ, что ему удалось отдѣлаться такъ дешево, но съ душою, возмущенною отъ хладнокровнаго жестокосердія, котораго король, повидимому, требовалъ отъ него въ исполненіи его обязанности, Дорвардъ пошелъ по указанному пути, сбѣжалъ съ лѣстницы и сообщилъ королевское приказаніе Оливье, который дожидался внизу.

Повѣренный любимецъ войдя въ Роландову Залу, нашель короля задумчиво сидящимъ въ креслахъ, на которыхъ на нѣсколько минутъ передъ тѣмъ сидѣла дочь его. — И такъ, Оливье, твои прекрасные замыслы таятъ, какъ снѣгъ при южномъ вѣтрѣ! произнесъ король: — Молю нашу амбренскую владычицу, чтобъ они не походили на снѣжные глыбы, о которыхъ швейцарскіе мужики рассказываютъ такія повѣсти, и не обрушились на наши головы.

— Я съ сожалѣніемъ слышалъ, что не все благополучно, государь, отвѣчалъ Оливье.

— Не благополучно! воскликнулъ король, вставъ и начавъ ходить скорыми шагами назадъ и впередъ по галереѣ: — все дурно, почти такъ дурно, какъ только возможно. Вотъ слѣдствія твоего нѣжнаго, романческаго совѣта, чтобъ я, предпочтительно передъ всѣми, сдѣлался покровителемъ бѣдствующихъ красавицъ! Говорю тебѣ, Бургундія вооружается и готовится заключить союзъ съ Англіей. А Эдуардъ, которому дома нечего дѣлать, высыплетъ на насъ свои тысячи черезъ эти несчастныя ворота Кале. По одиночкѣ, я бы еще могъ опутать ихъ; но когда они соединятся... когда соединятся — да къ тому еще, неудовольствіе и измѣна этого гнустнаго Сень-Поля... Все твоя вина, Оливье: ты совѣтовалъ мнѣ принять женщинъ и употребить услуги проклятаго Цыгана, чтобъ доставить письма къ ихъ вассаламъ.

— Вашему величеству извѣстны мои причины. Владѣнія графини находятся между границами Бургундіи и Фландріи; замокъ ея почти неодолимъ; права ея на

сосѣднія имѣнія таковы, что, если ихъ хорошенько поддержать, они надѣлаютъ много хлопотъ Бургундіи, лишь бы графиню выдать замужъ за когонибудь, кто бы былъ преданъ Франціи.

— Да, сказалъ король. Еслибъ мы могли скрыть ее здѣсь, то устроили бы для этой богатой наслѣдницы такое супружество, которое было бы очень выгодно Франціи... Но этотъ мерзавецъ Цыганъ — какъ ты могъ предложить эту языческую собаку для такого порученія, которое требовало довѣренности?

— Не угодно ли вашему величеству вспомнить, сказалъ Оливье: — что вы сами ввѣрились ему слишкомъ много, гораздо больше, нежели я предлагалъ. Онъ бы довольно вѣрно доставилъ письмо родственнику графини, которому она писала, чтобъ онъ держался въ замкѣ и ждалъ скорого подкрѣпленія; но ваше величество сочли нужнымъ испытать его пророческія способности, и онъ сдѣлался обладателемъ тайнъ, которыя стояло труда передать герцогу Карлу.

— Стыдно, стыдно мнѣ!... Однако, Оливье, говорятъ, будто эти языческіе народы происходятъ отъ мудрыхъ Халдеевъ, которые читали тайнства звѣздъ на равнинахъ Сеннаара.

Зная очень хорошо, что король, со всею своею проницательностью, со всѣмъ благоразуміемъ, былъ весьма склоненъ къ тому, чтобъ поддаваться обманамъ гадателей, астрологовъ, предвѣщателей и всѣхъ людей, имѣющихъ притязанія на знаніе таинственныхъ наукъ, и что даже самъ Людовикъ считалъ себя нѣсколько искуснымъ въ этихъ наукахъ, Оливье не смѣлъ оста-

навливаться на этомъ предметѣ, и только замѣтилъ: — Цыганъ былъ однако плохимъ пророкомъ для самого себя; иначе онъ не возвратился бы въ Туръ и уберегъ бы себя отъ заслуженной висѣлицы.

— Часто случается, что люди, одаренные пророческими знаніями, важно возразилъ Людовикъ: — не имѣютъ силы предвидѣть событія, которыя касаются лично ихъ самихъ.

— Если ваше величество позволите, это похоже на то, что человекъ не могъ бы видѣть свою руку при свѣчѣ, которую онъ держитъ, тогда какъ эта же свѣча освѣщаетъ ему всѣ другіе предметы.

— Онъ не можетъ видѣть своего собственнаго лица при свѣтѣ, показывающемъ ему лица другихъ людей, возразилъ Людовикъ: — такое поясненіе вѣрнѣе. Но до этого мнѣ терпеть вѣтъ дѣла. Цыганъ получилъ свою награду, а потому миръ съ нимъ! Но эти дамы...

— Ваше величество можете отослать дамъ де-Круай назадъ въ Бургундію и такимъ образомъ примириться съ герцогомъ. Многіе заговариваютъ, что это было бы безчестно; но если необходимость такой жертвы...

— Еслибъ выгода требовала такой жертвы, Оливье, я не задумался бы нисколько. Я — старая опытная семга и не прогложу крючка удочки потому только, что онъ прикрашенъ перышкомъ, называемымъ честью. Но отправленіе этихъ дамъ назадъ въ Бургундію будетъ хуже, чѣмъ нарушеніе чести: мы тогда должны будемъ проститься со всѣми выгодами, которыя имѣли въ виду, принявъ ихъ сюда. Вѣтъ было бы горестно

отказаться отъ случая поселить друга намъ и врага Бургундіи въ самомъ центрѣ владѣній герцога и такъ близко отъ недовольныхъ городовъ Фландріи. Оливье, я не могу отказаться отъ выгодъ, которыя предстоятъ намъ отъ брака этой дѣвицы съ кѣмъ нибудь изъ нашего дома.

— Ваше величество, сказалъ Оливье послѣ минутнаго размышленія: — можете пожаловать руку ея какому нибудь вѣрному, испытанному другу, который взялъ бы на себя все порицаніе и служилъ бы втайнѣ вашему величеству, тогда какъ явно вы могли бы отречься отъ него.

— А гдѣ мнѣ отыскать такого друга? Выдай я ее за кого нибудь изъ нашихъ мятежныхъ и необузданныхъ вельможъ, развѣ это не будетъ значить сдѣлать его независимымъ? А развѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ вся моя политика не клонится къ тому, чтобъ предупредить всякую возможность къ этому? — Одинъ Дюнуа — ему, и одному ему, я бы еще могъ повѣрить. Онъ сражался бы за французскую корону всегда, въ какомъ бы ни былъ онъ положеніи. Но почести и богатства измѣняютъ людей: я даже не положился бы на Дюнуа...

— Ваше величество можете найти другихъ, сказалъ Оливье самымъ сладкимъ и вкрадчивымъ голосомъ, какимъ онъ когда либо говорилъ съ королемъ, позволявшимъ ему иногда значительную вольность: — людей, совершенно зависящихъ отъ вашей собственной благосклонности, которые безъ вашей поддержки не могли бы существовать, какъ безъ солнца и воздуха

— людей, которые больше мыслятъ, нежели дѣйствуютъ... людей...

— Которые походятъ на тебя, а? — Нѣтъ, Оливье. Клянусь честью, эта стрѣла слишкомъ опрометчиво пущена!... Какъ? потому только, что я балую тебя своею довѣренностью и позволяю тебѣ въ награду постричь по временамъ моихъ добрыхъ подданныхъ, ты воображаешь себя годнымъ въ супруги этому милому созданію и, на придачу, въ графы самаго высокаго полета?

— Ваше величество приписываете мнѣ дерзость, въ которой я вовсе не виновенъ; я не заносусь такъ высоко, сказалъ Оливье.

— Радъ слышать это, пріятель, возразилъ король: — и, правду сказать, считаю тебя тѣмъ разсудительнѣе, что ты отрекаешься отъ подобныхъ мечтаній... Ну, къ дѣлу! Я не смѣю выдать эту красавицу ни за кого изъ своихъ подданныхъ; не смѣю возвратить ее въ Бургундію; не смѣю отправить ее ни въ Англію, ни въ Германію, гдѣ она вѣроятно всего достанется кому нибудь, кто скорѣе пристанетъ къ Бургундіи, чѣмъ къ Франціи... Не можетъ ли твой искусный умъ снабдить насъ какимъ нибудь новымъ соображеніемъ?

Оливье долго молчалъ; наконецъ отвѣчалъ: — Нельзя ли устроить свадьбу между Изабеллою де-Круай и молодымъ Адольфомъ, герцогомъ Гельдернскимъ?

— Что! сказалъ король съ удивленіемъ: — пожертвовать ее свирѣпому злодѣю, который низвергъ, заточилъ и часто грозился умертвить своего родного отца!... Нѣтъ Оливье, нѣтъ — это было бы слиш-

комъ жестоко даже для насъ съ тобою, такъ твердо добивающихся своей превосходной цѣли, блага и мира Франціи, и такъ мало разбирающихъ средства, которыми ея можно достигнуть. Сверхъ того, онъ далекъ отъ насъ, и его ненавидятъ жители Гента и Литтиха. Нѣтъ, подумай о комъ нибудь другомъ.

— Супругъ графини де-Круай долженъ соединять въ себѣ много разнородныхъ достоинствъ: быть другомъ вашему величеству, врагомъ Бургундіи, на столько политикомъ, чтобъ ладить съ Гентцами и Литтихцами, и на столько храбрымъ, чтобъ защищать свои владѣнія противъ могущества герцога Карла. Сверхъ того, онъ долженъ быть знатнаго рода — на этомъ ваше величество настаиваете, — и, на придачу ко всему, прекраснаго и добродѣтельнаго характера: изобрѣтательность моя истощилась!

— Нѣтъ, Оливье, я не такъ сильно... то есть не *очень* сильно забочусь о характерѣ; но мнѣ кажется, что женихъ Изабеллы не долженъ быть такъ повсюду ненавидимъ, какъ Адольфъ Гельдернскій. Напримѣръ, — ужь если мнѣ самому приходится придумывать, — почему бы не Гильюмъ де-ла Маркъ?

— Клянусь вамъ, государь, нельзя жаловаться на то, чтобъ вы требовали слишкомъ высокихъ нравственныхъ качествъ отъ счастливаго смертнаго, если дикій вепрь арденнскій по вашему вкусу. Де-ла Маркъ!... Помилуйте! да онъ самый пресловутый разбойникъ и убійца на всѣхъ границахъ; онъ отлученъ отъ церкви папою за тысячи преступленій.

— Мы освободимъ его отъ этого приговора, другъ Оливье: святая церковь милосерда...

— Онъ почти лишень покровительства законовъ, продолжалъ Оливье: — подъ опалою у имперіи...

— Мы постараемся снять эту опалу, другъ Оливье, продолжалъ король тѣмъ же тономъ.

— И допустивъ даже, что онъ знатнаго рода, сказалъ Оливье: — у него манеры, лицо и вся наружность, такъ же, какъ и сердце, фламандскаго мясника. Да притомъ, какъ онъ встрѣтится съ своею невѣстой? Вашему величеству извѣстно, что онъ не смѣетъ отходить далеко отъ своего Арденскаго Лѣса.

— Объ этомъ нужно будетъ позаботиться, сказалъ король: — и во первыхъ, надобно увѣдомить обѣихъ дамъ стороною, что ихъ нельзя долше держать при здѣшнемъ дворѣ иначе, какъ цѣною войны между Франціей и Бургундіей; но что, не желая предать ихъ моему любезному бургундскому братцу, я желаю, чтобъ онѣ тайно выѣхали изъ моихъ владѣній.

— Онѣ будутъ требовать, чтобъ ихъ отправили въ Англию, сказалъ Оливье.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ король: — мы не смѣемъ (ты меня понимаешь) оскорблять нашего бургундскаго братца до того, чтобъ позволить имъ переправиться въ Англию: этимъ мы навлечемъ на себя столько же его неудовольствіе, какъ оставя ихъ здѣсь. Нѣтъ, нѣтъ! мы довѣримъ ихъ безопасность только церкви; все, что мы въ состояніи сдѣлать, это — помочь графинямъ Изабеллѣ и Амелинѣ де-Круай выѣхать от-

сюда переодѣтыми и съ малою свитою, чтобъ искать убѣжища у литтискаго епископа, который на время пріютитъ Изабеллу въ монастырѣ.

— Если этотъ монастырь защититъ ее отъ Гильюма де-ла Марка, когда онъ узнаетъ о благопріятныхъ для него намѣреніяхъ вашего величества, то я въ немъ очень ошибаюсь.

— Что жь! отвѣчалъ король: — благодаря нашимъ тайнымъ денежнымъ пособіямъ, де-ла Маркъ собралъ себѣ добрую горсть самыхъ неразборчивыхъ воиновъ, какихъ только когда нибудь преслѣдовали законы; съ этимъ народомъ ему удастся держаться въ лѣсахъ въ такомъ положеніи, что онъ равно будетъ опасенъ и герцогу бургундскому и епископу литтискскому. Вепрю нужна только какая нибудь земля, которую бы онъ могъ называть своею; а такъ какъ теперь ему будетъ предстоять прекрасный случай устроиться посредствомъ женитьбы, я думаю, *Pasques dieu!* онъ найдетъ средство выиграть и жениться, не получивъ съ нашей стороны ничего, кромѣ намека. У герцога бургундскаго будетъ тогда въ боку такая заноза, которой никакой ланцетъ нашего времени не вырѣжетъ изъ его мяса. Вепрь Арденнскій, котораго онъ уже объявилъ состоящимъ внѣ законовъ, будетъ подкрѣпленъ обладаніемъ земель зтой прелестной дамы, равно какъ ея замками и феодальнымъ могуществомъ; да прибавь къ этому недовольныхъ Литтихцевъ, которые, клянусь честью, не откажутся въ этомъ случаѣ избрать его въ свои предводители или полководцы... Пусть

тогда Карлъ помышляетъ о войнахъ съ Франціей сколько ему угодно, или пусть благословляетъ тогда свои звѣзды, если Франція сама не будетъ воевать съ нимъ. — Какъ тебѣ нравится мой планъ, Оливье, а?

— Я долженъ уговорить дамъ де-Круай, продолжалъ король: — чтобъ онѣ рѣшились на скорое и тайное бѣгство, подъ вѣрнымъ прикрытіемъ. Это легко будетъ сдѣлать: стоитъ только намекнуть, что иначе мы выдадимъ ихъ бургундскому. Ты долженъ найти средство извѣстить Гильйома де-ла Марка о ихъ движеніяхъ, и тогда пусть онъ самъ избираетъ время начать свое сватовство. Я знаю человѣка, способнаго на то, чтобъ сопровождать ихъ: я намѣренъ послать молодого Шотландца, который сейчасъ только позвалъ тебя сюда.

Оливье промолчалъ съ минуту, какъ будто сомнѣваясь въ благоразуміи такого выбора, и потомъ сказалъ: — Ваше величество довѣряетесь этому чужеземному мальчику слишкомъ рано, противъ своего обыкновенія.

— У меня есть свои причины, отвѣчалъ король. — Ты знаешь (онъ перекрестился) мое благоговѣніе къ св. Юліану. Я молился этому блаженному угоднику позднею ночью третьяго дня; тогда (такъ какъ всякому извѣстно, что онъ патронъ путешественниковъ) я съ умиленіемъ просилъ его, чтобъ онъ увеличилъ число моихъ домашнихъ такими странствующими чужеземцами, которые бы лучше всего могли утвердить во всемъ нашемъ королевствѣ безпредѣльную преданность

нашей волѣ: я далъ доброму святому обѣтъ принять ихъ во имя его, дать имъ приютъ и содержаніе.

— И св. Юліанъ прислалъ къ вашему величеству это длинноногое произведеніе Шотландіи въ отвѣтъ на наши молитвы?

Хотя цирюльникъ хорошо зналъ, что у повелителя его величайшее суевѣріе вознаграждало въ соразмѣрности недостатковъ истинной вѣры, и что не было ничего легче, какъ оскорбить его, коснувшись такого предмета, — хотя, говорю, онъ и зналъ слабость короля и предложилъ свой вопросъ самымъ сладкимъ, простодушнымъ голосомъ, однакожь Людовикъ понялъ заключавшійся въ немъ намекъ и взглянулъ на своего собесѣдника съ величайшимъ неудовольствіемъ. — Пріятель, сказалъ онъ: — тебя хорошо назвали Оливье Чортомъ, если ты такъ осмѣливаешься издѣваться надъ твоимъ государемъ и святыми угодниками. Знаешь ли, что еслибъ ты былъ мнѣ на одно зернышко менѣе нуженъ, я велѣлъ бы повѣсить тебя на томъ дубѣ, передъ замкомъ, въ примѣръ всѣмъ, которые насмѣхаются надъ святыми вещами! — Знай, нечестивый рабъ, что когда глаза мои только что успѣли сомкнуться, мнѣ представился самъ блаженный Юліанъ, который велъ за руку молодого человѣка и представилъ его мнѣ, говоря, что судьба этого юноши избѣгнуть меча, веревки и рѣки, и принести счастье той сторонѣ, къ которой онъ пристанетъ, и приключеніямъ въ которыхъ будетъ участвовать. Я вышелъ гулять на слѣдующее утро и встрѣтился съ молодымъ Шотландцемъ, котораго образъ видѣлъ во снѣ. Въ отечествѣ

своемъ онъ избѣжалъ меча, тогда какъ все его семейство было умерщвлено; а здѣсь, въ краткій промежутокъ двухъ дней, онъ страннымъ образомъ спасся отъ утопленія и висѣлицы, и уже успѣлъ въ одномъ случаѣ, какъ я намекнулъ тебѣ, оказать мнѣ самую существенную услугу.

Сказавъ это, король снялъ шляпу, и, избравъ изъ украшавшихъ ее свинцовыхъ образковъ изображение св. Юліана, поставилъ его на столъ, что онъ часто дѣлывалъ, когда его посѣщало какое нибудь особенное, мимолетное чувство надежды, а можетъ быть и угрызенія совѣсти; потомъ, преклонивъ колѣни, пробормоталъ съ видомъ величайшей набожности: «св. Юліанъ, внемли мольбамъ нашимъ! молись, молись за насъ!» — *Sancte Juliane, adsis precibus nostris! Ora, ora pro nobis!*

Это былъ одинъ изъ тѣхъ лихорадочныхъ припадковъ суевѣрной набожности, которые часто овладѣвали Людовикомъ XI въ такихъ необычайныхъ случаяхъ и мѣстахъ, что давали одному изъ умнѣйшихъ государей, когда либо царствовавшихъ, видъ съумасшедшаго, или по крайней мѣрѣ чловѣка, котораго духъ потрясенъ какимъ нибудь особеннымъ, глубокимъ сознаниемъ своего преступленія.

— Я велѣлъ Галеотти Мартивалле составить гороскопъ Дорварда, снова заговорилъ Людовикъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — и узналъ, посредствомъ учености астролога и моихъ собственныхъ наблюдений, что во многихъ отношеніяхъ участь этого

бездомнаго юноши находится подъ вліяніемъ однихъ созвѣздій съ моею.

Каковы бы ни были мысли Оливье о причинахъ, заставившихъ Людовика такъ смѣло отдать предпочтеніе неопытному молодому человѣку, но хитрый цирюльникъ не осмѣлился дѣлать возраженій, зная, что король, во время пребыванія своего въ изгнаніи, внимательно изучилъ мнимую науку звѣздохетства и не позволилъ бы никакому издѣваться надъ предметомъ, въ которомъ считалъ себя свѣдущимъ. Оливье ограничился только изъявленіемъ своего убѣжденія, что юноша окажется вѣрнымъ въ исполненіи возложеннаго на него труднаго порученія.

— Мы позаботимся, чтобъ ему не представилось возможности дѣйствовать иначе, сказалъ король: — онъ не будетъ знать ни о чемъ, кромѣ того, что его послали провожать графинь де-Круай въ резиденцію литтискаго епископа. О вѣроятномъ вмѣшательствѣ Гильйома де-ла Марка онъ узнаетъ такъ же мало, какъ онѣ сами. Тайна эта должна быть извѣстна одному только проводнику: тебѣ или Тристану предстоитъ отыскать годнаго человѣка для нашего дѣла.

— Но въ такомъ случаѣ, сказалъ Оливье: — если судить о молодомъ Шотландцѣ по его отечеству и наружности, онъ вѣроятнѣе всего схватится за оружіе при первой встрѣчѣ съ дикимъ вепремъ и, можетъ быть, не такъ удачно спасется отъ клыковъ звѣря, какъ спасся сегодня утромъ.

— Если онъ умретъ, спокойно возразилъ Людовикъ: — то св. Юліанъ (да будетъ благословенно его

имя!) можетъ мнѣ, вмѣсто его, прислать другого. Какая нужда, что посланный убить послѣ исполненія возложеннаго на него дѣла? это все равно, какъ еслибъ была разбита бутылка, когда вино изъ нея выпито... Между тѣмъ, намъ надобно приготовить отъѣздъ дамъ и потомъ увѣрить графа де-Крѣвкера, что онѣ отправились безъ нашего содѣйствія, потому что мы желали возвратить ихъ попеченіямъ нашего любезнаго брата, но намѣренію нашему помѣшало ихъ внезапное бѣгство.

Король разстался съ своимъ совѣтникомъ и тотчасъ же отправился въ покои графини де-Круай. Немногихъ убѣжденій, кромѣ его простого дозволенія, было бы нужно, чтобъ склонить дамъ къ выѣзду изъ Франціи, при первомъ намекѣ, что онѣ не могутъ найти себѣ здѣсь вѣрную защиту противъ герцога бургундскаго; но не такъ легко было убѣдить ихъ избрать Литтихъ мѣстомъ своего убѣжища.

Онѣ просили и требовали, чтобъ ихъ отправили въ Бретань или Кале, гдѣ, подъ покровительствомъ герцога бретанскаго или короля англійскаго, онѣ могли бы жить въ безопасности, пока герцогъ бургундскій не ослабѣетъ въ своей къ нимъ строгости. Но ни одно изъ этихъ убѣжищъ не соотвѣтствовало планамъ Людовика, и онъ наконецъ успѣлъ убѣдить ихъ довольствоваться тѣмъ, что онъ назначилъ.

Трудность состояла въ томъ, чтобъ безопасно добраться къ маленькому двору епископа; но объ этомъ Людовикъ обѣщалъ позаботиться, распустивъ слухъ, что графини де-Круай бѣжали изъ Тура ночью, боясь

быть выданными бургундскому послу, и направили путь свой въ Бретань. Онъ также обѣщаль дать имъ небольшое, но надежное прикрытіе и письма къ начальникамъ городовъ и крѣпостей, черезъ которые имъ прійдется проѣзжать, съ предписаніями употребить все средства для защиты и пособія ихъ путешествію.

Графини де-Круай, хотя внутренно и негодовали на недостатокъ великодушія и рыцарства, съ которыми Людовикъ лишаль ихъ обѣщаннаго убѣжища при своемъ дворѣ, однакожь были такъ далеки отъ нехотѣнія посѣшно отправиться изъ Франціи, что даже предупредили желаніе короля, прося позволенія пуститься въ дорогу въ ту же самую ночь. Графиня Амелина уже утомилась мѣстомъ, въ которомъ не было блестящихъ празднествъ, а графиня Изабелла думала, что уже видѣла достаточно и могла заключить, что Людовикъ XI, не довольствуясь изгнаніемъ ихъ отъ своего двора, не задумался бы предать ихъ разгнѣванному герцогу бургундскому, еслибъ это согласовалось съ его видами. Людовикъ охотно согласился на ихъ немедленный отъѣздъ, желая сохранить миръ съ герцогомъ Карломъ и опасаясь, чтобъ красота Изабеллы не помѣшала исполненію любимаго его плана: отдать руку дочери своей Жанны герцогу Орлеанскому.

(Продолженіе въ слѣдующ. №).

Журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 140 до 200 страницъ. Смотри по содержанію статей, въ журналѣ будутъ помѣщаться картинки, чертежи, географическія карты, планы и проч.

Цѣна за **12** книжекъ въ годъ **ШЕСТЬ рублей**, съ доставкою на домъ — **СЕМЬ руб.**, съ пересылкою въ города **СЕМЬ руб. ПЯТЬДЕСЯТЪ коп. сер.**

Казенныя учебныя заведенія могутъ доставлять деньми въ теченіи 1860 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ — въ конторахъ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ»: при книжныхъ магазинахъ *Василья Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, и *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова.

Въ Москвѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Н. Щепкина и К^о*, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Въ Тифлисѣ — у книгопродавца *Беренштама*.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія *исключительно въ редакцію журнала, въ С. Петербургѣ, на Лиговкѣ, въ домъ Зуева.*

Каждый № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе журнала зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, неполучившіе какого-либо № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ господину С. Петербургскому Почтъ-Директору.